
ОГОНЁК
№ 29 ИЮЛЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Бессмертен Александр Матросов.

Вечер. На проспекте Ленина многолюдно.

ВЕЛИКИМ ЛУКАМ 800 ЛЕТ

ПРЕДСЕРДИЕ

Студенты Великолукского педагогического института Нина Кирова и Владимир Сурменков на старинном крепостном валу.

БЮРО УСЛУГ — БЮРО ИНФОРМАЦИИ

Ник. КРУЖКОВ

**Фото М. САВИНА.
Специальные корреспонденты «Огонька»**

В бюро услуг — бюро информации «Огонька» БУ-БИ — почти одновременно пришло два письма. Вот строки из этих писем:

«16—17 июля с. г. один из старейших русских городов — Великие Луки — будет праздновать свое 800-летие. Расскажите о нашем славном городе читателям «Огонька».

Великолучанин Андрей Иванович Тимошинин, пенсионер».

«Я принимал участие в освобождении города Великие Луки от фашистских захватчиков в составе 17-го стрелкового полка 31-й стрелковой дивизии 1-й ударной армии генерала Галицкого, был тяжело ранен. Город представлял собой руины. С тех пор прошло более 23 лет, а я ни разу не был в этом городе. Расскажите, как выглядят теперь Великие Луки.

Петр Георгиевич Некаев,
старший лейтенант запаса,
инвалид Отечественной войны».

Уважаемые Андрей Иванович и Петр Георгиевич! Выполняя вашу просьбу, редакция журнала «Огонек» направила в город Великие Луки своих специальных корреспондентов.

Восемьсот лет назад в Новгородской летописи впервые появилось упоминание Лук на Ловати. С тех пор и исчислен возраст этого города, живописно расположившегося по обоим берегам Ловати, у затейливой излучины, где воды реки делятся на два рукава, оги-

ИНДИРА ГАНДИ — ГОСТЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

По приглашению Советского правительства нашу страну с официальным визитом посетила Премьер-Министр Индии Индира Ганди.

На Внуковском аэродроме столицы высокую гостью встречали Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и другие официальные лица. Представители трудящихся Москвы тепло приветствовали главу правительства дружественной Индии.

Визит Индиры Ганди в Советский Союз — яркий пример крепнущих, развивающихся отношений между двумя странами.

На снимке: Встреча на Внуковском аэродроме.

Фото Дм. Бальтерманца.

Страда шагает на север

бая остров Дятлинку. От излучины и название Луки, а уж добавление Великие пришло позднее, когда город трудом и ратным боем добыл себе славу, а жители его — признание и честь.

Сперва Великие Луки были южным оплечьем Новгорода, потом Пскова, а впоследствии, когда Иван Грозный покончил с новгородской и псковской вольницей, именовались пригородом Москвы. Доставалось городу изрядно, жгла его вражья сила дотла много раз, но старанием жителей и всей Руси восстанавливался он вновь, и слава его не меркла. О Стефане Батории и учиненных им опустошениях до сих пор бытует народное сказание: «Копил-то король, копил силушку, копил-то он, собака, двенадцать лет. Накопивши силы, на Русь пошел — на три города, на три стольные. На первый-то город Полоцкий, на другой-то город на Великие Луки, на третий-то на батюшку на Псков-град».

Когда западная граница России была далеко продвинута вперед и оказались Великие Луки в тылу, зажили они тихой уездной жизнью. В 1910 году проживало в них не более 11 тысяч человек — утопал городок в садах, преимущественно деревянный, с немощеными или булыжными улицами, с торговыми рядами, с площадью, где нетрудно было утонуть в осеннюю или весеннюю распутицу, с 17 церквами и монастырями, с тюрьмой, пожарной каланчой и прочими атрибутами российского уезда. Лишь крепостные валы, заросшие буйной травой, оставались свидетельством былой воинственности. Оживляли город железнодорожные мастерские — народ тут трудился деятельный и неспокойный, доставлявший немало хлопот здешним жандармам и полицейским.

После Великой Октябрьской революции Великие Луки стали расти, появились новые предприятия, уездные черты постепенно стирались — к 1940 году население Лук достигло 40 тысяч. Вот только долго не могли «приписать» город к определенному месту — то он был в составе Псковской области, то Ленинградской, то Смоленской, то Калининской, но великолучане этим нимало не смущались, у них была своя старинная гордость: «Мы — великолукские».

И гордость эта, любовь к своему городу, к российской земле сказалась во всей силе, когда грянул гром Великой Отечественной войны и немецко-фашистская орда валом повалила на восток. Не прошло и месяца, как враг оказался у Великих Лук. Тридцать три дня шло сражение, но в конце концов пришлось уйти на восток, покинуть город, который был дорог и любим. Горе-горькое досталось тем, кто не успел уехать или уйти. Узнали люди, что такое фашистский «орднунг», — истребление, надругательства, насилие, жестокость, подлость, голод принесли с собой войска гитлеровского райха. Однако торжество победителей было недолговечным. Через год с небольшим пришла расплата.

Разгром немецко-фашистской группировки под Великими Луками, явившийся результатом 36-дневных ожесточенных боев, поверг немецкое командование в трепет. От Великих Лук шла прямая линия на Берлин. Бесноватый фюрер приказал во что бы то ни стало удержать Великие Луки. Находившемуся при последнем издыхании немецкому гарнизону были обещаны высокие награды. Командующему группировкой немцев в Великих Луках, точнее, ее остатками, полковнику фон Зассу послали рыцарский железный крест вместе с сообщением, что после победы город будет переименован в Зассбург. Этого, как мы знаем, не произошло. Барон фон Засс окончил свой жизненный путь на виселице в тех же Великих Луках, казненный за свои неслыханные злодейства, совершенные над мирными жителями.

Войска, очистившие от врага Великие Луки, не увидели города. Его не было. Всюду, куда падал глаз, расстилалось пепелище. Дым и чад плотной тучей висели над всем пространством, где лежали Великие Луки. Январское солнце не могло пробиться сквозь густую пелену гари, висевшую кровавым пятном. Гибель и разрушение безраздельно царили здесь, и казалось, что жизнь никогда не вернется на эту умерщвленную землю.

Поезд пришел в Великие Луки ослепительно ярким июньским утром. Солнце светило так старательно, словно и впрямь хотело представить нам город в самом наилучшем виде. Новый, уютный вокзал окрашивался и прихорашивался. На привокзальной площади трудились бульдозеры.

— Косметику наводим,— весело сказал разбитной шофер, улыбаясь во весь рот,— через месяц праздник, 800 лет Великим Лукам. Хорош городок, а?

Город и в самом деле хорош. Во все стороны расходились залитые асфальтом улицы, застроенные красивыми четырехэтажными и пятиэтажными домами, обсаженные деревьями. Всюду были видны цветы — в окнах домов, вдоль тротуаров, в скверах. Как бы соревнуясь друг с другом, бежали автобусы, направляясь на свои тринадцать линий, связывающие центр города с его окраинами. Мчались мотоциклисты на машинах самых разных марок.

— Это что, гонки? — спросили мы у водителя.

— Да нет, все нормально — у нас семь тысяч мотоциклов! — воскликнул он восторженно.— Во как!

Город раскрывался все шире и шире.

— Театр!—сказал шофер, показав на красивое здание с колоннами.— Сейчас тут играют псковские актеры, а наши уехали в район. Псковские хорошо играют, но и великолукские не хуже.

Судя по всему, водитель наш был мастер рассказывать о своих Великих Луках.

Впрочем, он не был несправедлив: город, чистый, светлый, веселый, нарядный, как бы улыбался нам навстречу. Хорошо одетый народ ходил по своим улицам спокойно, с достоинством.

Знакомство с городом, в котором прежде никогда не бывал, всегда пробуждает живой интерес, желание определить лишь ему присущие черты. Оставив вещи в гостинице, мы с наслаждением целый день, до ломоты в ногах, бро-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 29 (2038)

17 ИЮЛЯ 1966

Уборочная страда, взяв старт на юге, широко зашагала на север. Заронотали моторы комбайнов в Оренбургской, Калужской, Орловской, Тульской областях. Хорошие хлеба на Украине. В колхозе «Искра», Чигиринского района, Черкасской области, где сделан этот снимок, ожидается отменный урожай. «Возьмем по сорок центнеров с гектара»,— говорят колхозники.

Фото А. Устинова.

Александр Петрович РУДАКОВ

Умер Александр Петрович Рудаков, видный деятель Коммунистической партии, член Центрального Комитета КПСС, секретарь ЦК КПСС, заведующий Отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР.

Александр Петрович Рудаков родился в 1910 году в городе Пологи, Запорожской области, на Украине. Свою трудовую деятельность он начал в 1927 году в Донбассе на угольной шахте. Работал крепильщиком, лебедчиком и забойщиком. Здесь же на шахте А. П. Рудаков вступил в ряды Коммунистической партии.

Всю свою сознательную жизнь А. П. Рудаков отдал служению делу нашей партии. Шахтер, студент, партийный работник — таков его трудовой путь. В предвоенные годы А. П. Рудаков ведет ответственную партийную работу на Украине. В трудные годы войны он на фронте, потом снова на Украине, там, где поднимались из руин заводы и шахты. С 1954 года А. П. Рудаков — заведующий Отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС, а с ноября 1962 года член ЦК КПСС и секретарь ЦК КПСС.

На всех участках работы, куда бы ни направляла его партия, А. П. Рудаков трудился самоотверженно, вся его жизнь — пример преданности великим идеям марксизма-ленинизма. Память о нем навсегда сохранится в сердцах советских людей.

12 июля Коммунистическая партия, советский народ проводили А. П. Рудакова в последний путь. Из Колонного зала Дома Союзов урна с прахом А. П. Рудакова в сопровождении траурного кортежа следует на Красную площадь.

На трибуну Мавзолея поднимаются товарищи Л. И. Брежнев, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, А. Н. Шелепин, В. В. Гришин, П. М. Машеров, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, Б. Н. Пономарев, член Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микоян, заместители Председателя Совета Министров СССР, члены Правительственной комиссии по организации похорон А. П. Рудакова.

По поручению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР траурный митинг, посвященный памяти А. П. Рудакова, открывает председатель Правительственной комиссии, секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов.

На митинге с речами выступили первый секретарь Московского городского комитета КПСС Н. Г. Егорычев и министр черной металлургии СССР И. П. Казанец.

Урна с прахом А. П. Рудакова устанавливается в нише Кремлевской стены. Ее закрывают мраморной доской. Залпы артиллерийского салюта сливаются с величественной мелодией Государственного гимна СССР.

дили по улицам, скверам, садам Великих Лук, легкомысленно отказываясь от услуг транспорта. Мы заходили в магазины, полные товаров, но лишенные московской сутолоки. Люди, как и везде, искали лучшего; плохого, старомодного не брали. В продовольственных лавках было все необходимое. В кафе, столовых, ресторанах чистота и уют. На большом городском базаре полно деревенской снеди. Рослые крестьянки в белых нарукавниках торговали не спеша, без криков и зазываний...

— Уж очень вы расхваливаете Великие Луки!— воскликнет какой-нибудь скептик.— Неужто там нет никаких недостатков?

Конечно, есть. В самом благоустроенном доме можно обнаружить черную лестницу, где бегают кошки и стоят помойные ведра. В Великих Луках нас пленило зримое желание не на словах, а на деле сделать жизнь великолучан более удобной и хорошей.

Изящный мост через реку Ловать привел нас к парку, где среди старых крепостных валов величественно возвышался сооруженный по проекту эстонского архитектора Порта обелиск воинам, павшим при освобождении Великих Лук. Неподалеку от обелиска— памятник над могилой Александра Матросова, отдавшего свою жизнь в боях под Великими Луками. Скульптор Вучетич запечатлел героя в момент его броска на вражескую амбразуру, броска, который его, молодого советского парня-комсомольца, сделал бессмертным.

Реку Ловать бороздили лодки, у берегов сидели рыбаки, замершие от пожиравшего их азарта, на речных пляжах отдыхали сотни людей. Вся эта панорама, облитая золотом заката, являла собой живописную картину. Вечером, когда солнце ушло на отдых и воцарились светлые и долгие летние сумерки, главная улица— проспект Ленина — наполнилась гуляющим народом, а скамейки в парках плотно и надолго заняли влюбленные парочки. Зажглись люминесцентные лампы, огни реклам и вывесок, темная Ловать послушно отразила их, и весь город оказался в пунктирных линиях светящихся точек. Из недальних лесов и полей ночной ветер доносил волнующую свежесть.

После войны в Великих Луках возникли предприятия, каких раньше не было: швейно-трикотажная фабрика — предприятие высокой культуры, как его справедливо именуют; завод высоковольтной аппаратуры, поставляющий свою продукцию в разные концы страны и за границу, в том числе в Египет; крупный, новый, «с иголочки», льнокомбинат; старое, еще дореволюционное предприятие — паровозо-вагоноремонтный завод восстановлен и модернизирован, стал тоже новым, как и все в Великих Луках; к концу этого года даст свою продукцию завод технического фарфора; строится фабрика трикотажного полотна.

Новые Великие Луки оставили далеко позади довоенные масштабы, не говоря уже о дореволюционных. Из 80 тысяч жителей — половина рабочие и служащие. Три высших учебных заведения, техникумы и средние школы, в которых учатся в общей сложности 22 тысячи человек, делают Великие Луки городом молодежи.

Местные руководители в большинстве тоже молодые люди. Без всяких обиняков говорили они, что из Великих Лук их никаким калачом не выманишь. Великолучане по рождению, они связаны со своим городом всеми нитями жизни. Может быть, именно поэтому он и окружен заботой, ощущаемой на каждом шагу.

Есть в городе и окраины, где не найдешь многоэтажных зданий,— там на косогорах выстроились частновладельческие домики, окруженные садами и огородами, но и на этих тихих улочках не найдется следов заброшенности.

Здешний краевед, тонкий знаток старины, Полина Ефимовна Иванова, сказала нам: «Пишу историю Великих Лук, закончу ее — и это будет итог всей моей жизни».

Мы объездили весь город, пытаясь найти следы старых Великих Лук,— ничего не нашли, если не считать стен храма Вознесенского, девичьего монастыря, построенного в XVII веке.

Все ново в Великих Луках! И дома и люди!

Чацкий горестно воскликнул: «Дома новы, но предрассудки стары». Пример новых Великих Лук утверждает обратное: новый, чистый, красивый город обязывает жить по-новому, более культурно, благоустроенно. На швейно-трикотажной фабрике мы увидели объявление: «Собрание мужчин. Повестка дня: «О борьбе с нарушениями общественного порядка». Секретарь парткома Софья Львовна Данилова объяснила: последнюю дурь вышибаем из наших мужичков: у нас, швейниц, не забалуешься!

В городе масса ребятишек. То они важно шествуют по улицам и скверам в сопровождении мам, пап или бабушек, то резвятся на пляже под надзором старших, оглушая своим писком солидных купальщиков, то идут вереницей в кино на детский сеанс, и улица пестрит от разноцветных платьев и штанишек. Ничего-то они не знают — ни войны, ни бедствий. Все доброе и хорошее — для них. Мы были в пионерских лагерях, созданных для городских ребят в живописной местности — Опухликах. Сосновый лес, полный смолистых запахов, поэтические озера Большой Иван, Малый Иван, Балаздыня и десятки более мелких, окруженных елями, березками и кустарником, с отличными песчаными пляжами. Здесь живут, отдыхают, загорают, купаются сотни ребят. Мы попали на футбольный матч между командами двух соседних лагерей. 10-летние нападающие и такого же возраста защитники сражались с неописуемым мужеством. Вопли многочисленных болельщиков раздирали окрестности. Сытный ужин ждал и победителей и побежденных.

...На окраине Великих Лук под сенью тополей братского кладбища спят вечным сном доблестные защитники города. Здесь мы увидели могилу Матвея Кузьмина, 84-летнего крестьянина, который, подобно Ивану Сусанину, долго и путано водил по лесам вражеский отряд, вывел его прямо под огонь советских пулеметов и был убит разъяренными фашистами. Здесь могила 16-летнего Васи Зверева, школьника, подорвавшего гранатой немецкий танк, и могила великолукских полиграфистов, выпускавших антифашистские листовки во время оккупации и расстрелянных немцами. Тут же неподалеку — обелиск на могиле писателя Владимира Ставского, прах которого был перевезен сюда из-под Невеля...

Спокойно спят мертвые. Они погибли за Родину, и память о них вечна. Они погибли за то, чтобы цвела жизнь и земля наша была украшена радостью и счастьем.

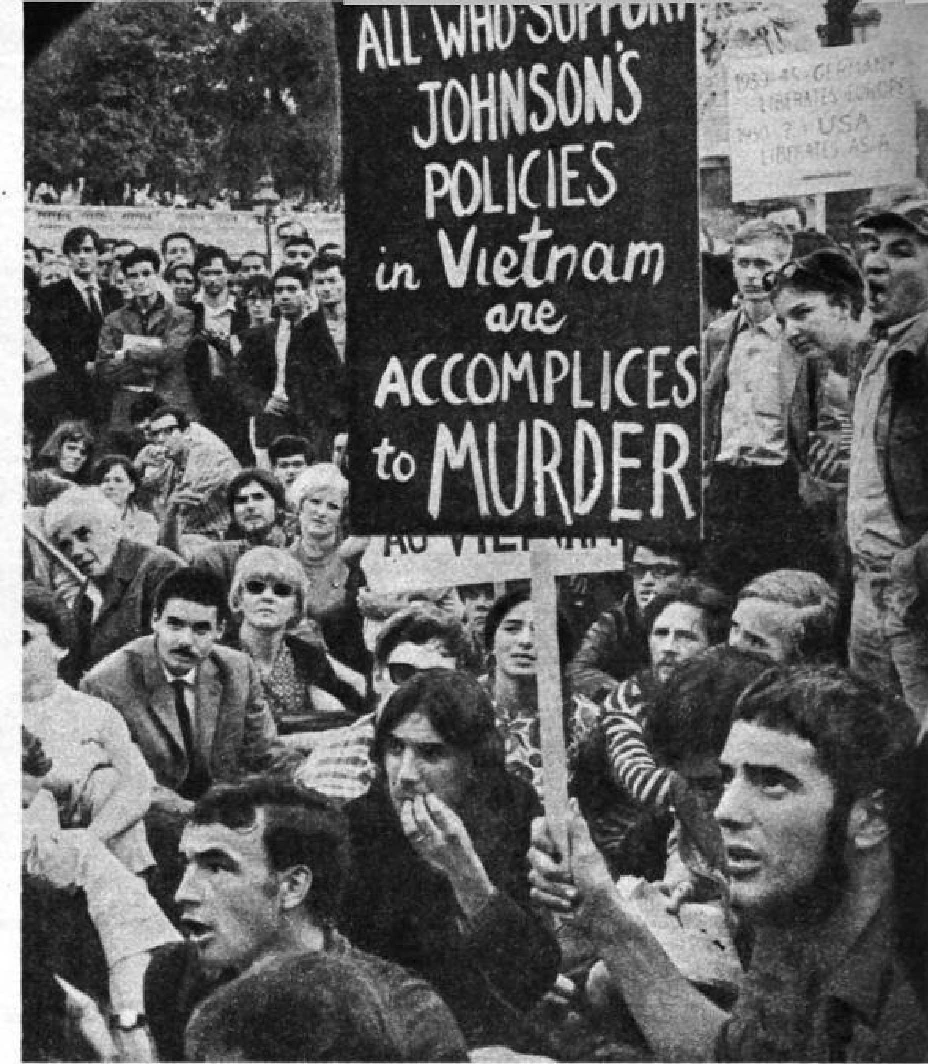
Рядом с кладбищем — город, полный жизни и света, древние Луки на Ловати, новгородское оплечье, московское предсердие. Он и древен и нов, он как жизнеутверждающий символ русской мощи, которую никому не согнуть и не сломить.

С тобой миллионы, Вьетнам!

«Правительство США должно знать, что чем больше будет совершено преступлений против вьетнамского народа, тем больше будет тяжесть вины, тем суровее будет расплата за нее...

Силы мира, поддерживающие борьбу вьетнамского народа, могут заставить американских империалистов прекратить агрессию во Вьетнаме и тем самым внести большой вклад в дело обеспечения мира во всем мире».

Из Заявления государств — участников Варшавского Договора — в связи с агрессией США во Вьетнаме.

Вьетнам. Это слово сегодня пишется на первых страницах всех газет мира. Это слово, с которого начинают свои передачи радиостанции пяти материков планеты. Это слово, которое собирает на митинги и демонстрации разгневанных людей в Советском Союзе и Италии, Англии и Японии, Франции и в самих Соединенных Штатах.

На этом снимке вы видите митинг протеста, состоявшийся на ленинградском заводе «Вибратор». Но мы могли поместить фотографию митингов и собраний, состоявшихся в Москве или Владивостоке, Кишиневе или Диксоне, Фрунзе или Таллине. Все советские люди едины в своем осуждении американских преступников, в своем восхищении мужеством вьетнамских патриотов, в своем стремлении помочь братскому народу Вьетнама.

Протестует Япония: демонстрация в городе Осаке в связи с пребыванием в Японии государственного секретаря США Дина Раска.

ЗАБОТЯСЬ О СУДЬБАХ ЕВРОПЫ

На теле Европы, как сыпь, американские военные базы и аэродромы. Вот обычная картинка — солдаты американской армии в Западном Берлине.

Пока у них нет атомного оружия. Но что будет потом?

Фото ТАСС, журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

Главарям НАТО пришлось перенести свою штаб-квартиру из Франции в Бельгию. Но в Брюсселе это решение было встречено демонстрацией протеста.

Кому в голову придет хвастаться своей дружбой с преступником или демонстрировать интимные связи со злоумышленником?

Оказывается, есть такие люди. Вот, например, Карл Генрих Кнапштейн, западногерманский посол в Вашингтоне. Он до невозможности рад, что Западная Германия стала для Соединенных Штатов, говоря его словами, «самым важным союзником в Европе». Его приводит в восторг, что США «опираются» в своей политике именно на ФРГ.

Кнапштейна не смущает откровенно агрессивный характер американской политики. Он не обращает внимания на то, что американский империализм «опирается» на ФРГ теми же самыми руками, которыми он ведет кровавую войну против вьетнамского народа. И, уж конечно, ему нипочем, что агрессивные силы США в своей европейской политике стремятся подогреть напряженность на нашем континенте, углубить раскол Европы, вызвать новую волну гонки вооружений, воздвигнуть но-

В знак протеста против поддержки английским правительством войны США во Вьетнаме объявил голодовку англичанин Джордж Кларк. На фотографии: Джордж Кларк у здания парламента.

◀ На этом снимке демонстрация протеста перед зданием американского посольства в Париже. На плакатах надписи: «В 1939 — 1945 годах Германия «освобождала» Европу. С 1950 года США «освобождают» Азию», «Все, кто поддерживает политику Джонсона во Вьетнаме, являются соучастниками убийства».

вые препятствия между западноевропейскими и восточноевропейскими государствами.

Собственно, именно это и прельщает реваншистские круги Западной Германии в американской политике. Планы германского милитаризма совпадают с намерениями реакционных кругов США. Главный источник напряженности в Европе — Североатлантический военный союз — основывается ныне на американо-западногерманском сговоре. Этот сговор опасен для Европы тем, что он таит в себе возможности военных конфликтов.

На одном из снимков, напечатанных здесь, читатель может видеть солдат возрожденного вермахта, который теперь называют бундесвером. Пока они вооружены «обычным» оружием. Но все настойчивее и настойчивее милитаристы в ФРГ требуют атомного оружия. И вместе с этой настойчивостью все реальнее становится угроза миру в Европе.

Заботясь о судьбах европейского континента, участники Варшавского Договора на совещании Политического консультативного комитета в Бухаресте приняли Декларацию об укреплении мира и безопасности в Европе. В ней социалистические страны, верные принципам мирного сосуществования, определили главные направления, по которым могут и должны осуществляться мероприятия по укреплению безопасности в Европе. В Декларации говорится: «Государства, подписавшие настоящую Декларацию, выражают готовность искать вместе с другими государствами взаимоприемлемые пути к укреплению мира в Европе. Они преисполнены решимости отстаивать на международной арене линию на мир, международное сотрудничество государств, на сплочение всех свободолюбивых и прогрессивных сил, бороться против империалистической агрессии, политики диктата и насилия, поддерживать дело свободы, национальной независимости и социального прогресса».

За этими словами мощь и авторитет великого социалистического содружества.

А. СЕРБИН

ПОД НЕБОМ АЛЬБИОНА

От нашего специального корреспондента

А. СОФРОНОВ

Первый удар по кожаному мячу был сделан в Лондоне 11 июля в 6 часов 30 минут по местному времени. Для болельщиков всего мира он был равен взлету космической ракеты, которая будет летать в их воображении в течение трех недель.

Кто-то домашним способом, а может быть, при помощи электронной машины вычислил, что таких любителей насчитывается на земном шаре 400 миллионов! Что ж, мы можем принять это число на веру, так как вряд ли кто пожелает заниматься пересчетом. Кончилась пора прогнозов и нескромных заявлений о возможных победителях и возможных обладателях кубка золотой богини Нике, распростершей свои ребристые сверкающие крылья над всеми континентами. По этому поводу могут возразить: в первенстве участвуют команды трех континентов. Мы позволим себе не согласиться с этим утверждением. Да, под небом туманного Альбиона скрестили оружие команды трех материков. Но сияние богини Нике распространяется и на все остальные континенты. В далекой Австралии, команда которой была разгромлена темпераментными корейцами на подступах к розыгрышу мирового первенства, многие тысячи болельщиков печально вздыхают по поводу того, что им в лучшем случае выпал жребий выбрать одну из 16 команд, кому можно отдать в эти дни свою любовь и свои не растраченные еще силы болельщиков. И на африканском континенте зреют футбольные гроздья гнева. Время африканских команд еще впереди. И под африканским жгучим солнцем рождается свой темпераментный футбол...

Волею судьбы, а точнее, неумолимого жребия, большая группа советских журналистов в те минуты, когда на лондонском стадионе «Уэмбли» был сделан первый удар по мячу, занимала места в самолете для того, чтобы приземлиться в центре Англии — на аэродроме Ньюкасла. Откровенно говоря, мы думали, что летчики через стюардесс будут передавать нам полученные по радио сведения о ходе матча Англия — Уругвай. Но летчики были заняты своим делом, им надо было поднять старенький, набитый до предела пассажирами самолет и провести его по трассе. Стюардессы были заняты своим делом — сервис и коммерция превыше всего: они принимали заказы и таскали на подносиках пассажирам маленькие бутылочки с виски, джином, коньяком, металлические банки с пивом. Часы показывали, что первый тайм уже закончился, когда летчики все же смилостивились и передали нам, впрочем, без особого удовольствия, что пока счет на поле «Уэмбли» — 0:0.

Позади у нас был большой день перелета из Москвы в Лондон, вечернее по лондонским улицам.

Лишь в начале десятого, вечером, мы приземлились на аэродроме Ньюкасла. Под крылом самолета стояли аэродромные рабочие, готовившиеся заправить баки самолета. Один из них сказал: «Англия плохо: 0:0», — и опустил большой палец вниз.

До конца игры оставалось три минуты. Чуда не свершилось. Когда мы дошли до авто-

буса, игра закончилась. Я спросил у заслуженного мастера спорта А. П. Старостина, находящегося в нашей группе: «Устраивает ли нас такое начало?» Старостин улыбнулся и сказал: «Посмотрим».

Именно посмотрим. Впереди много игр, много событий...

Двенадцать лет назад таким же летним вечером я приехал в Ньюкасл, и все было так же, как сейчас. Тихо. Спокойно. Серые и буро-красные домики. Зеленые газоны и аккуратно подстриженные кусты роз. Полное безлюдье. Темные окна. Ньюкасл спал. Ему было, по всей видимости, совершенно безразлично событие, которое закончилось несколько минут назад на стадионе «Уэмбли».

Затемно мы въехали в Сандерленд и снова увидели пустынные улицы, маленькие серые, буро-красные домики. Таким образом, нам предстоит добрый или недобрый (смотря по обстоятельствам, которые сложатся на футбольном поле) день прожить в Сандерленде, небольшом старом промышленном городке с хорошими футбольными традициями. Как сообщается в рекламных проспектах, изданных на нескольких языках, в том числе и на русском, Сандерленд всегда играл важную роль в английском футболе. И уже для полноты впечатления следует сообщить, что Сандерленд является одним из важных центров судостроительной промышленности не только Англии, но и всего мира. В последние годы здесь спускаются на воду самые большие по тоннажу корабли Англии, доходящие в отдельных случаях до 87 тысяч тонн. На окраине Сандерленда имеются угольные шахты, несколько штреков уходят в Северное море. А уголь в Сандерленде добывают более 500 лет. В Сандерленде расположен один из центров стекольной промышленности и самый большой в Англии завод передвижных подъемных кранов. В общежитии технического колледжа, где мы живем, все время испытываешь ощущение, что находишься в конторке какого-то цеха. Сюда доносится грохот расположенных неподалеку промышленных предприятий.

Все это, конечно, не имеет прямого отношения к футболу, но невольно вызывает уважение к людям, которые тебя окружают. И раз уж жребий, вытянутый нашими футболистами в Лондоне, привел нас сюда, на берег Северного моря, мы должны знать, где мы находимся. О том, что здесь любят футбол, можно судить по тому, что в витринах спортивного магазина мы увидели четыре футбольные майки команд тех цветов, которые будут сражаться на местном стадионе. Вот тут-то и вспомнилось мне слово ветерана советского футбола Старостина: «Посмотрим»... Время прогнозов кончилось, началось время игр шестнадцати лучших команд мира, собравшихся под небом туманного Альбиона. К слову сказать, эпитетом «туманный» мы можем сейчас пользоваться, хотя небо над Англией солнечное,— ведь никто еще не знает, кто встретится 30 июля на стадионе «Уэмбли» в Лондоне.

«Посмотрим!..»

И посмотрели. Милях в двадцати от Сандерленда расположен другой промышленный городок — Мидлсбро. Рабочие в замасленных спецовках спешили к автобусам. Мы приехали в Мидлсбро в час окончания работы, незадолго до начала встречи команды Советского Союза с почти неизвестной всем командой КНДР.

Мы подъехали к стадиону в тот самый момент, когда к воротам его подкатил автобус, в котором сидели наши футболисты в голубовато-синих тренировочных костюмах. Полицейские вежливо и настойчиво отжимали толпу репортеров и любителей автографов, а толпа накатывалась, как волна на берег, и снова уходила, чтобы дать место другой, еще более мощной волне. Наши игроки скрылись в раздевалке, и только Лев Яшин, хорошо известный по многим встречам, оказался зажатым толпой и терпеливо ставил свои подписи в блокнотах. Он был не очень здоров и поэтому в этой первой встрече занял место на трибуне зрителей.

Стадион в Мидлсбро старый. На нем много стоячих мест. Здесь была трудовая Англия. В нескольких местах под свежим ветром колыхались красные полотнища, приветствовавшие представителей Советского Союза.

Минут за двадцать до начала игры на поле выбежала команда КНДР в красных футболках и белых трусах. Ее тепло приветствовали зрители. Вслед за корейской командой на поле вышли и наши футболисты — в белых футболках и голубых трусах. Советскую команду тоже горячо приветствовали. Началась разминка. Корейский вратарь делал акробатические прыжки. Ему аплодировали.

В то мгновение, когда испанский судья И. Гардезабал, отлично проведший все соревнование, дал свисток, возвещающий начало игры, такие же свистки раздались на двух других футбольных полях, где играли команды Бразилии — Болгарии и ФРГ — Швейцарии. Будут ли сегодня неожиданности, которые несколько сгладят впечатление от первой неприятности в Лондоне? И хотя это еще был не гамлетовский вопрос «Быть или не быть?», все же, честно говоря, ожидание такое у английских болельщиков было. Сидя в ложе прессы на стадионе Мидлсбро, мы, естественно, не знали, что происходит на других полях. Скажем откровенно, первые 25 минут игры нам особой радости не доставили. Для корейских футболистов эта встреча была первой на европейских футбольных полях. Еще не было в мире команды, которая бы выходила на поле с желанием проиграть. Естественно, такого желания не было и у корейцев. Мировая пресса много шумела по поводу корейской загадки, а иначе говоря, естественного желания тренера КНДР не раскрывать секреты своей тактики.

Мы сидели и смотрели на техничную игру корейских футболистов, которые успешно отбивали атаки наших игроков. Сейчас я смотрю в свою записную книжку. Что же записано там в этот момент, когда тень вчерашней неудачи Англии с Уругваем еще витала над стадионом?

Да нет, как будто бы не так все и плохо. На второй минуте кто-то из корейских спортсменов головой выбивает мяч на угловой. Потом вратарь выбивает еще один мяч. На пятой минуте следует еще один угловой. На седьмой минуте — четвертый. Наши ребята как будто бы и владеют инициативой, но мяч все никак не влетает в ворота корейцев. Больше того, на четырнадцатой минуте наш вратарь Кавазашвили взял опасный мяч, поданный корейцами со штрафного. Зрители аплодируют корейским футболистам, словно ободряя их. Затем игра переносится к корейским воротам. Еще удар! Еще мяч отправляется на угловой. А гола все нет и нет, хотя советские туристы кричат: «Шайбу, шайбу!» И вот тут-то и следует отметить лучше всех игравшего А. Банишевского. Он появляется в разных концах поля, завязывает атаки, и ему активно помогают Э. Малафеев, И. Численко.

Идет тридцатая минута игры. Первый мяч влетает в корейские ворота. Кто забил его? Оказывается, Малафеев. Тень, нависшая над нами, начинает укорачиваться. Но что такое 1 : 0! Хождение по проволоке! Нужен, нужен еще один гол! И, конечно, понимая это, Банишевский делает атлетический рывок, проходит с мячом к воротам корейской команды... Удар! И второй мяч затрепыхался, как пойманная рыбка, в сетке ворот. 2 : 0! Это уже кое-что! Но где предел жадности болельщиков? Я еще не встречал таких, которые после первого или второго мяча, влетевшего в сетку противника, отвернулись бы от сытого стола острых ощущений...

Тем не менее время шло. И на этой кульминации, вспыхнувшей в начале тридцатой минуты, и закончился первый тайм. И тут мы вспомнили игру, которую затеяли на втором этаже синего автобуса, мчавшего нас среди картофельных и капустных участков, расположенных с двух сторон дороги из Сандерленда в Мидлсбро. Был пущен по рукам белый лист бумаги, на котором каждый из нас записывал «свой прогноз». Лев Кассиль записал скромно — 1 : 0, А. Старостин — 3 : 1, Л. Малюгин и я — 2 : 0, кто-то поставил 4 : 1. Как же это все кончится?

В перерыве нам принесли сводку. Бразильцы ведут игру — 1 : 0. Команда ФРГ во встрече со швейцарцами тоже выигрывает... Первые 45 минут на трех стадионах пока сенсаций не дали.

А в это время на зеленом поле в Мидлсбро

вышагивал оркестр и массивный тамбурмажор искусно вертел огромным жезлом, вызывая аплодисменты зрителей. Неплохая разрядка для нервных болельщиков.

И вот снова футболисты на поле. Идет первая минута. Мяч почти влетает в корейские ворота... Почти? Ах это «почти»! Не раз оно подводило нас. Чувствуется, что игроки КНДР решили отыграться во что бы то ни стало. Они действуют с большим напором. Кажется, сейчас мяч влетит в сетку наших ворот. Это почти так и было... Но здесь «почти» оказалось на нашей стороне. Мяч шел в левый нижний угол... Как важно защитнику правильно выбрать место, и Леонид Островский выбрал это место! Его левая нога знала, что делает правая. Именно из-за нее счет остался неизменным. Но корейская команда не хочет мириться с поражением. Да и кто, когда хотел смириться с поражением? Снова наступает наша команда. Отлично бьет на пятнадцатой минуте Численко, но вратарь корейцев в акробатическом прыжке выбивает мяч на угловой. Банишевский остается душой атаки. Хорошо взаимодействует с ним Численко. Но изменений в счете нет...

Итальянский журналист говорит: «Банишевский — очень хорошо». Наши туристы властно требуют «шайбу». «Что такое шайба?» — спрашивает итальянский журналист. Мы объясняем, что это тот предмет, которым играют в хоккей. Не понимает: ему слышится не «хоккей», а «о'кей». Лев Филатов, наш спортивный комментатор, рисует шайбу на бумаге. «Ах, на льду!» — восклицает наш потенциальный противник. И третья «шайба» все-таки влетает в корейские ворота.

Теперь нам хочется знать, что произошло на других стадионах. Чудес не получилось. Сенсаций не было. Команда ФРГ со счетом 5 : 0 обыграла швейцарцев. Бразильцы победили болгар — 2 : 0. Говорят, что это была нелегкая победа.

И здесь я снова вспомнил слово А. Старостина: «Посмотрим». Действительно, нам всем будет что посмотреть! Впереди много волнующих игр!

Лондон — Сандерленд.

Эдуард Малафеев забивает первый гол в ворота команды КНДР.

Торжественное открытие VIII чемпионата мира по футболу. Королева Елизавета знакомится с футболистами Уругвая.

Герой матча Бразилия — Болгария Пеле.

11 июля 1966 года. Лондон. Стадион «Уэмбли». На поле футболисты Англии и Уругвая. Уругвайский вратарь Л. Мазуркевич выбивает мяч на угловой.

Фото ТАСС и ЮПИ.

ТАШКЕНТ, ИЮЛЬ 1966

Евг. ПОПОВКИН, Ген. СЕМЕНИХИН,

специальные корреспонденты «Огонька»

Уже третий месяц столица Узбекистана живет необычной для мирного города жизнью. Относительно спокойные дни и ночи по-прежнему чередуются с тревожными, когда судороги земных недр поднимают с постелей горожан, заставляют выходить на улицы, держаться подальше от строений.

Не короток путь от Москвы до Ташкента. Даже скоростные воздушные лайнеры доставят вас туда лишь через пять часов. Но нежданная катастрофа, разбудившая город на рассвете 26 апреля, словно приблизила всех советских людей к ташкентцам. Преодолевая тысячи километров, ежедневно мчатся сюда, как и в мае, июне, десятки эшелонов с новыми партиями строителей, техникой, продовольствием, мебелью, медикаментами. Идут из Москвы и Ленинграда, с Украины и Прибалтики, Белоруссии и Грузии, Казахстана и Армении. Не уменьшается и поток писем со всех уголков страны от добровольцев, стремящихся внести свою лепту в строительство города.

Накануне отлета из Москвы мы позвонили в Ташкент своему давнишнему другу:

— Продолжается?

— Докладываю: не хватает четырех толчков до пятисот. Счет продолжается...

Оставляя столицу Узбекистана спустя десять дней, мы взглянули на справку сейсмической станции. Было зафиксировано пятьсот восемнадцать толчков различной силы, четыре — семибалльных.

— А каждый толчок,— сказал первый секретарь ЦК Коммунистической партии Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов,— проходит через душу, сердце ташкентца.

Все это время мы ежедневно — по радио, телевидению, в утренних газетах — слышали или читали сообщения сейсмической станции «Ташкент». И как бывало когда-то в прифронтовом городе, так и сейчас на широких проспектах, площадях, улицах, в тесных переулках Ташкента — везде и всюду напряженнейший пульс жизни, по-солдатски суровой, строго организованной. И сходство с прифронтовым городом придают Ташкенту не только военные машины, солдаты, брезентовые палатки у полуразрушенных строений, пункты первой медпомощи на улицах, усиленные патрули по ночам, готовность каждого в любое мгновение хладнокровно встретить яростные атаки подземной стихии. Весь сегодняшний уклад жизни израненного, но не утратившего богатырского здоровья города, особо четкий ритм работы всех учреждений — от Центрального Комитета партии и Совета министров республики до мастерских бытового обслуживания и автолавок — все подчинено одной цели: как наиболее рационально использовать колоссальные силы и средства, направленные правительством, всей страной Ташкенту, и как, сохраняя при любых новых испытаниях высокую организованность, дисциплину, собранность, возможно лучше и быстрее отстроить город.

Множество неотложных проблем, одна важнее другой, стоят сейчас перед ташкентцами. Покончить до осенних холодов с палаточными городками и дать кров пострадавшим семьям, подготовиться к новому учебному году в школах и высших учебных заведениях; трудоустроить выпускников 10—11-х классов; повысить производительность труда на предприятиях.

В конце июня в Ташкенте проходил пленум Центрального Комитета партии Узбекистана. В большом зале заседаний ЦК собрались партийные работники, архитекторы и строители. Кое-кто едва-едва успел стряхнуть с себя пыль строительных площадок и переодеться. Некоторые и этого не успели сделать. Обсуждался вопрос о ликвидации последствий землетрясения, о реконструкции и строительстве Ташкента.

Докладывал первый секретарь горкома партии С. Р. Расулов. Он огласил цифры, показавшие размеры бедствия. Потеряно почти два миллиона квадратных метров жилья. Лишились крова 68 тысяч семей. При этом у 39 тысяч семей квартиры уничтожены совершенно. Надо вникнуть в эти потрясающие цифры.

Полностью или частично разрушены 690 предприятий торговли и общественного питания, 84 административных здания, 26 коммунальных заведений. Серьезно пострадало 245 промышленных предприятий. Выведено из строя 181 учебное заведение, в том числе школы на 8 тысяч мест, 36 культурно-просветительных, 225 детских и 185 медицинских учреждений.

У душевного и отзывчивого к чужой беде узбекского народа есть чудный обычай — хашар. Когда нужно строить жилье, люди приходят, как братья, на помощь друг другу. В Ташкенте ныне происходит воистину всенародный хашар. Еще недавно это слово, понятное и близкое только узбекам, сегодня известно всем живущим на советской земле людям. Оно стало символом великой и нерасторжимой дружбы, братства всех народов нашей Родины, синонимом бескорыстной помощи друг другу, горячего участия в горе, постигшем твоего побратима.

Это не патетические слова, которыми, что греха таить, мы подчас щедро одаряли друг друга в дни праздников и торжественных событий. Слова о братстве и дружбе наполнились своим подлинным смыслом, проверены всем, что свершается в Ташкенте в эти дни сильнейших испытаний.

В годы гражданской войны и разрухи голодные беженцы находили здесь приют и пищу; тогда писали и говорили: «Ташкент — город хлебный». В суровое время борьбы с фашистскими захватчиками город оправдал это название вторично. Он дал жилье, одежду и пищу сотням семей, эвакуированных из временно захваченных врагом районов страны. На строительстве Ташкента сейчас можно встретить детей фронтовиков, получивших здесь в сорок втором и сорок третьем годах гостеприимный кров.

Столицу Узбекистана ныне строит вся страна. Доводилось не раз слышать от рассудительных товарищей:

— Есть ли смысл отстраивать город? Толчки ведь продолжаются! Мало ли что еще может случиться...

На недоуменные эти вопросы доброжелательных, но слабо осведомленных людей может ответить не только любой ташкентский строитель, но и каждый горожанин. Возводятся и будут возводиться лишь дома и здания, безопасные в сейсмическом отношении, возникнет новый город, которому не будет страшна никакая стихия. Добавим: один из благоустроеннейших и красивейших городов, который и раньше пленял всех с первого взгляда. В созидании его творчески будут использованы вековые традиции зодчества и декоративного искусства узбекского народа. Широко, на много километров раскинется город-сад с колоритными по-восточному архитектурными ансамблями, с милыми сердцам ташкентцев журчащими арыками, живописными фонтанами, тенистыми аллеями, благоухающими розариями. И пока многочисленные группы геологов, геофизиков, архитекторов, проектировщиков детализируют планировку различных районов столицы, вносят в типовые проекты домов поправки на сейсмические и климатические особенности зоны Ташкента, специалисты думают о солнцестойких красках, цветном и небьющемся стекле, настенной мозаике, широком применении пластических материалов.

Известно, какую огромную долю в строительстве Ташкента приняли на себя республики и города Советского Союза. Российская Федерация обязалась построить 330 тысяч квадратных метров жилья, москвичи — 230 тысяч, украинцы — 160 тысяч, ленинградцы — 100 тысяч.

На окраине Ташкента, в поселке Сергели, возводят город-спутник военные строители. До 1 апреля будущего года они построят 150 тысяч квадратных метров жилья с полным комплексом культурно-бытовых учреждений. Приступили к строительству две с половиной тысячи юношей и девушек из всесоюзного студенческого отряда «Дружба».

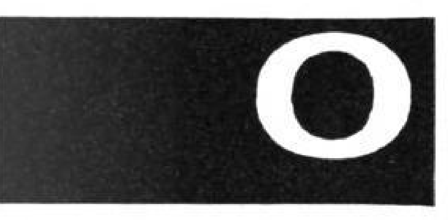
Одним из первых ташкентцы встретили эшелон из Москвы. Было это в конце мая. Полторы тысячи московских строителей уже развернули работы во всю ширь. И участники пленума ЦК Компартии Узбекистана горячо аплодировали начальнику управления «Главмосстроя» в Ташкенте Михаилу Павловичу Кохaненко, когда он с трибуны сказал: «Третьего июня москвичи уложили первые кубометры бетона в котлованы будущих домов!»

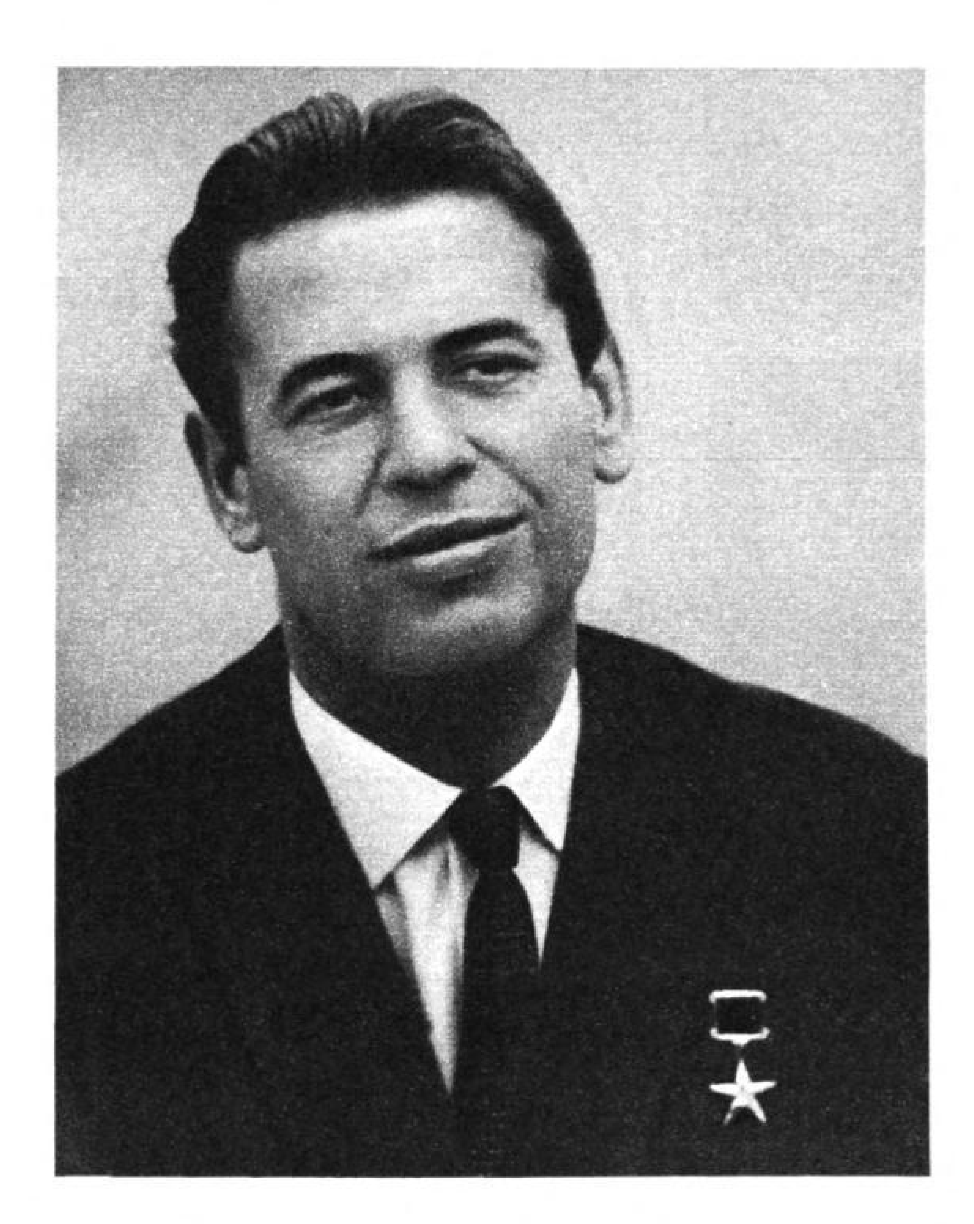
На следующий день мы навестили своего земляка. Разыскать Михаила Павловича в районе Чиланзара, на юго-западе Ташкента, удалось не сразу. В здании, временно предоставленном строителям, разместилось несколько управлений. Прорабы, бригадиры, инженеры добирались сюда на «газиках», грузовиках, самосвалах. Коханенко разговаривал в небольшой комнате со строителями, зашедшими по неотложному делу. В белой легкой рубашке с распахнутым воротом и закатанными рукавами, обнажившими крепкие за-

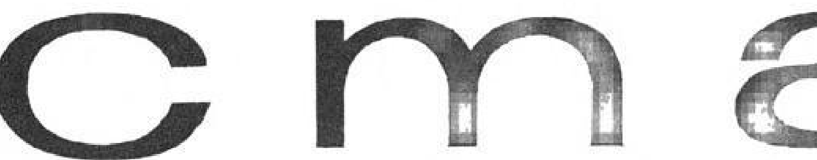
Окончание — на стр. 32.

Из жизни ста

А. СТАРКОВ

Один из делегатов XXIII съезда партии рассказывал мне:

— Выступал Холявко, сталевар из Макеевки. Молодой красивый парень. По-моему, и тридцати нет. Стройный, темноволосый. Говорил спокойно... Вынул из кармана листки, положил перед собой, расправил. Но не читал. Вернее, читая, не читал. Свободная, живая интонация, не скованная написанным текстом речи. Чувствовалось, что каждое слово свое. Что вот так же говорит он у себя в цехе на партийном собрании.

А потом, уже в Макеевке, я услышал от самого Холявко:

— Ох, и волновался же я! Гляжу в написанное мной и не вижу, что написано... Товарищи по делегации предупреждали, учили: выйдешь на трибуну, забудь, что перед съездом выступаешь, думай, что ты на партсобрании. Я и старался так думать, но ничего не получалось. Волнение не проходило. И не прошло. Спустился с трибуны, а руки дрожат. Сел, сосед наклонился, что-то говорит мне, а я не слышу, не понимаю, что он говорит. Приехал домой, в Макеевку, пришел в цех, ребята говорят: «Да ты, Володя, никак похудел там, в Москве...» А Иван Примин, которого я сменяю у печи, говорит: «Похудаешь! Я в газете выступление твое читал, и то переживал ужасно. Лучше сто плавок подряд отстоять, чем на такое решиться. Смелый ты человек, Холявко!» И все, кто стоял вокруг, засмеялись. Потому что впервые на нашей памяти молчаливый Ваня произнес такую длинную речь. Действительно, значит, сильно переживал за меня.

Чувствуете, какой мне встретился рассказчик? Отменный. И поэтому в очерке о сталеваре Холявко, Герое Социалистического Труда, я постараюсь как можно чаще и больше предоставлять слово ему самому.

У меня уже есть такая возможность. Володя объясняет мне, почему он по документам старше, чем на самом деле:

— В паспорте моем — 30 сентября 1934 года. А я на другой только год родился, и в праздник — Первого мая. Кто ж меня состарил? Загс. Когда новую метрику выправляли после оккупации. При немцах отец с матерью, как и в других семьях, все документы попрятали. И так хитро, что моя метрика и не нашлась. А надо в школу записывать. В загсе спрашивают: «Сколько лет сыну?» Мать неграмотная, говорит: «Десять, должно быть...» «Значит, тридцать четвертого он года. А какого числа?» Не помнит. И отца нет, в армии со старшими сыновьями. Регистраторше некогда, дел у нее выше головы,— чуть не в каждом доме документы утеряны. Архивы сожжены. Она и говорит: «Поставим сегодняшнее число». А был сентябрь, тридцатое... Отец пришел с войны, всполошился: «Что же вы Вовку сентябрем записали? Он ведь у нас праздничный, первомайский». Но переделывать метрику не стали. Так я и остался по документам не весенним, а осенним. И день рождения отмечаю дважды — фактически и формально.

Отец — лесник. У нас вокруг на многие километры лесные массивы. И дом наш на опушке леса, на самом краю села. А село в котловине, в глубокой чаше. Домá — по дну впадины и по уклонам. Наш наверху, чуть на отшибе, у самого, как я уже сказал, леса. Но участок отца на другой стороне котловины, в Браиловском лесу. Наш — Стругский. По деревне Струги. Она в глубине леса, в глухом месте, туда не дороги, а тропинки. Наше село — Каскады. Откуда такое название, не знаю. Водопадов нет. Может, были когда: скал и валунов полно вокруг. Сколько я себя помню — в лесу! Почти все впечатления детства связаны с лесом. Где пас корову? В самой чащобе. Знал все тропки. Все потайные болотца знал, все змеиные логова. Ох, и змей в Стругском лесу! А ты босый в густой траве. Но не было у нас, у мальчишек, страха перед змеями. Били мы их палками нещадно. Соревнования устраивали, кто больше набьет за лето. У меня был счет сорок — пятьдесят штук. И все-таки в чемпионы не выбивался. Чемпионом был мой приятель Николка. Он в одно лето за сотню перешел. И змеи боялись нас, это я верно говорю — боялись. Идешь и слышишь: зашурудила в траве—ага, удирает. Самая опасная змея — рыжуха. Небольшая, красноватого оттенка. Эта не уползает. Притаится маленьким клубком, колечком неприметным. И, выждав момент, оттолкнувшись от земли, кидается на тебя, раскручиваясь в воздухе. Такую надо— одним ударом! По голове. Без ошибки. И ножом в куски — муравьям. Живуча гадюка! Хвост дергается, бьется до восхода солнца. Это мы точно приметили — в какую бы пору суток ни убить рыжуху, отрубленный хвост ее замирает только на восходе...

Нас было четыре брата и три сестры. Отца мы мало видели. Вставал на рассвете и к себе на участок, в лес. А туда километров десять, наверно. Надо через все село пройти. И через Новую Ушицу, районный городок. Мы—Хмельницкой области. Это недалеко от Молдавии, от бывшей границы. Речка наша, Калюс, впадает в Днестр... Но я про отца. Мы, говорю, мало его видели. Он все в лесу да в лесу, и ночевал-то часто в лесной конторе. Так что росли мы больше возле деда. Звали его Степан Васильевич. На весь район примечательный был старик: ростом два метра двадцать сантиметров. Гренадер. Служил много лет в Петербурге. В артиллерийском полку. Уволили из армии по несчастному случаю: надорвался, поднимая что-то тяжелое. Не знаю, что он мог поднять такого, чтобы надорваться.

Пушку, видать, не меньше, потому что на моих глазах, уже совсем старый, с грыжей, поднимал телеграфные столбы, когда их у нас ставили. Столбик на плечо, и идет легкой походкой. Умер на 89-м году. Огурцы полол на огороде. И вдруг замер на корточках, чуть на бок привалился. Мама наша, его дочка, подбежала — мертвый.

Нас, говорю, было семь у родителей. Сейчас шесть. Старшего брата Ивана убили на третий день войны, двадцать четвертого июня. А за два дня до войны, двадцатого, он заезжал домой. На коне прискакал. Он был младший лейтенант, служил на погранзаставе. Это от нас километров двести пятьдесят. И вот Ивану было какое-то задание в Киев. Он туда, на коне. И на обратном пути домой заехал. Я его только по тому разу и запомнил. Саженного, как дед, роста. Кудрявый. Мать говорит, что он был самый красивый изо всех нас. Первенец ее! А нам, ребятишкам, больше всего нравилась военная форма на нем. Новенькая зеленая фуражка, такие же петлицы, широкий ремень с золотой, как нам казалось, пряжкой. А конь! Ох, и красавец! Черный, вишневого, помню, отлива, и белая звездочка на лбу. Какой длинный путь проделал, а стоял, пританцовывая, в новую дорогу рвался. Иван спешил, и покатать нас не было у него времени. Мы ходили вокруг коня и поглаживали его шелковистую кожу. И, конечно, все по очереди примеряли Иванову фуражку. Напоил он из колодца лошадку, сам молока выпил, расцеловался со всеми и поскакал к себе на заставу. Не знали мы, что жить ему оставалось четыре дня... Потом была бумага: пропал без вести. А еще позже, лет через пять после войны, заезжал к нам человек, который был с Иваном в бою, когда застава от немцев отбивалась. И рассказал, как погиб Ваня, и даже съездил с матерью на заставу, показал его могилу.

Я помню оккупацию. Когда нагрянули немцы, мне шести не было, когда их выбили,— десятый пошел. А в ту пору, сами знаете, ребята быстро взрослели. Я все помню... Новую Ушицу разбомбили в первый день войны. Горели сахарный и спиртовой заводы. Леса кругом горели. В райгородке у немцев был штаб, в Каскадах, в селе,— комендатура. Все дома заняли, только в нашем не поселились. Побаивались, видно: на отшибе стоит, у самого леса. Сразу за домом густой кустарник, а чуть подальше глухая уже чащоба. Днем лазили: курей поколотят, молока заберут. А на ночь никогда не оставались, ночью подальше от нас... Я говорю: село, райгородок. А разницы-то между ними, считай, нет. Село переходит в город, сливается с ним почти вплотную. И у меня среди дружков были всегда и сельские и городские ребятишки. Николка, чемпион по змеям, каскадский. А другой мой закадычный приятель, Лева, был новоушицкий. Из еврейской семьи. В городке да и вообще в округе жило много евреев. Гестаповцы сгоняли их в гетто. Мы раньше и слова-то такого не слышали. Немцы огородили площадь, на которой прежде проходили демонстрации, митинги, колючей проволокой высотой в три человеческих роста и назвали: гетто. Люди, согнанные сюда, сидели, лежали прямо на мостовой. Площадь небольшая, и становилось все теснее и теснее. К гетто нельзя было подходить, но мы, мальчишки, ухитрялись, и я раз увидел за колючей проволокой Леву. Он был с матерью. Отец его первое время скрывался, а потом не выдержал разлуки с семьей и тоже явился в гетто... А один мужчина бежал оттуда, но его поймали и повесили. Объявление было: за укрывательство евреев—смертная казнь. Но укрывали, прятали...

Дед Степан увидел женщину, которая с мальчонкой на руках бродила в кустарнике за нашим домом. Зазвал в дом. Прячется от немцев, от гетто. Ночь провела у нас, а чуть рассвело, дед с матерью отвели ее через лес в Струги. Там не было немцев. И они за всю оккупацию так ни разу и не заглянули в эту глухую лесную деревушку, боялись. В Стругах спаслось несколько еврейских семей... Тут как-то прошлым летом ездил я на родину, в Каскады. Я там почти каждый отпуск провожу: нет для меня лучше места на свете... Пошли мы с матерью в магазин съестного прикупить. И вдруг какая-то пожилая женщина, увидев нас, бросилась к маме, обняла ее... Это была та самая женщина. Сейчас она живет в Киеве. Она сразу узнала маму, а про меня спросила: «Сын?» «Сын, — сказала мать,— вот навестить приехал из Макеевки». «А мой,— сказала женщина,— со мной в Киеве, вернее, я с ним, с его семьей... Вы-то, наверно, про то время ничего не помните...» — обратилась она ко мне. «Нет,— сказал я,— помню!» И я действительно все помню. И особенно тот день, когда всему населению приказано было собраться на опушке Трихвивского леса... Толпу построили полукольцом. Так, чтобы со стороны леса никого не было. Впереди толпы цепочка немецких солдат. И позади солдаты. Ямы были уже вырыты. Квадратные, глубокие... Начали подъезжать телеги с людьми из гетто. Толпа расступилась, пропуская их. Я увидел Леву... Тихо было, совсем тихо. Никто не рыдал. Даже дети молча принимали эту смерть. Стреляли солдаты, стоявшие впереди толпы. Но и у задних автоматы были наготове... Залп, стук лопат. Убитых закапывали оставшиеся в живых. Залп, стук лопат. Последних мертвых зарывали солдаты... Сейчас на том месте, на опушке Трихвивского леса, большой, высокий памятник из черного гранита.

Когда, говорю, немцев вышибали, мне десятый пошел. И я уже совсем хорошо помню, как это было. Как наши Новую Ушицу брали. Городок — на западной стороне котловины, наверху. И наступавшим с востока, от Стругского леса, оттуда, где наш домишко стоит, нужно было спуститься по одному склону и подняться по другому. И все это под прямой наводкой немецких орудий, бивших сверху. Попробовали атакой с ходу взять городок — только бойцов потеряли. И тогда решили — перебежками от скалы к скале, от ущелья к ущелью, используя их как доты. В нашем доме штаб полка разместился. Дед, отец, старшие мои братья, Степан и Леня, рассказывали командирам, где какая скала, какой валун на пути, как ущелья расположены. А потом и сами, кроме деда, который тоже рвался, но его не взяли по старости, участвовали в наступлении на Новую Ушицу. Как солдаты. И так в том полку солдатами и остались. Позже их пути разошлись. Степан до Берлина дошел, на рейхстаге расписался. А отец чуть не дошел: его в каком-то немецком городишке при комендатуре оставили. А Леня в Восточной Пруссии войну заканчивал... Первым пришел с войны отец. Но я уже вам об этом рассказывал, когда вспоминал, как меня загс состарил...

...Я так увлекся рассказом Володи Холявко, что забыл об авторских обязанностях. Полагается как-то комментировать слова своего героя. А может, в данном случае и не нужно этого делать? Не нужно! Он, герой, как вы могли убедиться, великолепно обходится и без моего вмешательства. Сейчас мы, не задерживаясь в школе — он кончил семилетку в Каскадах,— проследуем за ним прямо в ремесленное училище, а это уже Макеевка...

— Я из Каскада не первый в Макеевке. Кто започинил, не знаю. Но тут уже были наши ребята: электрики, машинисты кранов. А сталевар — я первый. Собирался, между прочим, тоже в машинисты. И боялся, что не пройду по здоровью. Кашлял сильно, простыл в лесу. Пас корову в мае на дальнем выгоне. И вдруг ударил ливень с градом в яйцо. Всю землю покрыло. И я два километра топал бо́сый по ледяным катышкам. В тот же вечер температура сорок. Мокрый плеврит. Неприятная эта штука—дрянь из меня литрами выкачивали. Все лето провалялся и еще с год кашлял. А перед тем, как ехать в Макеевку, в ремесленное, новая беда. Правую руку сломал. Ехал верхом вдоль леса. Из-за кустов собака прямо под ноги коняге. Лошадка в испуге — через ров, а меня — в ров. Упал на спину, руку подвернул, перелом запястья. Вот таким и предстал перед приемной комиссией — с недавним плевритом, с рукой, которая еще гипсом пахла. Но ни разу не кашлянул и про перелом не сказал: очень хотел в училище. Говорят: здоров. Говорят: в сталевары... Начались занятия, и в первые же дни — физподготовка. Через «козла» прыгать, на турнике подтягиваться. Я два раза, сжав зубы, подтянулся, на третий—боль страшная, не выдержал, сорвался. Упал удачно. Не повредил в тот раз руку. Сломал я ее снова через год. Боролся с приятелем в общежитии. Я его крепко мотнул, он меня тоже крепко. И я ударился рукой о спинку кровати...

Шкода был порядочный! Известный, можно сказать, на все училище. Вернее, нас трое было таких, за которыми вся группа шла. Вася Фирсов, из Курска, Петька Ущеко, смоленский, и я. Так и говорили: тройка из Тринадцатой. Наша группа была № 13... Сила в руках играла, кулаки были здоровые. И где какая карусель, катавасия — без нас не обходилось. Друг за дружку вся, говорю, группа. Но только почестному: без ножей, без железяк. Не задевай нас, девчат наших — и мы не тронем. Батманские задели—запомнили. Батман—это поселок на северной стороне Макеевки. Ребята оттуда ходили к нам в клуб на танцы. Мы их хоть и не любили, считали чужаками, но терпели. Пока не появился у них в вожаках нахальный парень, у которого и кличка-то была подходящая: «Тюрьма». Из колонии вернулся. До него батманские были вроде нас: могли погулять, силенкой помериться, как мы говорили, «перекинуться». Но хулиганства в этом не было. А «Тюрьма» с ножом, с финкой. И все батманские завели ножи. Приходят в клуб, стенкой стоят и как что — железо кажут. Я уж не помню, кого из наших они затронули. Честно говоря, мы даже ждали этого, ждали случая, чтобы проучить. Их было человек десять, нас тридцать, вся Тринадцатая. И мы взяли, конечно, количеством. Мигом повыбивали у них ножи из рук, кастеты. И выдали как могли. Особенно усердно «Тюрьму» разрисовали. Он долго с «флюсом» ходил. И притаился. Подстерег со своими нашего Васю Фирсова, когда тот с девушкой шел. Побили... И тут уж мы, не тридцать, а, наверно, триста, почти всем училищем, прошлись по Батману... Милиция вмешалась. Потом это дело, эту заваруху разбирали на райкоме партии. Как результат плохой воспитательной работы в училище. Комсомольцев — в райком комсомола. Везде только и слышно было: «Тринадцатая... Тринадцатая группа... Тройка из Тринадцатой... Заводилы... Сладу нет»... И Гришняков сказал: «Дайте мне эту Тринадцатую. Я их доведу до ума».

Кто Гришняков? Я не называл его? Петр Сергеич. Важный в моей жизни человек, мой Макаренко. И не только мой... Нет, не педагог. Коренной макеевский сталеплавильщик. С неохотой уходил из цеха в ремесленное. Выдвинули, назначили заместителем директора по учебной части. Точнее, числился и. о. Высшая инстанция не утверждала в должности из-за отсутствия педагогического образования. Диплома у него не было. Но было зато истинное призвание, о котором он прежде, работая в цехе, и не подозревал... Вот Гришняков и вызвался: «Пойду мастером в Тринадцатую...» Начал с нас, с лихой тройки. Понимал, что за нами вся группа пойдет. Со мной у него первая беседа была такая. Только я вошел в комнату, говорит: «Скидыва́й гимнастерку!» Я не понял... «Скидывай, скидывай... Количеством

берете, оравой... А ты со мной один на один попробуй. Ты да я, я да ты...» Думал, шутит. А он не шутил. Сбросил с себя пиджачишко, рубаху снял, остался в майке. Мускулатура играет, как у Власова. Пожилой человек, но сильно, видать, натренированный. А я люблю сильных. Стою, молчу, жду, чтобы улыбнулся. Не улыбается. «Что же ты,— говорит,— трусишь... Сейчас из тебя горбатого сделаю...» И подступает ко мне, а я отступаю, к дверям пячусь. Там, за дверьми, Вася и Петька, тоже вызванные на разговор. Гришняков распахнул двери и говорит: «Вот полюбуйтесь... Приятель ваш. Боится со мной один на один. Подсобите ему! Вам не привыкать — гамузом, десять на одного... Тройка из Тринадцатой! Троих мало? Ну зовите еще корешей, я готов...»

Мы с ним и сейчас друзья, с Петром Сергеичем. Он по-прежнему мастер производственного обучения в группе № 13. И водит ко мне ребят на практику... У Гришнякова я прошел свою первую школу как рабочий человек. Вторую, совсем иную,— у Ермоленки, сталевара, к которому попал в подручные сразу из училища. Я называю другую фамилию. На пенсии старик, отдыхает. Не хочу обижать его. Он достаточно сам себя обидел в жизни, обижая других.

Печь он понимал. Людей не понимал. То есть понимал, наверно, да по-своему. Человек был для него, как печь: выдавай плавку. Но даже у печи есть, мы считаем, свой характер, свои особенности. И Ермоленко, говорю, понимал это, учитывал! А вот своих подручных лишал... ну, как бы это сказать? — начисто лишал права на индивидуальность. Подручный был для него только под-ручный. Тот, кто под рукой. Неважно кто — Иван ли, Роман, Андриян,— важно, что под рукой. Я вот вспоминаю Ермоленку и думаю, задаю себе вопрос: почему он был несправедлив, недобр, ну просто жесток к людям, от которых, в общем-то, и зависел? Может, из кулаков он деревенских? Нет, знаю, что батрачил в юности. И в сталевары по всем трудным ступенькам подымался: третий подручный, второй, первый... Так почему же своего первого подручного, своего главного помощника даже по имени не называл, прилепил кличку: «Сопливый»? А этот «Сопливый» был его ровесник, многоопытный, всеми уважаемый Антон Иванович Родионов. Никому бы он и самой малой обиды не спустил. А Ермоленке прощал, к Ермоленке привык, притерпелся. Ох, и терпеливы мы бываем к таким людям, к хамству их, к бессмысленной, необъяснимой жестокости! А они пользуются этим. Они хитры. Ермоленко мог быть и ласковым. Вдруг. Очень он, например, ластился поначалу к новому второму подручному, Виктору Клёцу. Тот не понимал сперва: откуда такая честь, такое обхождение? А знавшие Ермоленку догадывались: женишка ищет для своей засидевшейся в девках дочери. Приглянулся ему Клёц: смазливый парень. И тихий, главное, тихий. Самый подходящий зять. Будет под-ручный и дома... Зазвал Виктора в гости на воскресенье, намекнул, чтобы пол-литра принес. Потом Клёц рассказывал: мука была ему там. Жена, дети сидят за столом молча, как чужие. Как пассажиры в поезде, которые не успели еще познакомиться. А хозяин время от времени рявкает... Не получился жених! И Ермоленко взъелся на Виктора, шпынял, придирался... Все мы были ему чужие. И больше всех он сам и был наказан. Не познал человек радости ни в чем. Даже труд не был ему в радость. Четверть века отработал — как повинную отбыл. Что может быть страшнее!

Вот какую «школу» прошел я у Ермоленки. И «уроки» его тоже легли мне, конечно, на душу. Я говорю «тоже», потому что в моей жизни было и много хорошего, оставившего след в душе. Но ведь учишься, зреешь не только на хорошем... В третьих подручных у Ермоленки я пробыл недолго. Перешел во вторые на соседнюю печь к Дмитрию Степановичу Володину. Тут уж настоящие и фамилия и имя-отчество. И человек настоящий, отличный человек. Добрый. Рядом с таким сам добреешь... Но я и у него — недолго. Уходил от Володина первым подручным. И почти сразу — в сталевары. В подсменные сначала. Заменял сталеваров по их выходным дням. Сегодня на одной печи, завтра на другой, послезавтра на третьей, всю неделю — скользящий график. В таком скольжении по цеху есть и положительное. Все печи узнал. Сколько людей увидел в работе!.. А потом мне дали постоянную бригаду. Быстро, как видите, продвинулся, за два года. Но, между прочим, не все первые подручные рвутся в сталевары, в бригадиры. Я знаю таких, что по двадцать лет в «первых». И его не зажимают, путь открыт—сам не хочет. Первый подручный—это уже, собственно, сталевар по знаниям, по опыту, по многим обязанностям. А разница такая: «первый» отвечает только за свое рабочее место. Сталевар — за всю печь, за всю бригаду. Правда, в случае чего ему и лавров больше. Но и «шишек» больше тоже в случае чего...

Наша бригада была комсомольско-молодежная. И еще ее называли холостяцкой. Все четверо неженатые. Но этот недостаток мы довольно легко ликвидировали. Открыл счет окольцованных Ваня Евпатенко, первый подручный. У него в кругу обязанностей связь с монтерами, с дежурными электриками на цеховой подстанции. Обычно, если что, он туда звонил. И вдруг говорит: «Сбегаю на подстанцию, не могу дозвониться». И на другой день снова: «Сбегаю к дежурному электрику...» А там не дежурный, там — дежурная. Таня... Вторым женился второй подручный, Виктор Клёц, тот самый, которого Ермоленко сватал. Третьим — третий... Так что в холостяках оставался только бригадир, известный вам Владимир Холявко. Но и над ним нависало... Стоим, как обычно, как каждый субботний вечер, в клубе рядком вдоль стены. Напротив тоже рядком девчата. Ждем начала танцев. Нас, ребят, восемь. Все мы в рябеньких пиджачках, в узких брючках — двадцать один сантиметр, в остроносых полуботинках. Если не глядеть на наши руки, можно подумать, что стиляги. Так и подумала, наверно, девушка, которая вошла, когда уже оркестр заиграл. Она была незнакома нам. Я ее увидел и сразу сказал хлопцам: «Вот на этой девушке я женюсь!» А Вася Гаврилюк сказал: «Очень ты быстрый!» И, опережая меня, пригласил новенькую к танцу. Но второй танец был за мной. И третий и четвертый. Попросил разрешения проводить. Она сказала: «Если вам так необходимо, пожалуйста...» Проводил до общежития, где она остановилась у подружки. Сама из Жданова, учится в Донецке. В горно-обогатительном техникуме. В Макеевке на преддипломной практике... Через полгода наша комсомольско-молодежная бригада полностью перестала быть холостяцкой. Мою жену зовут Галя. Сыновья — Вовка и Сергей...

...И все-таки, как автор, хотя и отказавшийся от комментариев, я должен вставить и собственное словечко. Дать небольшое разъяснение, выдать маленький свой производственный секрет. Чтобы не создалось впечатления, что мой герой говорит, говорит беспрерывно, а я так же беспрерывно записываю. Мы встречались с ним не единожды — в цехе, дома у него, гуляли по Макеевке. Виделись и в Москве, когда он, как член ЦК КПСС, приезжал на пленум. И то, что представлено читателю выше, смонтировано мной из многих бесед с Володей, как монтируют, скажем, фильм из кадров, снятых в разное время. Я просто придал строгую последовательность услышанному и записанному тоже в разное время. Сейчас вот, по хронологии, подошел черед рассказу о мировом рекорде годовой выплавки стали, установленном Владимиром Холявко и его товарищами. У меня это записано еще в самую первую нашу встречу. Я занес тогда в блокнот несколько главных цифр, или, как принято говорить, показателей: «325 тысяч тонн металла на 200-тонной печи — мировое достижение мартенщиков «Запорожстали» в 1964 году; 326 тысяч тонн — обязательство макеевцев, вступивших в соревнование с запорожцами; 466 тысяч тонн — результат, достигнутый в Запорожье в 1965 году; 490 тысяч — мировой рекорд Макеевки в том же году; 520 тысяч тонн стали — обязательство на этот год». И там же, в блокноте, такие данные: «12 часов... 7... 5 часов 30 минут... 3 часа 45... 3.09...» И пояснение: «Так сокращалось время плавки, время созревания металла, главным образом за счет продувки кислородом. А стойкость печи при таком форсированном режиме увеличивалась. Теперь ее кампания от одного холодного ремонта до другого не 300 плавок, а 409...» Далее — уточнения, так сказать, технологии рекорда. О «тылах», которые обеспечивают скоростную плавку. О взаимодействии всех служб цеха. Об умном использовании кислорода, а не по принципу «лишь бы дуть»... О железной пыли, которую выбрасывает мартен в воздух над городом, и как с ней бороться... Все это на первых страницах моего макеевского блокнота. А на последней — запись, которой можно завершить и очерк. Володя рассказывает мне о своем первом подручном, о Кофанове.

— Ну, вы знаете нашего Никифорыча, видели в работе... Как он вам показался? Не поспешает? Это верно, не торопится. Но и никогда не опаздывает... Я и сам к нему долго привыкал. И думал, что не привыкну. Я люблю во всем быстрый, стремительный темп. Люблю с ходу!.. И все ребята в комсомольско-молодежной были такие же. Работали мы так, что ветер свистел вокруг... Пришел на новую печь, в новую бригаду. И хотел, чтобы сразу тот же ритм, тот же темп! И сразу осечка. Вижу, что первый подручный не поспевает за мной. И похоже, не хочет поспевать. Потом я убедился, что не может. А сначала думал, не хочет. И это, понятно, раздражало. Меня бесила его медлительность, вялость даже. Правда, он всегда делал все в нужный срок. Тютелька в тютельку. И добротно. Но не в том темпе, как сделал бы я. Словом, он не привык, как я. А я — как он. И мы никак не могли сработаться. Я сдерживал свое раздражение, старался ничем его не выказывать. Но Кофанов понимал, что я сдерживаюсь. И в нем тоже накапливалось против меня. Кто-то должен был первым сорваться. И я не выдержал — сорвался. Накричал на него из-за какого-то пустяка. Это всегда так: на крупном терпишь, из-за мелочи взрываешься. Я кричал, а Яков Никифорович молча слушал, но не дослушал, повернулся и пошел от меня спокойненько, и я уже докрикивал ему в спину. Докричал и сразу стал противен сам себе. На весь день было испорчено настроение. Пришел домой, Галине рассказал. И она еще добавила мне. «Хочешь,— говорит,— быть как Ермоленко?..» Она сказала то, в чем я не решался себе признаться. Что могу стать действительно как Ермоленко. Таким же грубым, бессердечным, бессмысленно жестоким к людям. К Кофанову, в частности. К человеку, который на десять лет старше меня, через войну прошел. Что он мог подумать обо мне, когда я кричал на него?!

В те дни наше соревнование с запорожцами было как раз в самом разгаре. Мы искали резервы времени. Чтобы давать больше металла. И видели, что много теряем в момент после выпуска стали. Когда закрываем, замуровываем сталевыпускное отверстие. А закрывается оно с двух сторон — и с задней и с передней рабочей площадки. На это время—на десять, а то и пятнадцать минут — прекращают завалку шихты. Завалочная машина не может спереди подойти — люди стоят, отверстие закрывают. А что, если замуровывать его только с одной стороны, с задней? Десять — пятнадцать минут вакуума, вынужденной заминки превратятся в рабочее время. Это сорок добавочных тысяч тонн металла в год. Но наука да и старая практика против. Говорят, можно упустить, потерять всю плавку. Закрывать с двух сторон надежней, спокойней. Тут все, в общем, зависит от первого подручного, который при этой операции работает на задней площадке. От его расторопности, от точности действий... Я — к Кофанову. «Яков Никифорович, так, мол, и так... Не попробовать ли нам?» Говорю и думаю: «Обидел человека, а теперь к нему же и на поклон... Будешь помнить про колодец, из которого нужно еще пить...» А он, Кофанов, словно и не помня обиды, не затаив ее, говорит: «Хорошо, Володя, попробуем...» И вот уже год пробует. Год закрываем мы сталевыпускное отверстие только с одной стороны. И сорок тысяч тонн металла, о которых я говорил, в кармане! Ни единой плавки не упустил Кофанов. При всей своей медлительности, которая меня прежде раздражала. Я и теперь так не могу. Я люблю быстро, стремительно. А он — не торопясь, с прохладцей вроде... Ничего, сработались!

...Я надеюсь, что еще не раз встречусь с Володей Холявко, моим другом, и к этим страницам из его жизни, жизни сталевара, прибавится немало новых...

Владимир ИЗМАЙЛОВ

Человеку нужна любовь

* * *

Мой товарищ спросил у меня без затей:
— Отчего в Междуреченске много детей?
Как пойдешь по проспекту, так, право,
на взгляд
Тут не город в тайге,
А сплошной детский сад!..
— Отчего?
Оттого, что красивы места,
Оттого, что вода родниково чиста,
Оттого, что на улицы, хлынув весной,
Как вино, кружит головы запах лесной.
Оттого, что, когда зацветут огоньки,
Старики для старух заплетают венки!
И мужья, от забот отвлекаясь дневных,
Замечают, что жены красивы у них,
Ах, завидуйте, старые города,
Здесь любовь по-особенному молода!..
Водят парни невест на оранжевый луг,
Осыпая цветами-огнями подруг.
А черемуха!
Вся побелеет гора!
И не спит молодежь
И поет до утра,
А когда напоются,
Когда замолчат...
Ожидай, старики, голосистых внучат!
Мой товарищ спросил у меня без затей:
— Отчего в Междуреченске много детей?
Я плечами пожал,
Отмахнулся рукой:
— Отчего?
Да, наверное, климат такой!..

* * *

Человеку не надо жалости
И щедрот, подносимых на блюде.
Люди, будьте горды, пожалуйста,
Будьте гордыми, люди!
Не согласны, так возражайте,
А не правы — не раздражайтесь,
Помогая — не унижайте,
Получая — не унижайтесь.
Пусть вам жалость в лукавом обличии
Легкой жизни,
Посулов,
Участья
Не закроет простого величия
Созидателей общего счастья.
Лишь бы из-за обычной гордости
Доброта души не робела,
Лишь бы из-за привычной твердости
Нежность сердца не огрубела,
Лишь бы вам к прописной залежалости
Не сводить этой истины боль:
Человеку не нужно жалости —
Человеку нужна любовь.

* * *

Жгло солнце землю зло и исступленно,
Как на беду,
Как на погибель жгло!
И не взошло зерно ростком зеленым,
Как будто в землю мертвое легло.
А солнца зрак неумолимо-жгучий,
Его нещадный равнодушный пыл
Не закрывали дождевые тучи —
Пыль,
Пыль,
Сухая пыль
И только пыль!..
Но тракторист сквозь марево слепое
Вел трактор —
разглядеть в пыли нельзя!
И снова поднимал сухое поле,
Ни хлеба,
Ни надежд с него не взяв.
Зной плыл и плыл, паля и угрожая,
А хлебороб, до боли зубы сжав,
Для нового работал урожая
И верил в этот новый урожай.
В продуманном и яростном упорстве,
На пашне выжженной,
Не среди райских кущ
Работал он
С бедой в единоборстве...
Бессилен?
Нет!
Пока не всемогущ...

* * *

Гола березовая рощица,
Бела березовая рощица,
А черноту ветвей прожег
И язычком огня полощется
Листок, как яростный флажок.
А ветер веткою безвольною
Все хлещет небо, как хлыстом,
И видно, что борьбы довольно ей,
Не жаль усталой и не больно ей
Последним жертвовать листом.
Он отгорел.
Слетел бы с деревца,
Как вздох, неслышно да легко,
Чем зря упорством с ветром мериться...
Гляжу — и крепче в зелень верится,
В ту, до которой далеко.

РЕКОСТАВ

Рекостав — мороз особый:
Обжигая новизной,
Он без лютости,
Без злобы,
Он из крепкости одной.
Рады реки рекоставу,
От осенних дней устав,
И по зимнему уставу
Ставит реки рекостав.
Застеклив, как на смотринах,
Тиховодья звонким льдом,
Он хлопочет на быстринах
Так, что пар стоит столбом!
Незаметно и неслышно
Вся закована вода...
Он повесил иней пышный
Бахромой на провода.
Озорной и работящий,
Рад мороз:
Земля бела,
Лед блестящий,
Снег хрустящий —
Это все его дела!
Он под шубы лезет, чтобы
Веселей ходили мы...
Рекостав — мороз особый,
Это молодость зимы!

Кемерово.

Александр КОРЕНЕВ

Песня о первых рельсах

Двое мальчишек, шмыгая носом,
Смотрят, как издали, вкрадчиво,
Мамонт какой-то
Ползет по откосам,
Хобот раскачивая...

Краном он поднимает, несет
Секцию рельс.
Это же путеукладчик ползет!
Первый рейс!

Рельсы легли...
Было болото. Гиблое место.
Лежки оленьи.
Ноги уходили — как палец в тесто —
В мох по колени.

Были распадки, дурманная цветь,
Пади и палы.
Ночью обнюхивает медведь
Жирные шпалы.

Рельсы легли!..
Скалы висели,
Взрывом их рыли.
Как прорубали мы эти туннели,
Здесь, в Салаире!

Насыпь
Нависла —
Там, где овраг,
Там, где пихтовые шишки...
Варежками утирая носы,
Смотрят мальчишки.

Может, вот так же я и глядел,
Маленький мальчик.
А революция каждый день
Шла,
озаряла собой
людей:
Путеукладчик!

Новые строила ветки,
Хлам залежалый жгла.
Мама отводила меня к соседке
И на субботник шла...

Вырастут эти мальчишки...
Может, их внуки в свой час
В библиотеках разыщут книжки
И прочитают
Про нас.
И встанет наш век перед взором их —
Горестно, пылко, сурово —
Веком
укладывания
пути...
Честное слово!

Южсиб, ст. Тягун.

Стратегия щедрости

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

Фото А. ГОСТЕВА.

На тихой опушке,
Где ветви густые,
Считает кукушка
Невзгоды людские...
И снова могилой
Полесье застынет,
И спит его сила
В болотной пучине.

Так писал Янка Купала о Полесье. Люди давно знали о богатствах его земли, верили: за прилежный труд щедро расплатится она. Еще в прошлом веке известный российский мелиоратор генерал Жилинский начал осушать полесские топи. Ему помогали здешние мужики. Их нанимали купцы и промышленники, которым нужно было сплавлять купленный лес. Крестьяне брались за лопату и по велению немецкого князя Гогенлоэ, владевшего примерно ста тысячами гектаров полесской земли, рыли каналы. Муки принимали великие, а отвоевывали у дикой стихии ничтожно мало.

После революции на помощь земледельцам пришло Советское государство. Полесье впервые за всю свою историю услыхало голоса машин. Перед Отечественной войной в Любанском районе три хозяйства уже распахивали осушенные торфяники.

В сорок первом вышло так, что Полесье стало не столько краем болот, сколько краем огнедышащих вулканов народной войны.

А теперь о нынешнем дне.

...Любань. Гостиница. Судя по книге регистрации приезжих, подавляющее большинство обитателей гостиницы — шоферы, скреперисты, землеустроители, монтажники высоковольтных линий, инженеры, экскаваторщики.

Типичная уличная картина: по зеленым дорогам райцентра движется гигантская машина. Ей явно тесно в старом городском поселке, хотя экскаваторы, бульдозеры, тягачи, тракторы сделались непременной деталью местного пейзажа. Из райцентра вырываются они на просторы земли.

С директором совхоза «Любанский» можно разговаривать часами. Интереснейший человек! Отлично знает Полесье. Приехал сюда Эммануил Модин с группой красных конников, демобилизованных после гражданской войны. Организовал коммуну. Был одним из ее руководителей, потом возглавлял колхоз, а после войны вот уже четырнадцать лет директор совхоза. Удостоен звания Героя Социалистического Труда.

— Бытует — слышали, наверно,— выражение: «Осушенные торфяники — золотое дно».— Директор берет карандаш.— По-моему, это не совсем точно. То, что дает земля, дороже золота. У нас в совхозе нет больше заболоченных земель, за минувшие семь лет последние осушили. Нет и таких, какие в иных хитрых отчетах показывают как осушенные, но нуждающиеся в улучшении. В нашем хозяйстве все торфяники включены в севооборот. Цифрами злоупотреблять не стану, но несколько назову: за пять лет средний урожай зерновых — 21,8 центнера с гектара, картофеля — 347, сахарной свеклы — 222, моркови — 500, сена — 40. Звучит? Однако до золотого дна еще не добрались. Я убежден, что зерновые, например, на торфяниках могут родить по 40 центнеров с гектара, а то и больше. Сена можно косить минимум тонн по двенадцать, картофеля брать до четырехсот центнеров... О резервах легче всего судить по нашему росту. В прошлом году получили 375 тысяч рублей прибыли, а на сегодняшний день уже есть 350 тысяч... А как золотое дно увидеть, майский Пленум ЦК партии определил: нужно больше машин, удобрений. Ждем не дождемся высокоурожайных сортов зерновых культур, картофеля, овощей для болотных почв.

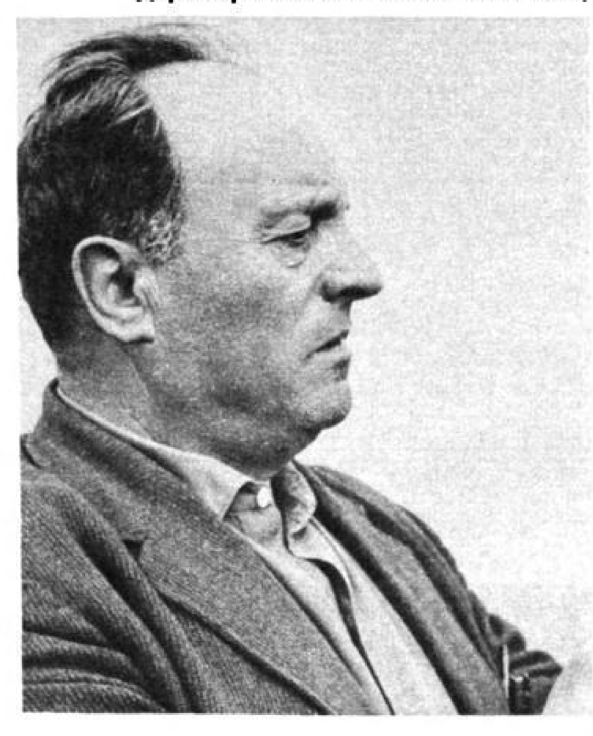
Но лучше всего о преображенной земле расскажет она сама — земля.

Коричневый и мягкий, как хорошо размолотый кофе, торфяник, а на нем зеленые кустики картофеля. Поле — видно, что обрабатывал его мастер,— словно по линейке расчерчено бороздами. Адам Клюбко, чей почерк сразу узнал директор, и в самом деле большой мастер. О себе говорить не захотел, посетовал, что дождя давненько не было, и вдруг предложил: «Хотите, про Федора Статкевича расскажу? Тоже тракторист. Вот у него биография! С тридцатых годов с трактора не слезает. До войны этих торфяников перепахал — если б сложить, наверно, за год не засеять... В войну с трактором тоже не расстался. Когда стали подходить гитлеровцы, уехал на своем «ЧТЗ» в армию. Вместо плуга пушку прицепил и с позиции на позицию — от Смоленска до Москвы, оттуда обратно, через Белоруссию до Кенигсберга. Теперь к военным медалям Золотую Звезду Героя Социалистического Труда прибавил. Вот какие у нас в совхозе механизаторы!»

О том, что и ему присвоено такое же высокое звание, Адам Адамович и не вспомнил. Повторил только: «Дождя надо...» И пошел к трактору.

...Люди и техника. Сейчас на Полесье они неразлучны. Голубые машины «Беларусь» с прицепами весь день снуют по бесчисленным совхозным трассам, совершая путь от полей с седыми травами к сушильным агрегатам, где готовится травяная мука. Никому больше,

Директор совхоза «Любанский» Эммануил Модин.

В бою за плодородие.

только «Любанскому» поручили готовить травяную муку для комбикормовой промышленности. Задание капитальное: четыре тысячи тонн на 66-й год, шесть тысяч — на будущий, а к 70-му — до десяти тысяч.

...Мелиорация в переводе на язык завтрашнего дня значит изобилие. Изобилие зерна и трав, овощей и технических культур, сахарной свеклы и картофеля. И... рыбы. Да-да! В Любанском районе воду, отведенную с будущих полей, решено «перелить» в будущие пруды. Пока она идет в водохранилище, созданное в бассейне реки Орессы, а механизаторы уже готовят дно для зимовальных, маточных, выростных и прочих прудов. Их тут будет несколько десятков, а рыбхоз, которому надлежит владеть ими, выйдет в число крупнейших в стране рыбных хозяйств на искусственных водоемах.

...Поздно стихает гул машин над Полесьем. К ночи. Тогда наступает тишина. И все же слышны шепот ржаных колосьев, скрип коростеля в сырой низине, таинственные лесные шорохи. А мелодия утренней зари почти вся пишется из современных звуков — взлетает самолет, чтоб подкормить посевы; спешит молоковоз с утренним удоем в город; бульдозер с яростью бросается на рога выкорчеванных пней; сигналят грузовики, везущие мелиораторам дренажные трубы. Стратегия щедрости воплощается в жизнь.

Полесье. На отвоеванной земле. Пастбище на бывшем болоте.

Вася — будущий механизатор.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото В. САЛЬМРЕ.

БАЛТИЙСК

Каарел Ирд проводит застольную репетицию.

Юозас Мильтинис.

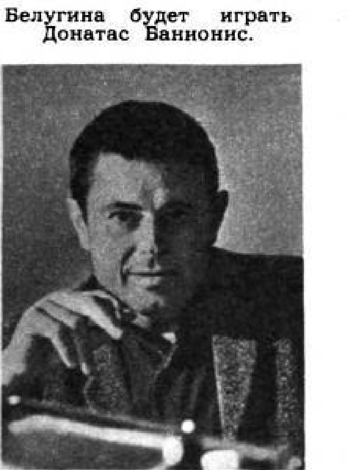

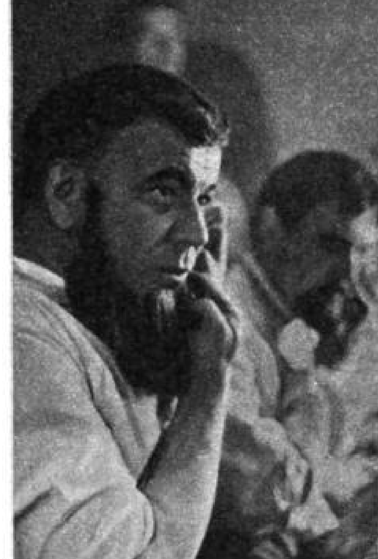
Актриса В. Артмане в роли Кристины.

Вия Артмане с дочкой Кристой.

Белугина будет играть Донатас Баннонис.

Перед спектаклем «Женитьба Белугина».

ПРИКАЗ, ПОДПИСАННЫЙ ПОЭТОМ

Тогда поэт Антанас Венцлова не только сочинял стихи или переводил на литовский язык произведения других поэтов... Министр просвещения молодой Советской республики, член Совнаркома Литвы, Антанас Венцлова занимался всей работой, связанной с ростом культуры родного народа. В том числе и театрами.

Однажды Венцлова подписал приказ о создании театра в небольшом литовском городке Паневежисе. Это было в 1940 году. С тех пор театр вырос, окреп, обрел добрую славу... И вот, побывав у Венцловы, мы колесим по дорогам Литвы в погоне за театром. Потому что начался сезон гастролей, и Паневежисский театр выехал на свой добрый «весенний сев» в колхозы и совхозы Литвы.

Догнать театр нам удалось в местечке Желва, недалеко от Укмерге. Там должно было состояться 254-е представление спектакля «Женитьба Белугина», что уже само по себе казалось нам явлением незаурядным.

Зал клуба постепенно наполнялся людьми с красивыми обветренными лицами и большими рабочими руками. А на втором этаже в большой комнате за длинным, грубо сколоченным столом сидели артисты, сосредоточенно прилаживая бороды, парики, усы... У артистов были очень знакомые лица, и первый наш вопрос к ним был:

— Постойте, где же это мы с вами встречались?..

Впрочем, на свой вопрос мы тотчас же и ответили сами. Перед нами в не очень-то уютной комнате маленького деревенского клуба сидел почти весь — знаменитый ныне! — съемочный коллектив литовского фильма «Никто не хотел умирать». Фильм этот, поставленный Витаутасом Жалакявичюсом, награжден премией Ленинского комсомола, на Всесоюзном кинофестивале получил первую премию, а сейчас его смотрят на Международном фестивале в Карловых Варах.

Мы принялись знакомиться и пожимать всем руки, попутно узнавая, кто кого будет нынче вечером играть в спектакле... Впрочем, артисты поначалу не очень-то одобряли наше стремление увидеть «Женитьбу Белугина». Спектакль старый, оформление бедное, зал тесный, говорили они. Но мы твердо стояли на своем. И не разочаровались. Напротив. В тесном зале сидели заинтересованные, всей душой устремленные к сцене люди. Они смеялись, вздыхали и волновались так же, как всегда волнуются на хорошем спектакле хорошие и умные зрители в лучших зрительных залах мира. Что же касается оформления, то на сцене было три стула в чехлах и круглый стол, а больше актерам ничего и не понадобилось!.. Старый спектакль жил на удивление молодой жизнью. И эта жизнь поражала глубоким своеобразием режиссерской мысли, благородством и строгостью исполнения.

Донатас Банионис — артист, сыгравший в фильме «Никто не хотел умирать» лучшую мужскую роль 1966 года — скромного, героически умирающего литовского крестьянина Вайткуса,— показал в пьесе Островского совсем неожиданного Белугина. Его герой был невысок и широкоплеч, с выразительным, невеселым лицом, мягкой и печальной усмешкой, устремленным навстречу собеседнику вопрошающим взглядом... Банионис не надел парика на свою круглую, коротко остриженную голову и почти не гримировал лица: для игры ему не нужно было никаких внешних средств,— он весь светился внутренним огнем, силой своего таланта. В Белугине, в его любви к Елене Баннонис открывал бесконечно заразительное обаяние богато одаренной, нервной и страстной натуры. Хотя и Агишин, сыгранный Альгисом Масюлисом — в фильме Жалакявичюса он исполняет роль Учителя,— отнюдь не показывал вероломного злодея. При всем своем корыстолюбии его герой тоже по-своему был привязан к Елене и нуждался в ней. Его можно было если не оправдать, то понять.

Самым же удивительным и интересным человеческим явлением были в спектакле родители Белугина. Обычно их играют этаким ходячим домостроем — темной кондовой силой. А тут и Гаврила Пантелеевич в исполнении артиста Казиса Виткуса и Настасья Петровна Евгении Шулгайте поражали достоинством, простотой и серьезностью. Чувствовалось по всему, что это люди надежные, верные себе и своему слову, способные уважать и понимать настоящие чувства. Мать, показанная актрисой

ИЕ ВСТРЕЧИ

Е. Шулгайте с ее трагическим, тонким и умным лицом — а она играет в театре и леди Макбет и Эдду Габлер,— вообще вела себя как добрый и чуткий друг своего сына. В этом спектакле видны были их духовное родство, нравственная близость. Да и Гаврила Пантелеевич Виткуса ничем не «угнетал» сына, просто предостерегал его от возможных ошибок в жизни...

Так и мать и отец — оба актера, показавшие в фильме «Никто не хотел умирать» замечательную чету старых Локисов,— здесь, в «Женитьбе Белугина», снова несли зрителю дух любви, добра и человечности...

После такого спектакля просто невозможно было уехать из Литвы, не повидав художественного руководителя Паневежисского театра Юозаса Мильтиниса. И мы отправились в Паневежис.

Пока Мильтинис хлопотал о чашке кофе, обязательной в Литве, мы стали задавать режиссеру наши первые вопросы. И уже тут явственно ощутили, что без актеров Мильтиниса не было бы фильма Жалакявичюса. А самих актеров Мильтиниса не было бы без Театра Мильтиниса.

Театр этот обязательно следует показать москвичам, и чем скорее, тем лучше! Здесь накоплены по-настоящему большие культурные ценности, а они обладают способностью тем больше возрастать и умножаться, чем щедрее ими делятся с друзьями...

Юозас Мильтинис — фигура необычайная. Скромнейший при всем своем таланте, человек этот вырос в нищей литовской деревне, в нищей литовской семье, где, кроме него, росли еще восемь детей; всем им вечно не хватало ни хлеба, ни одежды... Но стоило маленькому Юозасу однажды попасть в Каунасский театр, как судьба его была решена навечно... Ему удалось поступить учеником в артистическую студию. А дальше он осуществил свою романтическую мечту и отправился — на свой риск и страх — во Францию... Здесь во многих французских фильмах он играл революционеров, людей высокой веры и постоянства. Его другом по актерской судьбе стал известнейший Жан Виллар; Мильтинис мог бы теперь твердо обосноваться во Франции. Но нет, и теперь у него опять-таки были иные, свои собственные, непоколебимые на всю жизнь мечты, иные идеалы... Он покупал книги Станиславского на английском языке, он прочел по-французски всего Чехова... Мильтинис словно готовился по этим книгам встретить Театр своего будущего. Уже тогда он нетерпеливо ждал встречи с этим Театром...

В Литву Мильтинис вернулся с установлением Советской власти. И в приказе, подписанном министром просвещения Антанасом Венцловой, он был назначен режиссером Паневежисского театра. Актеров у него не было. Он стал растить их сам. С первых дней у Мильтиниса, вместе с ним, работают Вацлав Бледис, Донатас Банионис, Казис Виткус, Евгения Шулгайте...

Во время войны немцы хватали Мильтиниса много раз; грозились повесить его за укрывательство актеров от мобилизации. Он был дерзок с оккупантами, верил в себя, отвечал независимым тоном. Ему удавалось спасать актеров и спасаться самому. А как только Литва вновь стала свободной, он возобновил погодинскую «Падь Серебряную», сыграв главную роль — Черкасова. Потом начал готовить спектакли «Русский вопрос», «Ревизор», «Чайка», «Женитьба Белугина»...

Паневежис более двадцати лет видит на своей сцене Гоголя и Мольера, Шекспира и Островского. Ближайшие его театральные перспективы — «Три сестры», «Дядя Ваня».

Чехова Мильтинис хочет ставить в новом театре — его стены уже возведены. Юозас Мильтинис со своего балкона каждый вечер проверяет, как растет театр. Посмотреть на него в эту минуту — вылитый доктор Астров со своей тихой и светлой усмешкой. Только Мильтинис, несмотря на многое пережитое, все-таки, пожалуй, счастливее Астрова. Насколько счастливее может быть человек, до конца отдавший себя людям и получивший в ответ всю полноту такого же искреннего человеческого признания...

СОНЯ — ÓНА — КРИСТИНА

Рига, Красноармейская улица, 67... Здесь живет Вия Артмане, актриса, ныне известная не только в Латвии, не только в Прибалтике, но всюду в нашей стране, да, пожалуй, и за ее пределами.

Такую известность актеру почти всегда приносит выдающаяся творческая удача в кино.

Подобно тому, как Серго Закариадзе, грузинский актер, великолепно играющий в Тбилиси и Эдипа и Лира, прославился на весь мир, сыграв заглавную роль в картине «Отец солдата», так и Вия Артмане сильно, ярко играла в Риге, на сцене Театра имени Райниса, Джульетту и Офелию, но имя ее тогда почти еще не выходило за пределы Латвии.

Надо было крупнее, шире поделиться с людьми талантом, чтобы признание стало всеобщим. И это случилось, когда актриса выступила в роли Сони в фильме «Родная кровь». Картина была поставлена на «Мосфильме» режиссером М. Ершовым по сценарию Ф. Кнорре, а самый сценарий родился по мотивам рассказа того же автора, напечатанного в «Огоньке»...

Помните скромную, застенчивую Вию — Соню, мать троих детей? Родной отец бросил их всех в самое трудное, военное время. Но полумертвая от усталости паромщица Соня, сыгранная Вией Артмане, меньше всего вызывает жалость. Она горда и терпелива. И детей своих растит такими же. За это их всех и полюбил на всю жизнь русский солдат Федотов. Он вернулся к ним после войны и щедро разделил с Соней и ее детьми все, что имел,— немудреный харч и великую теплоту сердца. А Соня Артмане тоже ответила любовью. Глубоким пониманием величия души того простого, хорошего человека, с которым Соню свела судьба...

И уже на этом гребне поднявшей ее творческой волны латышка Вия Артмане сыграла образ литовской женщины, крестьянки Оны, все в том же фильме Жалакявичюса «Никто не хотел умирать».

Роль Оны в фильме совсем невелика. И об этом жалеешь. Потому жалеешь, что всем существом чувствуешь: трагическая судьба Оны, воспринятая мыслью и сердцем Вии Артмане, наверное, и сама по себе могла бы стать потрясающим повествованием о Человеке, которому присущи чуть ли не такие же незаурядные, глубокие человеческие чувства, какими дышит, например, шолоховская Аксинья...

Сейчас Вия снимается в Риге. Латышская киностудия делает новый фильм «Эдгар и Кристина» по новелле Рудольфа Блауманиса. Фильм этот ставит режиссер Леонид Лейманис.

Из всех актерских проб — а их было много — Вия Артмане подошла ближе всех к человеческой сущности Кристины. Она выразила не только скрытый темперамент, порывистую страстность своей героини, но и явную способность ее к самоотвержению, к подвигу в любви. Свою Кристину Вия показывает как олицетворение такого чувства, которое цементирует, скрепляет отношения полюбивших друг друга мужчины и женщины на всю жизнь...

— Мне хочется, чтобы нынешние девушки, увидев в фильме Кристину, искали для себя именно такую любовь, задумывались о своем долге в любви,— говорит нам Вия Артмане.

Актриса уже загримирована и одета служанкой Кристиной. На ней длинная, до земли, юбка и широкий клетчатый передник, на плечах старинная шаль. Кристина на редкость пленительна, но главная ее красота в достоинстве и кротости. В глазах Кристины сияние женственности и неподдельная сила души... Нелегкую жизнь сулят Кристине повадки Эдгара — привычка любимого наведываться в корчму. Но для Вииной Кристины любить не значит жить легко! И хотя мать отговаривает Кристину, бранит Эдгара, сама Кристина уже твердо решила все...

— Ведь и сейчас еще иные девушки думают так: выйду замуж, а не понравится, разойдусь,— тихонько размышляет Вия.— Только ведь это не любовь!.. Любовь — это верность и преданность, горе и радость пополам. Тогда-то и становишься богаче духовно, сильнее, чем был раньше...

РЕПЕТИРУЕТ ИРД...

Не очень-то любят режиссеры у себя людей посторонних в то время, когда идет репетиция, закладываются основы будущего спектакля. Однако же нет правил без исключения...

Каарел Ирд пригласил нас на репетицию сразу же, едва мы встретились с ним в Тарту, неотступно идя по следам главного режиссера то в новое, еще не обжитое здание «Ванемуйне», то возвращаясь в старое театральное помещение.

— Прошу вас, входите, никаких секретов у меня тут нет! — прищурившись, сказал Ирд.

Он вышел к нам с репетиции, и в нем чувствовался тот особый режиссерский «запал», который ему, наверное, хотелось сохранить неостывшим для дальнейшей работы с актерами... Отмахнув со лба черные густые пряди с крупной сединой, он открыл дверь в фойе, где шла репетиция; мы тихонько двинулись за ним. Актеры сидели у маленьких столиков группами или по одному, пока еще в своих повседневных костюмах и без грима. Но мы очень быстро начали угадывать, кто каким станет на сцене, у кого какой будет характер и кто чего добивается — для себя и для зрителей...

Пьеса эстонского классика Оскара Лутса, высмеивающая нравы мещанского захолустья, явно отвечала вкусам Ирда. Словно капельмейстер, напряженно вслушивался он в звучание актерского диалога, не перебивая его, не мешая выражению скрытого в пьесе тона жизни. Лишь временами Ирд останавливал актеров и начинал мыслить вслух о людях прошлого века, отыскивая в них те особенности, те черты, которые, видимо, и хотел найти театр, раз уж обратился к тем далеким временам...

Мещане, собственники, мелкие «верхи» местечка Паунвере — а пьеса О. Лутса так и называется «Паунвере» — обнаруживают страсти, кипящие под личиной обычной их невозмутимости, деля чины и ранги в... пожарном обществе!

Каковы же эти люди?

Вживаясь в заботы и волнения своих героев, актеры не просто повторяют их облик с реалистической точностью. Персонажи Лутса должны предстать со сцены «Ванемуйне», отразившись в «увеличивающем стекле» актерской фантазии и режиссерского мировоззрения. И прежде всего режиссер-коммунист бичует в своем спектакле не этих мелких людишек, но самое время, их породившее.

— Сейчас в нас должны уже не просто воскреснуть воспоминания о том, как жили в Паунвере. Живем теперь мы сами! Это ты сам хочешь иметь лошадей, держать слугу, получать от окружающих почет и уважение,— обращается Ирд к актеру.— А окружающие будут кланяться тебе, не человеку, а владельцу имущества, собственнику... Ленин зовет таких собственников «благонамеренными живоглотами». Тебе противен живоглот, но чтобы осудить его — а через него и его время! — тебе предстоит стать им...

Словно на палитре, оживает образ времени по мере того, как репетиции движутся к завершению... «Паунвере» репетируют ежедневно с 12 до 15. А каждое утро с 10 до 12 Каарела Ирда можно найти на репетициях «Катерины Измайловой». Опера уже монтируется на сцене. Сейчас повторяют один из наиболее драматических эпизодов: свекор, застав Катерину с любовником, жестоко избивает его; потом Катерина подает старику отравленные грибы; съев их, он умирает...

И вновь Ирд, заставляя молодых актеров еще и еще раз повторять сцену, добивается от них полной искренности поведения. Режиссер начисто отвергает в своем театре внешнюю «оперность» как некое оправдание внутренней инертности героев.

— Музыка Шостаковича потому и современна, что выразительна и полна драматизма,— говорит Ирд.— Выражение же вашего гуманизма вовсе не в том, чтобы одного героя «оправдать», а другого «осудить». Ведь не только Катерина, но и старик свекор тоже верен себе, своей морали, своему времени! Вспомните «Крейцерову сонату» Толстого: трагический облик эпохи, а не мелодрама, не частное событие — вот наша цель!..

И принципы режиссуры Каарела Ирда требуют от актеров не покорного послушания, но острой и активной, действующей мысли, душевной отзывчивости...

Это было бы совсем нелегко, если бы Ирд не знал у себя так хорошо каждого человека. Все его актеры — питомцы студий театра, питомцы хора, существующего при «Ванемуйне» на общественных началах.

Многосторонняя деятельность театра, недавно получившего звание академического, вызывает уважение и восхищение. Ведь на небольшой сцене в Тарту с равным успехом идет и драма, и опера, и балет! А скоро — после переселения «Ванемуйне» в новое здание — город получит еще и свой Детский театр. Так мудро решили использовать здесь старое театральное здание.

— Я сам хочу наладить работу Детского театра,— говорит Каарел Ирд.— И у Детского «Ванемуйне» хочу наладить работу таких же студий при театре. Это, наверное, поможет школам Тарту в том, что мы зовем эстетическим воспитанием детей...

Теперь, когда мы подружились, Ирд охотно делится заветными планами, с огромным увлечением говорит об интересном, разностороннем будущем своего коллектива.

Сын рабочего-маляра из Пярну, Ирд талантливым самоучкой пришел в «Ванемуйне» тридцать лет назад. Как же много за это время создано великолепных спектаклей! И как хочется поскорее увидеть в Москве и своих эстонских друзей... Зрители столицы будут им рады!

ДОРОГА ДО ПЕРВОЙ ЗВЕЗДЫ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

«Поистине дела наши указуют на нас!»

Шараф-ад-дин

РИМ ВОСТОКА

Раннею весною 1403 года из славного испанского города Толедо выехала небольшая группа всадников. Прогремел под коваными копытами коней старый мост д'Алькантара, и вскоре позади остались милые сердцу древние башни и островерхие дома родной столицы Кастилии. Долгая, долгая дорога предстояла путникам. Энрико, король кастильский, направил посольство ко двору великого и грозного хана Тимура, в самое сердце Азии, в неведомый, таинственный Самарканд. Среди посольства был и Рюи Гонзалес де Клавихо — хитроумный гидальго.

Погожим сентябрьским утром 1404 года де Клавихо и его спутники достигли одного из холмов, окружающих «Рим Востока» — Самарканд. Перед их изумленными взорами предстала дивная панорама легендарной столицы громадной империи Потрясателя Вселенной — Тамерлана, империи, раскинувшейся от Босфора до Ганга, от гор Тянь-Шаня до Кавказа.

...Бирюзовые купола мавзолеев, как огромные бутоны неведомых каменных цветов, влажные от утренней росы, живее живых, цвели среди багряных осенних садов Самарканда. Маленькие дома с плоскими крышами, узкие улицы, утопающие в зелени, были лишь основанием рвущихся в небеса, сверкающих в лучах зари лазурных минаретов, мечетей, дворцов и медресе.

«Сияющий фокус мира»,— вспомнил прозвище Самарканда де Клавихо. Солнце взошло, в голубом мареве неба таял тонкий серп месяца, лишь одна-единственная звезда мерцала и искрилась в утренних лучах. Где-то совсем рядом пели петухи. Совсем как в Испании.

А от Испании путников отделяла дорога длиной в полтора года. Много чудес повидали они, немало испытали горя. В Большом (Черном) море буря разбила их галеоту, всего месяц назад умер в пути их друг Гомес де Салазар. И все же цель достигнута.

Вечером Рюи Гонзалес записывал в дневник, который вел аккуратно каждый день путешествия: «Самарканд больше Севильи... Столько здесь садов и виноградников, что когда подъезжаешь к городу, то видишь точно лес из высоких деревьев и посреди его сам город...»

РАХМАТ

Чайхана Навои. Напротив, совсем рядом,— Регистан. На террасе, кроме нас, никого. Свежо, пол чайханы только полили. Осенний ветер доносит горький запах дыма костров. Жгут опавшие листья. Осень. Самаркандская осень, пора моей юности, никогда мне не забыть тебя. Прошло много лет, но, как вчера, раскаленная лазурь куполов Шир-Дора опаляет сверкающей синью блеклое осеннее небо. Как вчера, поют голубые трубы минаретов торжественный гимн Красоте. Ни стужа, ни зной, ни время не могут победить ликующую бирюзу Регистана.

«Веками не достигнет верха запретных его минаретов искусный акробат мысли по канату фантазии. Когда архитектор точной правильности воздвиг изгиб арки портала, небеса, приняв ее за новую луну, прикусили палец от удивления...» Эту поэтическую надпись на главном фасаде Шир-Дора нам только что расшифровал наш новый друг, с которым мы сидим в чайхане...

Друг. У него очень подвижное лицо, несмотря на бронзовую, чеканную форму. Карие, теплые глаза, то лукавые, то грустные. Волнистые иссиня-черные волосы придают его облику нечто неуловимо мягкое. Его зовут Рахмат Рашидов. Он сотрудник музея истории культуры. Рахмат — значит спасибо.

Много часов провели мы, бродя вместе с ним и Дмитрием Бальтерманцем, изучая великие памятники старины, много сотен километров изъездили на машине, колеся по долине Зеравшана, по окрестностям Самарканда, по дорогам Пенджикента, по горным склонам урочища Кули-Колон, но ни одной минуты мы не ощутили в Рахмате душевной усталости или равнодушной небрежности, столь свойственной гидам, много повидавшим профессионалам, чей удел — из года в год знакомить неофитов с чудесами Средней Азии.

Судьба Рахмата Рашидова обычна и необычна, как все в этом волшебном городе. Годовалым мальчиком он остался без отца. На руках у матери семья — четверо детей. И, однако, все учатся, а Рахмат по окончании десятилетки идет в Самаркандский государственный университет на исторический факультет и оканчивает его в 1960 году. На истфак также пошел его сосед по школьной парте Рахматуллаев Эркин, сейчас он работает вместе с ним в музее заведующим филиалом «Обсерватория Улуг-Бек».

Золотой подсолнечник — лепешка с черными зернышками запеченного тмина. Самаркандские лепешки самые вкусные и самые красивые в мире. И знаменитый кок-чай. И добрый новый друг Рахмат. Все это вместе — и чайхана Навои, и Регистан, и многое другое — называется чудесным именем — Самарканд!

ПОЦЕЛУЙ ЖАРЧЕ ОГНЯ

Над глиняными дувалами и ажурными айванами Старого города высится исполинская руина — Биби-Ханым. Словно откуда-то из неведомого далека рухнула на нашу планету эта фантастическая глыба, покрытая дивными орнаментами, изборожденная колоссальными трещинами, будто обретенными от столкновения с землей. Зловещая красота мечети, ее титанические формы столь разительно отличаются от ординарного, будничного окружающего нас современного пейзажа, что невольно ощущаешь тайное волнение, представляя людей и время, породивших эту громаду.

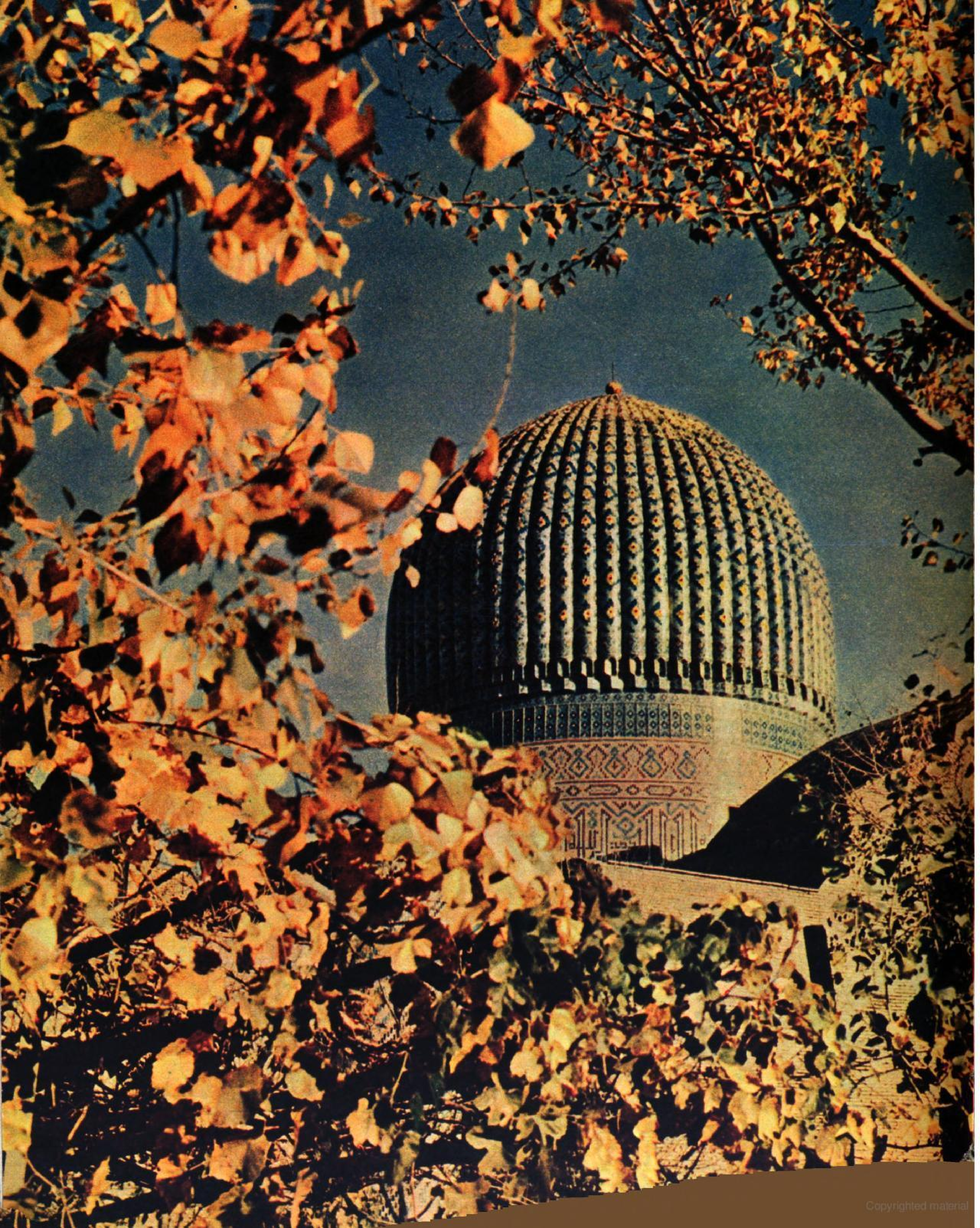
Биби-Ханым. Гордо воздеты к небу твои развалины, одним видом своим напоминая о лютом, грозном былом, суть которого собрана в одном имени — Тамерлан!

«В воскресенье четвертого дня месяца рамазана восемьсот первого года, когда Луна, бывшая в созвездии Льва, отвернулась от шестиугольника Солнца и соединилась с шестиугольником Венеры, в час счастливый... зодчие положили основание постройке...» Эта запись сделана историком Шараф-ад-дином в 1399 году.

Биби-Ханым окружена ореолом тайны. Многие легенды рассказывают об истории создания этой величайшей мечети. Вот одна из них.

...Красавица Биби-Ханым, любимая жена Тимура, решила воздвигнуть непревзойденную по своему великолепию и величию мечеть в дар своему владыке Тамерлану, который в это время был в далеком походе в Индии. Биби-Ханым задумала закончить постройку к возвращению Железного Хромца. Лучшие мастера были привлечены к строительству, груды сокровищ были брошены для ускорения работ. Но зодчий, который руководил возведением мечети, без памяти влюбился в красавицу царицу и не спешил с окончанием стройки, сулившей ему

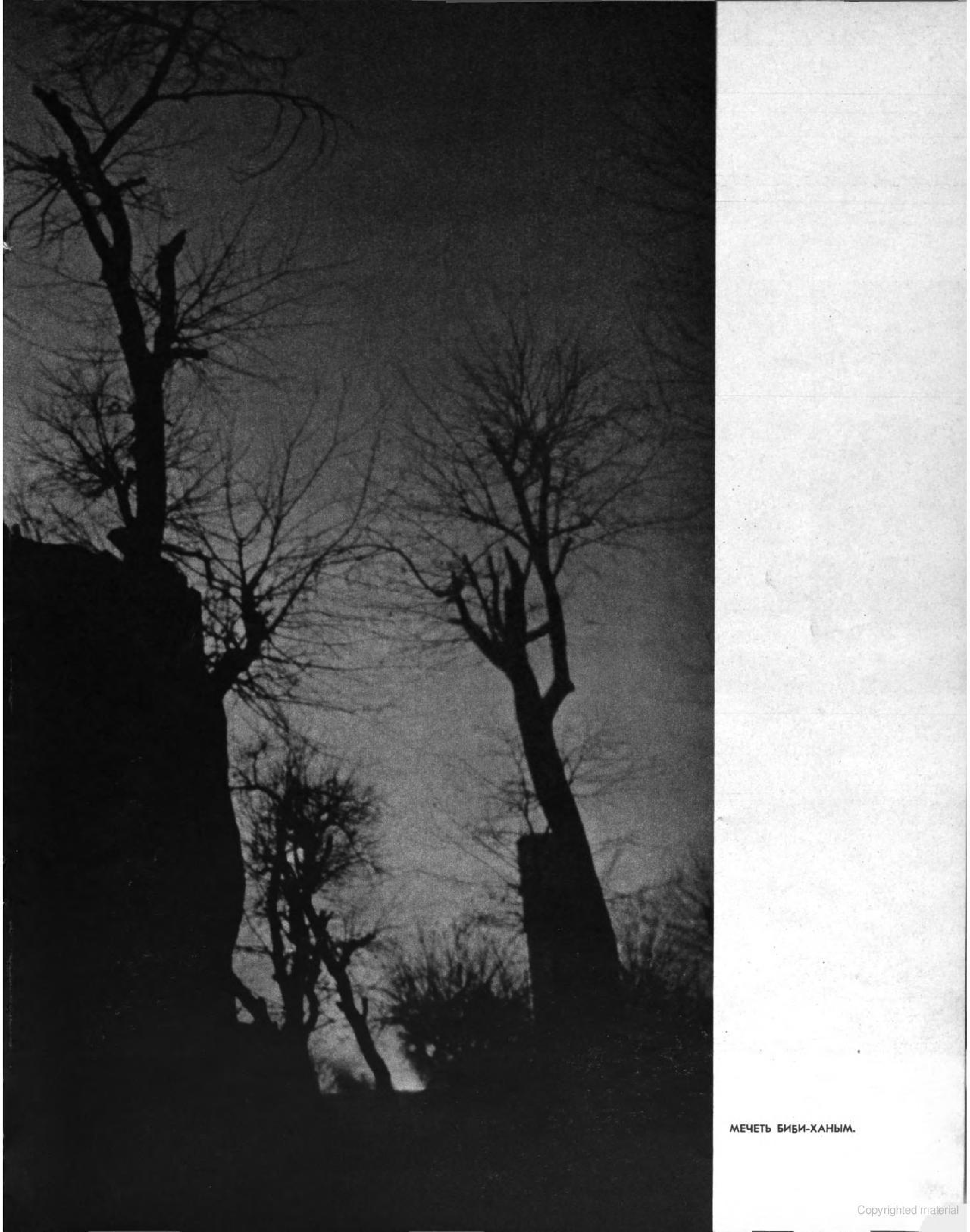

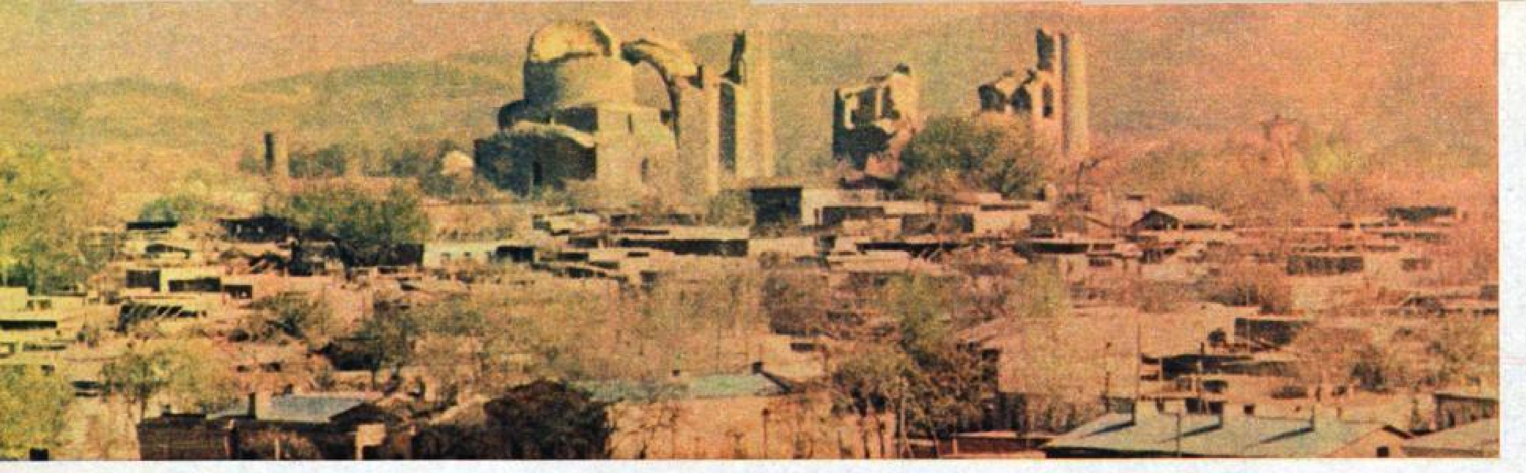
МАВЗОЛЕЙ ГУР-ЭМИР.

МОГИЛА ТИМУРА.

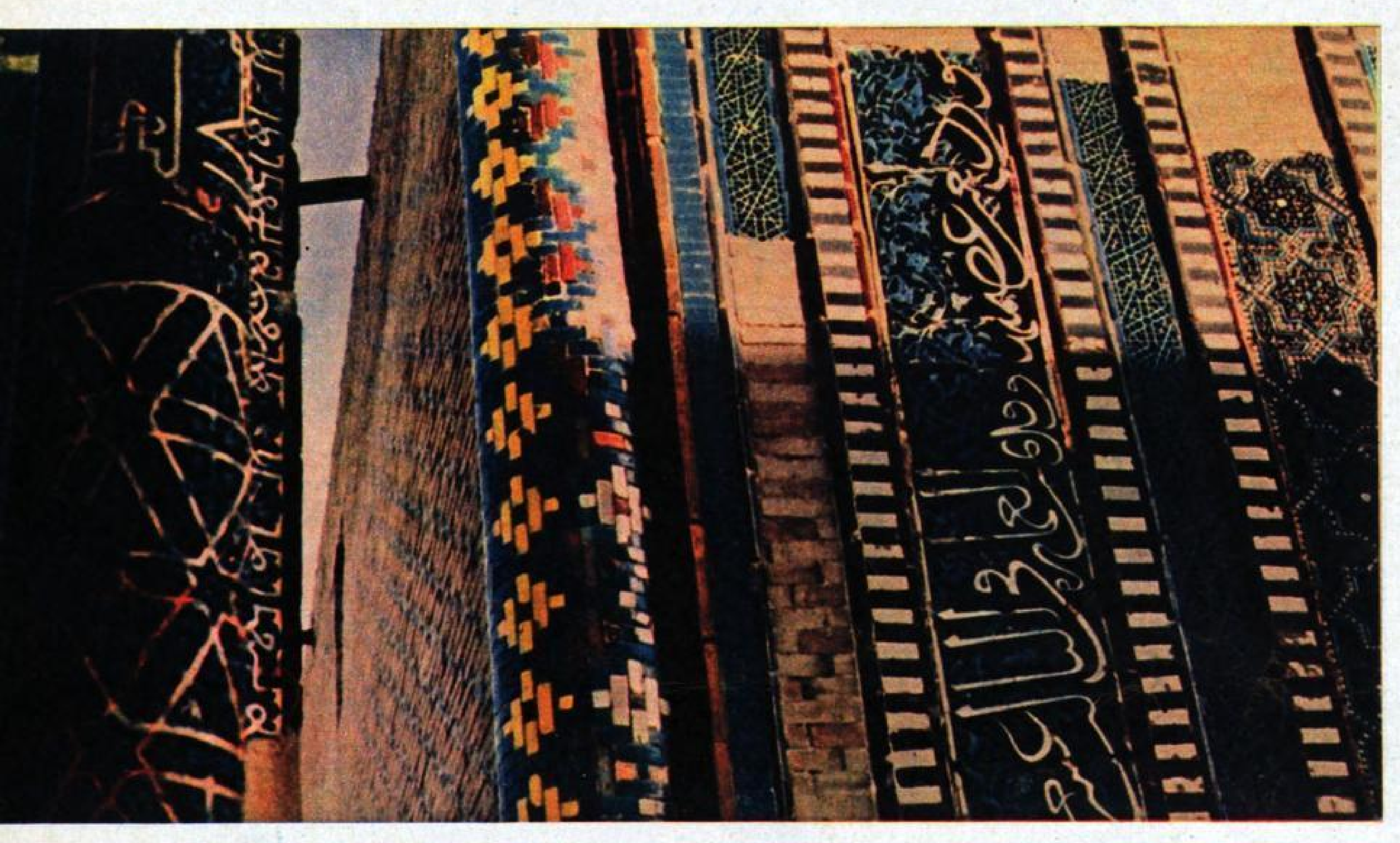

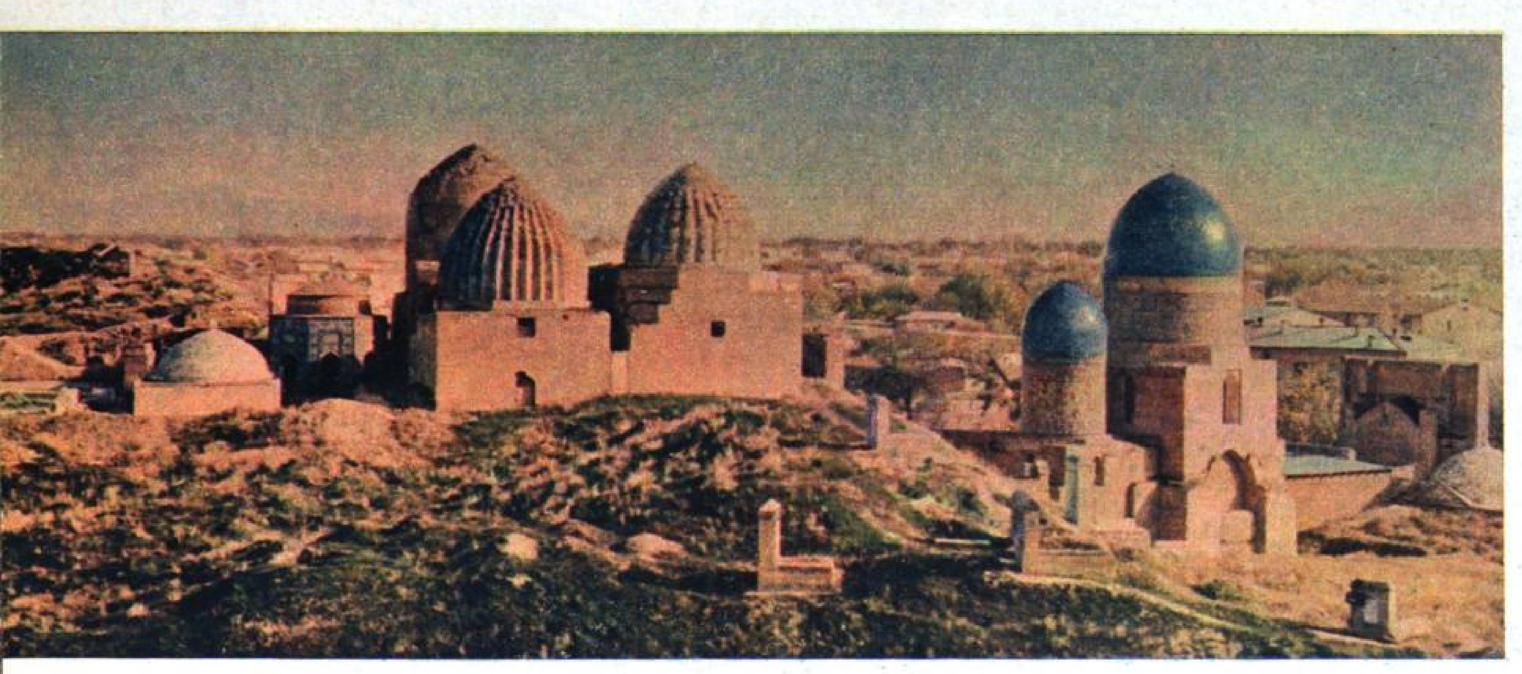
МЕЧЕТЬ БИБИ-ХАНЫМ.

АНСАМБЛЬ БИБИ-ХАНЫМ.

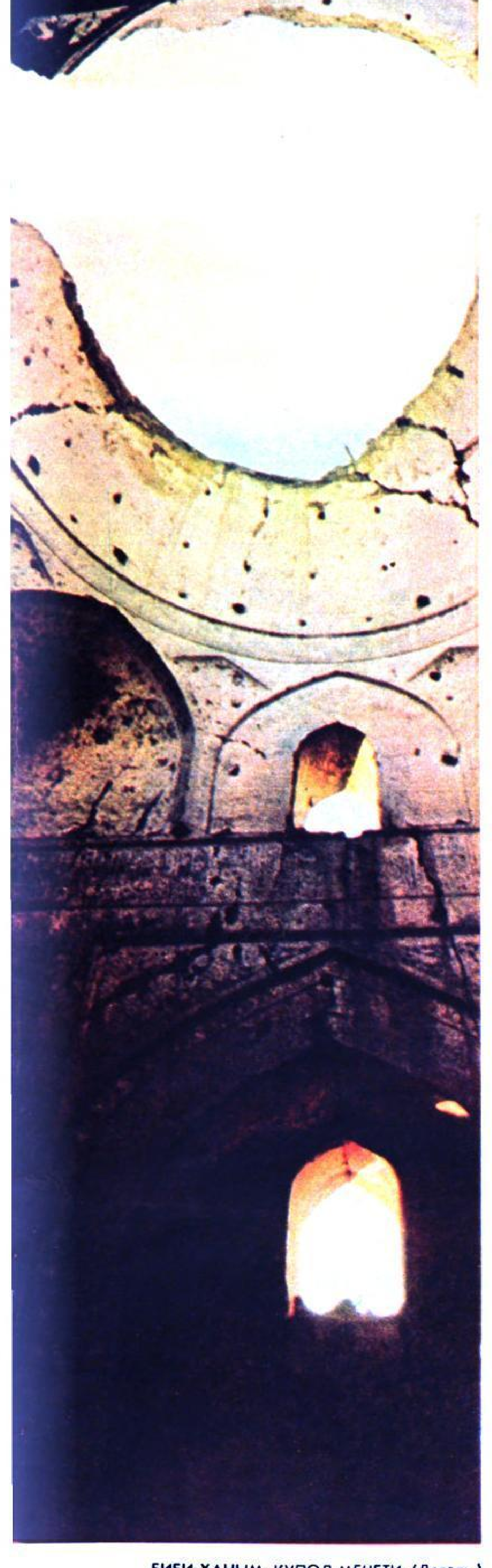

ШАХИ-ЗИНДА. Деталь облицовки.

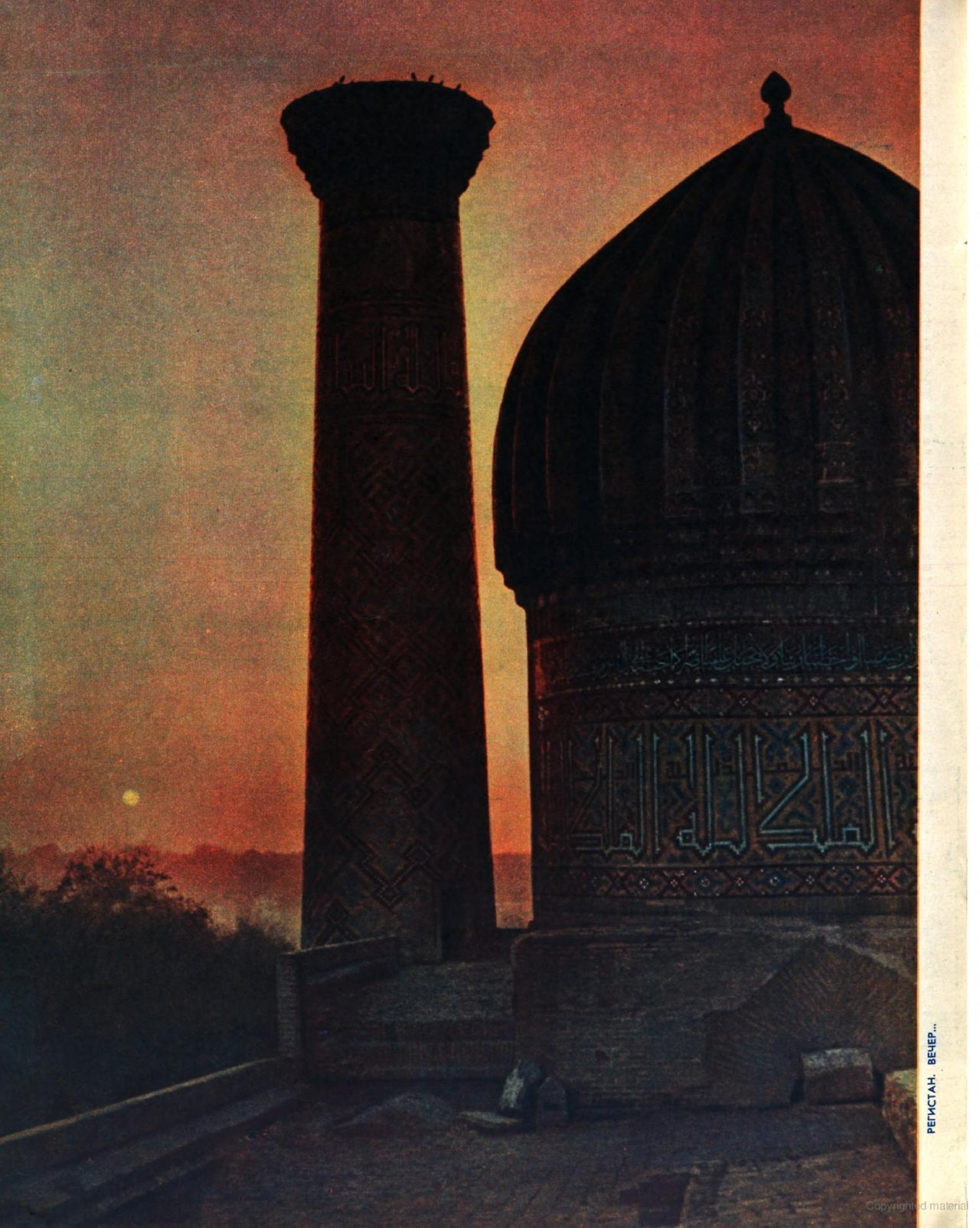
ШАХИ-ЗИНДА. Группа мавзолеев.

БИБИ-ХАНЫМ. КУПОЛ МЕЧЕТИ. (Деталь.)

ШАХИ-ЗИНДА. ДОРОГА К МАВЗОЛЕЮ КУСАМА ИБН-АББАСА.

РЕГИСТАН. ВЕЧЕР...

лишь разлуку с любимой. Архитектор с каждым днем становился безумней, ибо страсть его была безнадежна, а царица с каждым часом становилась все нетерпеливее, так как гонцы принесли ей весть о приближении повелителя. Наконец несчастный зодчий поставил красавице условие, что он окончит стройку лишь в том случае, если царица позволит себя поцеловать. И Биби-Ханым дала согласие, при условии, что она приложит к своей щеке подушку. Но поцелуй влюбленного был так горяч, что прожег подушку и оставил след на нежной щеке царицы. Грозный эмир, прибыв домой, с восхищением принял мечеть. Но когда Тимур остался наедине с женой и сбросил покрывало, скрывавшее ее лицо, ярость супруга не имела предела. Биби-Ханым призналась во всем. Неминуемая казнь ждала зодчего, но он, сделав крылья, забрался на вершину минарета и улетел на родину, в Мешхед...

ТОЛЬКО ПРАВДА

Но эта легенда есть всего лишь красивая неточность. Правда значительнее. Вот она.

Тимур мечтал сделать Самарканд столицей мира, не только сконцентрировав в нем силу, власть и сокровища, но и создав неповторимые постройки, утверждавшие его могущество. Насколько он придавал большое значение внешнему величию Самарканда, говорит то, что пригородные поселки были им названы именами городов мира — Багдад, Дамаск, Каир. Не берусь судить, насколько это звучало убедительно, но владыка есть владыка...

Итак, Меч Справедливости вернулся из победного похода в Индию с богатой добычей. Но Колчан божьего гнева не был успокоен, он увидел в Индии храмы, которые не давали ему уснуть, так хороши и величественны они были. И Тамерлан отдал приказ о возведении в Самарканде соборной мечети, которая по размеру и роскоши должна была затмить все храмы Востока.

Уходя в боевой поход, Тимур оставил руководить строительством жену, но не молодую Биби-Ханым, а старуху Сарай-Мульк-Ханым. И строил мечеть не один влюбчивый зодчий, а целый сонм лучших архитекторов, мастеров и ремесленников, свезенных в столицу из всех побежденных стран.

Тимур собирался казнить и действительно казнил, но не наивного воздыхателя, а двух казнокрадов, которые не очень ретиво руководили стройкой.

Можно было бы привести еще много примеров расхождения легенды и правды, но дело ведь не в этом.

Мечеть была построена грандиозная и по праву считалась одной из самых великолепных на всем средневековом Востоке.

...Вечер упал на город. Быстро убежало солнце в пылающую юрту заката. Последние лучи вечерней зари осветили трагические руины Биби-Ханым. Зияющий, как бы опрокинутый кратер, купол мечети изборожден трещинами. Дном кратера было закатное небо, на котором еще страшнее и печальнее обозначились рваные зубцы развалин. Ледяной ветер гулял в пустынных приделах мертвого храма. Казалось, что огромные глыбы здания готовы ежеминутно рухнуть, так эфемерны были связки, удерживающие остатки портала и купола. Темнело. Наверху, в зените, в голубой мгле, рождалась ночь. Еще мгновение, и, будто умывшись в лучах зари, неожиданно явился молодой месяц, и еще через миг рядом с ним замерцала первая звезда. Пришла ночь. По горизонту, по багровому краю свода кто-то лиловой краской быстро набросал силуэт города: минареты, купола гробниц, крыши домов.

Природа, как всякий большой художник, творит свои картины скупыми средствами — свет и мрак, цветы и звезды да, пожалуй, еще немного любви. Вот и все.

Как в Дантовом аду, порыв холодного ветра гнет голые стволы деревьев и с изломанных черных ветвей срывает последние сухие листья.

Во мраке ночи немой колоссальной громадой высится Биби-Ханым...

И долго-долго сквозь вой осеннего ветра слышатся причитания старухи Сарай-Мульк-Ханым, которая бродит до утра по двору мечети и сетует, что люди назвали мечеть не ее именем...

ТАК ПРОХОДИТ СЛАВА МИРА

Гур-Эмир. Купол мавзолея Тимуридов, выкованный из таинственного голубоватого материала, как космический корабль с неведомой планеты, устремлен ввысь. Какая тайна пропорций, ритма делает это небольшое по размеру сооружение грандиозным?

Гур-Эмир — могила Тимура. Почти шесть веков прошло с тех пор, как последний изразец лег на его бирюзовый купол, а мы в минуту окидываем взором этот гигантский сгусток человеческого труда, таланта, воли. Подобно мудрой книге, древние камни мавзолея неторопливо рассказывают о судьбе народов, царей, стран. Когда-то обитатели этой усыпальницы были властителями мира. Ныне они мертвы. А мавзолей живет, ибо его каменная твердь вечна, как вечно слово, как вечна музыка, как вечно любое проявление человеческого гения.

Полумрак и прохлада. Глухо звучат шаги в торжественной тишине Гур-Эмира. Свет еле проникает в сумерки мавзолея, и, наверное, поэтому каждый жест, каждое слово, сказанное полушепотом, кажутся особо значительными. Время как бы остановилось у нефритового саркофага Тимура.

...Древняя степь. Пустынно, безлюдно. Лишь в бескрайнем просторе неба плавает одинокий беркут. Тишина.

Вдруг из дымного марева поднялась зловещая туча пыли, как огромная черная рука пошевелила пальцами смерчей и, прикрыв ладонью полнеба, сгребла солнце. День померк. Земля застонала от топота сотен тысяч коней. Тишина раскололась от лязга металла, от воя несметных полчищ. Народы понеслись на народы.

Так начинал поход Тимур. Смертельным багровым пóтом покрылось лицо земли.

Огонь, кровь, мрак — девиз Железного Хромца. Сожженные города, превращенные в пустыню цветущие страны — следы поступи Тамерлана. «Все населенное пространство мира не стоит того, чтобы иметь двух царей»,— любил говорить Сотрясатель Вселенной...

В мавзолее тихо. Еле долетает до слуха щебет птиц. Солнечный зайчик, чудом проникший в полумрак усыпальницы, заставил затеплиться панель из драгоценного оникса.

Над темно-зеленым, почти черным надгробием Тимура, на простом белом шнуре висит обыкновенная, тривиальная пятидесятиваттная электрическая лампочка, висит, не первый год освещая последнее величие властителя.

ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Мы в кабинете директора Республиканского музея истории культуры и искусства Узбекской ССР. Исмаил Акрамович Акрамов рассказывает нам об истории города Самарканда, о его сложной, порою трагической судьбе, говорит о работе музея, о трудностях и заботах.

Самарканд — один из самых древних городов Советского Союза. Самое раннее упоминание о городе Самарканде античных авторов — у них он зовется Мараканда — относится к 329 году до нашей эры. С тех пор, когда Александр Македонский — Искандер Двурогий — раскинул шатры своего войска у стен города, прошло двадцать три столетия.

Город пережил пору великих взлетов, славы и могущества, но он испытал также грозные времена. Самарканд был неоднократно полностью разрушен и сожжен.

Начало этому положил македонский царь Искандер, предав в IV веке до н. э. город грабежу и пожару. В 712 году войска Кутейбы вступают в Самарканд, и вскоре он был снова полностью разрушен, и жизнь в нем замерла. Лишь в IX—X веках налаживается пульс жизни. Но прошло пятьсот лет после нашествия Халифата, как город ждало новое испытание, более грозное и жестокое. Орды Чингисхана ворвались в Самарканд в 1220 году и смели его с лица земли.

Лишь в XIV веке оживший после разгрома Самарканд вновь, как феникс, восстает из руин и пепла. И именно в XIV веке, в годы правления Тимура, город достигает несравненного величия и славы. Его называют «Драгоценной жемчужиной Востока», «Римом Востока». Большинство шедевров зодчества Самарканда построено в годы царствования Тимура и его внука Улуг-Бека: Шахи-Зинда, Биби-Ханым, Гур-Эмир, медресе Улуг-Бек и многие другие строения.

В экспозициях и фондах музея, продолжает рассказ Исмаил Акрамович, богатейшие коллекции предметов материальной и духовной культуры народов Узбекистана от античных времен до наших дней.

Но в музее, к сожалению, экспонируется лишь небольшая часть коллекций. Нужны помещения, новые, специально оборудованные, значит, нужны средства и крайне необходим перевод музея в разряд первой категории.

Все эти вопросы давно поставлены и ждут своего решения.

Исмаил Акрамович взглянул на нас и улыбнулся: «Опять я со своими заботами. Вы, наверно, хотите посетить наши запасники, наши фонды».

ФОНДЫ, КАНЦЕЛЯРСКИЙ ШКАФ И ПРОЧЕЕ...

В полутемной небольшой комнате, заставленной стеллажами и просто ящиками с битой керамикой, стоят два обыкновенных канцелярских шкафа. На них лежит непонятный, неуклюжий большой предмет в застекленном ящике.

«Что это?» — спросил я у Инны Ивановны Казанчанц, главного хранителя фондов музея.

«Это гроб Тамерлана»,— ответила она.

С этой минуты комната со всей ее обстановкой, стеллажами, нумизматикой, керамикой и прочим перестала для меня существовать. Я с немым удивлением глядел, не отрываясь, на этот, очевидно, один из поразительнейших музейных экспонатов мира — гроб из тутовника, в котором более пятисот лет покоился прах Сотрясателя Вселенной.

Длиной в два метра, темно-коричневый, чуть седой от времени, изъязвленный веками, ветхий, перевязанный простой пеньковой бечевкой, стоит этот суровый свидетель великих времен как грозное изваяние, возвышаясь на постаменте из канцелярских шкафов. Я приставил стул и приблизился к «экспонату». Он был очень дряхл, этот последний приют Тимура. На крышку шкафа сыпался коричневый, почти черный порошок...

Наверное, в таком состоянии этой ценности недолго прожить. Дело в том, что в 1941 году прах Тамерлана был исследован учеными, после чего гроб из тутовника, в котором он лежал, был заменен металлическим гробом, в котором и были похоронены останки Железного Хромца.

Все это мне казалось фантастическим сном. Но я огляделся кругом. Все стояло на своих местах, а рядом на меня глядела улыбающаяся Инна Ивановна...

(Окончание в № 31 «Огонька».)

КУПЕЦ, СЫН КУПЦА

В. ТЕВЕКЕЛЯН

Рассказ

Рисунок Е. Шукаева.

Я только что вернулся в Тбилиси из оккупированного войсками Антанты Стамбула. Вернее сказать, вырвался оттуда, когда по ряду признаков стало ясно, что английская служба безопасности напала на мой след и дальнейшее пребывание в этом благословенном, как его называют турки, городе может окончиться для меня весьма печально. Заместитель председателя Закавказской Чека Леонидзе проявил исключительную по тем временам щедрость: он предоставил мне полуторамесячный отпуск, путевку в санаторий и зарплату за все время моего пребывания за границей.

Прощаясь со мной, он сказал:

— Поезжай, дорогой, отдохни хорошенько, а когда вернешься, поговорим о новой работе.

Денег я получил немного, несколько десятков миллионов рублей. В общежитии Чека на Цололаке жили хорошие ребята. Узнав о моих деньгах, они стали убеждать меня, что лучшее применение им, чем хороший ужин, трудно придумать. Я не заставил себя уговаривать: деньги в ту пору обесценивались с небывалой быстротой.

Вечером мы впятером поднялись на фуникулере на гору Давида, где усатый дядя Вано содержал духан под названием «Свидание друзей».

Ужин был заказан царский: холодные закуски, зелень, сациви, шашлыки по-карски и кахетинское вино.

Вечер был теплый, с гор дул ласковый ветерок, сазандари наигрывали старинные мелодии, и мы, не торопясь, пили терпкое красное вино...

Мы вернулись в общежитие, и я тут же завалился на койку.

Среди ночи кто-то стал трясти меня:

— Проснись же, проснись, тебя товарищ Леонидзе вызывает.

Я с трудом открыл глаза. Рядом стоял курьер из нашей комендатуры комсомолец Васо, таскавший на боку, несмотря на свой маленький рост, маузер в деревянной кобуре.

— Пошел к черту! — крикнул я.— Ты разве не знаешь, что я в отпуске?

— Знаю, кацо, что ты в отпуске, но сам Леонидзе зовет. Приказал немедленно явиться.

Я подставил голову под холодную струю из крана, быстро оделся и через несколько минут уже шагал по пустынному Головинскому проспекту в наше управление, к «грозе морей и океанов» — так звали мы между собой Леонидзе. Мы побаивались его, но и любили за прямоту и справедливость.

— Тебе придется вернуться в Стамбул,— сказал он, хотя и видел, что я не совсем в форме.

Он помолчал и придвинул ко мне пачку папирос «Интеллигентные» — это означало, что речь пойдет о серьезных делах.

Я ничего не ответил.

— Ты, очевидно, выпил. Не соображаешь, что тебе говорят?

— Почему не соображаю? Но вы знаете, что я совсем недавно едва унес ноги из Стамбула.

— Молодец! Один ты такой умный, а остальные ничего не понимают. Раз предлагаем ехать именно тебе, значит, так надо. Ну, а если попадешься, тогда,— он развел руками,— тогда придется, конечно, послать другого. А пока слушай. Кемалистское движение принимает серьезный характер. Не сегодня-завтра аскеры Кемаль-паши сбросят оккупантов в море и будут угрожать Стамбулу, где пока сидит в своем дворце султан и халиф всех мусульман — послушное оружие в руках Антанты. Нам стало известно, что командование оккупационных войск воздвигает оборонительные сооружения на европейском берегу Босфора. Там работает прорабом один сочувствующий нам техник. Он твой земляк, ты найдешь с ним общий язык.

— Что же мне понадобится от моего земляка?

— План укреплений... Хотя бы частичный.

— Не так-то просто,— сказал я.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Было бы просто — мы не стали бы рисковать жизнью хорошего чекиста. Конечно, это не просто, но нужно помочь туркам. Ты хорошо знаешь Стамбул, у тебя там есть связи. А технику можешь предложить, в случае необходимости, определенную сумму.

— Мне бы только попасть в Стамбул... Как бы англичане не сцапали меня еще на контрольном пункте.

— Нужно перехитрить их. Утром, на свежую голову, зайдешь к Беридзе, разработаете план операции.

В десять часов утра я уже был в кабинете двадцатитрехлетнего Беридзе, очень находчивого начальника отдела. Он считался у нас самым красивым мужчиной. Ни одна женщина не могла пройти мимо, не бросив на него хотя бы беглого взгляда. Мы немножко завидовали ему, но любили: он был хорошим, отзывчивым товарищем.

— Ну-ка, докладывай. Ты выехал из Стамбула официально? Тебя видели на контрольном пункте?

— Я еще не съел свой разум с брынзой, чтобы выезжать через контрольный пункт, зная, что за мною охотятся англичане. Просто совершал на лодке прогулку по Босфору, дышал свежим воздухом, заметил идущую мимо моторную лодку, она мне понравилась, и я случайно очутился в Батуми.

— Видишь ли...— Беридзе задумался.— Можно, конечно, переправить тебя в Стамбул нелегально, способов много, но все они связаны с риском, а нам рисковать нельзя. Давай подумаем насчет легальных способов. Ты когда-нибудь в персидском городе Тебризе бывал?

— Нет.

— По-азербайджански говорить умеешь?

— Турецкий знаю хорошо, пойму и по-азербайджански.

— Сможешь говорить по-азербайджански?

— Думаю, что смогу. Наконец, можно выучиться.

— Учиться некогда. А арабский знаешь?

— Читать могу, а говорить не умею.

— Сойдет, по-моему. А теперь слушай внимательно. В городе Тебризе живет богатый армянин, торговец коврами. Он твой отец. Тебе исполнилось двадцать лет, и отец решил отправить совершеннолетнего сына в дальние края с партией отличных персидских ковров, чтобы он повидал свет и научился вести коммерческие дела. Ты едешь из Тебриза до Батуми транзитом, а там пароходом до Стамбула. Как думаешь, годится?

— Я в Тебризе не был, о своем мнимом отце и о его семье ничего не знаю,— ответил я.— А потом как насчет паспорта, виз, и что мне делать в Стамбуле с партией ковров? Ведь я в них ничего не понимаю.

— До отъезда ты будешь знать все: и на какой улице живешь в Тебризе, и в каких рядах находится лавка отца, и где живут твои сестры, братья, тети и дяди; где находится армянская церковь и в какой школе ты учился, даже имя директора школы будешь знать. Одним словом, сам почувствуешь, что родился и вырос в Тебризе. А теперь возьми вот это,— и Беридзе протянул мне две толстые тетради,— зазубри, как закон божий, все, что в них написано о торговце коврами Амбарцумяне и о его семье. Поедешь на пять дней в наш загородный дом, никто тебе мешать не будет, а тетя Сато позаботится обо всем: накормит и напоит, изредка даже стаканчик вина поднесет. Вопросы есть?

— Когда ехать?

— Дней через семь. Как только поезд из Тебриза минует Джульфу, я дам тебе знать. В этом поезде будет находиться один молодой человек, с которым вы поменяетесь местами где-нибудь неподалеку от Тбилиси. Здесь ты прервешь поездку, чтобы остальные пассажиры успели разъехаться. Жить, конечно,

будешь в гостинице, поинтересуешься достопримечательностями города, сходишь в музей, в картинную галерею, заведешь любовную интрижку с девушкой, которую мы подкинем тебе. Это чтобы оправдать твою задержку в Тбилиси. Разумеется, здесь у тебя никаких знакомых нет, и встречаться с нашими тоже не будешь. Если понадобишься, я сам тебе дам знать, где встретимся.

— Зачем такие предосторожности и у себя дома? — спросил я.

— Затем, чтобы избежать всяких случайностей. Ты что же, полагаешь, в Тбилиси нет иностранных агентов? Недавно один наш человек был схвачен в порту Пирей, не успев доехать до Афин. Потом выяснилось, что это — дело рук одного иностранного агента, который живет у нас с давних времен. Тебе еще нужно одеться соответствующим образом.— Беридзе позвонил по телефону и спросил кого-то:— Нико, как одеваются богатые молодые люди в Тебризе?.. Нет, он христианин... Подбери для него все, что нужно... Срок — пять дней... Нужно успеть.

Неделю спустя, поздно ночью, я снова стоял перед Беридзе. Он взял у меня тетради и устроил экзамен, по нескольку раз переспрашивая одно и то же.

— С такой памятью можно смело в академики идти,— сказал он наконец.— А в шариате ты что-нибудь смыслишь? Коран читал? Человек, родившийся и выросший в мусульманской стране, должен хоть немножко знать законы ислама, даже если он и христианин.

— В самых общих чертах знаю...

— Мы из тебя муллу не собираемся делать. А теперь запиши адрес двух купцов-компаньонов, контрагентов твоего отца в Стамбуле. Они держат лавку на крытом базаре. По приезде сдашь им ковры и сможешь ссылаться потом на них; они подтвердят, что ты действительно сын купца Амбарцумяна из Тебриза. Купцы помогут тебе во всем. А теперь зайди к кассиру и получи у него три чека на предъявителя в Стамбульское отделение банка «Лионский кредит». Получишь еще валюту на личные расходы, а также бриллиантовые запонки и булавку для галстука. Не может же сын богатого купца из Тебриза обойтись без таких украшений. Прежде чем уйдешь из управления, поднимись к товарищу Леонидзе, он хотел тебя видеть.

По опыту я знал, как часто исход дела зависит от совершенно непредвиденных обстоятельств. Я мог случайно встретить кого-либо из пассажиров поезда, в котором ехал мой двойник из Тебриза в Батуми; меня могли узнать знакомые: ведь я работал в Батуми после его освобождения от меньшевиков; наконец, не было никакой уверенности, что агенты иностранных разведок не следят за мной. Английская политическая полиция в Стамбуле могла снять меня прямо с парохода при проверке документов. И все-таки без всяких ин-

цидентов я купил билет первого класса на итальянский пароход, курсировавший между Батуми и Стамбулом, сдал в багаж тюки с коврами и пустился в путь.

На пароходе в первом классе, кроме меня, были еще два пассажира: средних лет американка, сотрудница АРА, работавшая в Армении, и французский офицер, помощник военного атташе в Москве, возвращавшийся на родину почему-то через Батуми.

Когда склянки отбили восемь часов, пассажиров первого класса пригласили в салон. После ужина подали кофе с ликером. Беседа шла на французском. Американка, правда, говорила по-французски плохо; кое-как мы все же объяснялись.

— Молодые люди, вы не играете в покер? — вдруг спросила она.

Француз ответил, что покер — самая распространенная игра в армии. Я галантно поклонился и сказал, что играю, хотя и не очень хорошо.

— Мы вас не обыграем, ставки будут мизерные,— успокоила меня американка.

— Играть втроем не очень интересно. Может быть, кто-нибудь из офицеров команды пожелает принять участие в игре? — сказал помощник атташе.

Он вскоре вернулся в сопровождении первого помощника капитана, худощавого итальянца. Я решил, что могу позволить себе проиграть до пятидесяти долларов: сэкономлю эти деньги в Стамбуле на личных своих расходах.

Однако проигрывать не пришлось. Мне очень везло, и скоро передо мной лежала целая куча долларов, франков и лир. Я испугался: партнеры могут принять меня за шулера и по приезде в Стамбул обратятся в полицию. Нужно было проигрывать во что бы то ни стало. Мне удалось затем спустить часть выигрыша, однако у меня осталось около семисот долларов.

На третий день рано утром наш пароход вошел в воды Босфора. Катер пограничной охраны подал сигнал, и мы остановились напротив местечка Беюк-дере, где помещалась летняя резиденция русского посольства в Турции. Полицейские, поднявшись на борт, отобрали у пассажиров паспорта, а таможенники принялись искать в наших вещах контрабанду. Вскоре паспорта нам вернули, санитарный врач больных не обнаружил, и нам разрешили швартоваться к пристани Галата.

Американка, прощаясь, сказала, что ей приятно было играть со мной, что она остановится в отеле «Пера-Палас» и если я захочу продолжить игру, то могу посетить ее после девяти часов вечера.

Никакого желания встретиться с ней еще раз у меня, естественно, не было. Я поблагодарил ее, отдал морскому агенту адрес, по которому следовало отправить ковры, и с небольшим чемоданом в руке вышел на Галатский мост.

По берегам Босфора, утопая в пышной зелени, тянулись белые дворцы феодальной аристократии. На европейском берегу высились башни с бойницами, построенные еще во времена Византии. Теперь под этими башнями войска Антанты воздвигали современные укрепления, чтобы не пустить войска Кемаля в Стамбул.

Останавливаться в гостинице и привлекать внимание полиции не следовало, и, ступив на твердую землю, я постарался раствориться в кривых улочках и переулках многоязычного города. Я нашел приют у своих земляков в азиатской части города, куда сравнительно редко заглядывала полиция оккупантов.

Разыскать техника-строителя не представляло для меня особой трудности, и я уже на третий день по приезде познакомился с ним на вечеринке, устроенной специально для этой цели одним из моих знакомых.

Техник оказался симпатичным малым лет тридцати, с умным, интеллигентным лицом. Сведения Леонидзе оказались правильными: техник, хотя и не имел твердых политических взглядов, все же считал себя социалистом и стал убеждать нас, что освобождение человечества началось именно в России, где победила революция.

Поздно ночью я пошел провожать его до трамвайной остановки, и мы условились о новой встрече.

Мы встречались с ним трижды в разных местах, предпочитая окраины, вроде Скутари, Беюк-дере или Гедик-паша, и беседовали о разных делах. Я ждал удобного случая, чтобы перейти к главному. Однако техник оказался догадливее, чем я думал. Когда мы сидели в маленьком ресторанчике на берегу моря, пили вино и ели жареную скумбрию, техник пристально посмотрел на меня и, помедлив, спросил:

— Земляк, вам, видимо, что-то от меня надо? Я ведь давно догадываюсь, что вы оттуда.— И он кивнул головой в сторону наших берегов.

— Да как вам сказать, кое-что мне действительно нужно. Вы человек разумный и поймете меня. Скажу прямо: мне нужен план укреплений, которые воздвигают союзники на европейском берегу Босфора. Что касается расходов, то, разумеется, я все оплачу.

Мы помолчали, мой собеседник барабанил пальцами по мраморному столику.

— Уважаемый земляк, видимо, вы плохо представляете, чем все это пахнет? — усмехнулся техник.

— Что бы ни случилось, вы будете в стороне. За это могу ручаться головой.

— В случае неудачи не миновать виселицы, а меня, признаться, это вовсе не устраивает. К тому же я вовсе не герой...

— Вам лично ничто не угрожает. Нас ведь только двое, свидетелей нет, какой мне смысл выдавать вас, если я даже попадусь?

— Заставят,— мрачно сказал он.

— Нет, вы плохо знаете нас...

Простившись с техником, я вспомнил о контрагентах моего тебризского отца, торгующих коврами.

Стамбульский крытый базар — это целый мир запутанных ходов и галерей, погруженный в полумрак. В этом огромном торговом центре нет окон, и свет проникает сюда лишь через узкие отверстия в крышах коридоров.

На крытом базаре продается все—от ярких персидских ковров, великолепных ювелирных изделий ручной работы до французских духов. Здесь множество харчевен, кондитерских и кофеен. Менялы тут же за столиками разменивают валюту, и под солидный залог у них можно получить заем.

Незнакомому с крытым базаром легко запутаться в нем: ряды не имеют ни названий, ни нумерации, ни каких бы то ни было указателей.

Купцы встретили меня радушно, как старого знакомого, по обычаю заказали турецкий кофе и стали расспрашивать о здоровье моих дорогих родителей в далеком иранском городе Тебризе. Они сообщили, что привезенную мной партию ковров уже продали с большой выгодой.

Убедившись, что нас никто не подслушивает, я спросил купцов, знают ли они техника-строителя.

Компаньоны переглянулись и ответили, что знают, но им неудобно вмешиваться в это дело.

— Вы-то уедете, а нам жить здесь и работать,— сказал один из них.

— Как же быть? Сами понимаете, терять время нельзя. Нужно, чтобы он доверял мне.

— Мы подошлем к нему надежного человека,— пообещал другой.

Затем условились, что я больше не приду к ним, а в случае надобности извещу запиской.

Купцы, видимо, кое-что успели, так как при следующей встрече техник заявил, что готов помочь мне.

— Денег, однако, я не возьму,— сказал он,— ни при каких условиях. ...Но будем откровенны. Получив от меня план укреплений, вы передадите его туркам, а мне совсем не хочется помогать им. В тысяча девятьсот пятнадцатом году турки вырезали полтора миллиона армян, в том числе и моих родителей. Сам я чудом уцелел, при помощи добрых людей получил образование и стал строителем.

— Разве можно сравнивать Мустафу Кемаля с Талаатом или Энвером? Поймите, мы кровно заинтересованы в том, чтобы с нами граничила революционная Турция. Мы помогаем и будем помогать кемалистскому движению в интересах революции.

— Спорить с вами не стану,— сказал техник, вздохнув.— План укреплений я дам, в тех, конечно, пределах, что мне известны. Но только вам, понимаете, только вам, а не туркам. А вы можете поступать как хотите. План я нанесу на папиросную бумагу и через три дня вручу вам.

Мы договорились, что он положит план в пачку сигарет и при следующей встрече мы обменяемся пачками.

Три дня спустя, уже под вечер, мы сидели в местечке Бебек в маленькой кондитерской на берегу моря и ели мороженое. Закурив, мы незаметно обменялись пачками сигарет. Вскоре я с ним простился и вышел на набережную, уже опустевшую в тот час. Я волновался: не провокация ли все это? Уж очень легко, притом без всяких затрат, удалось получить такой важный документ.

В полупустом вагоне трамвая я мысленно сказал себе: «Каким нужно быть дураком, чтобы сесть в трамвай с таким документом в кармане! Полицейский у входа вагона, полицейский у выхода — и ты в мышеловке». Я соскочил на первой же остановке, пересел в проезжавший фаэтон и опять мысленно обругал себя дураком: ведь все извозчики Стамбула состоят осведомителями в полиции.

В аристократическом квартале Осман-бей я расплатился с извозчиком. Я шел по улице с ощущением, что у меня в кармане не пачка сигарет, а взрывчатка. Что говорить, в случае провала десять лет каторги, а пожалуй, и виселица обеспечены.

Я добрался до квартиры, достал папиросную бумажку, расправил ее и стал изучать. План нанесен был по всем правилам чертежного искусства, но соответствуют ли все эти кружочки, треугольники, стрелки действительности? Какая гарантия, что техник по совету своих хозяев не подсунул мне фальшивку? Нужно было удостовериться в точности чертежа, но как это сделать?

Всю ночь я ворочался с боку на бок. Только под утро, когда в соседних домах пропели петухи, меня осенила мысль: на берегу Босфора, под крепостными башнями, обычно пасется домашний скот; что если воспользоваться этим и проникнуть в район, где воздвигались укрепления? Конечно, сделать это нужно не самому, а поручить надежному человеку. Мне был знаком один сочувствующий нам молодой рабочий с табачной фабрики; в прошлом он оказывал мне некоторые услуги.

— Что ж,— согласился он, когда я изложил ему свой план.— Но у нас нет коровы.

— Неужели во всем Стамбуле не найдется человека, который одолжил бы нам на несколько дней корову, разумеется, за плату? Наконец, можно купить корову.

— Как это у тебя просто получается! Но где мы будем держать ее, и чем кормить, и куда ее девать потом?

— Ничего с коровой не случится, если продержим ее несколько дней под открытым небом,— пускай пасется поблизости от крепостных стен. А потом продадим или подарим кому-нибудь.

— Пожалуй, лучше всего купить. Я сегодня же отпрошусь в отпуск на несколько дней и займусь этим делом.

И вот мой знакомый уже два вечера гонял корову в район крепостных башен. Его наблюдения подтвердили правильность сведений, сообщенных техником.

Я уже стал готовиться к возвращению на родину, но как-то вечером ко мне в комнату зашла хозяйка и сообщила, что со вчерашнего дня около дома вертятся какие-то подозрительные личности.

Оставаться здесь было опасно. Я не спеша оделся, выбрался через черный ход на улицу и, петляя по кривым переулкам старого Стамбула, перебрался на другую, заранее подготовленную квартиру.

А ночью ко мне пришел доверенный человек и сообщил, что полиция союзников произвела обыск в квартире, где я жил, примерно

через час после моего исчезновения. Хозяйку пригласили в управление политической полиции и спрашивали, не останавливался ли у нее кто-нибудь посторонний?

Хозяйка ответила, что у нее никто не останавливался; ее отпустили, предупредив, что за сокрытие опасного большевистского агента она понесет тяжелое наказание.

Я должен был увидеться с рабочим с табачной фабрики, но он в назначенное время не пришел. Не пришел он и на следующий день.

Я послал к нему человека с запиской. Оказалось, что табачника задержали в районе строительства и стали допрашивать, кто он, откуда у него корова и почему он пасет ее именно в этом районе. Он просидел ночь в полиции, утром его отпустили, но корову оставили в залог, полагая, что владелец рано или поздно придет за своей скотиной, а за это время они успеют проверить правильность его ответов. За коровой он, конечно, не пришел.

Стало ясно: полиция Антанты опять напала на мой след, и нужно возможно скорее выбираться из Стамбула. О легальном возвращении нечего было и думать. Меня схватили бы еще в бюро по выдаче выездных виз.

И снова пришлось обращаться к купцам с крытого базара. Я послал им записку и назначил свидание в рыбачьем поселке Кум-Капу. Один из них явился в назначенный час, все выслушал и обещал посоветоваться со своим компаньоном.

Купцы оказались людьми весьма оперативными. На второе свидание они явились вдвоем, сказали, что оставаться мне в Стамбуле рискованно, а выехать можно либо старым, испытанным способом—нанять моторную лодку, снарядить ее по всем правилам коммерции и отправить в один из черноморских портов Советской России, либо с подложным паспортом нелегально уехать в Болгарию и оттуда пробираться домой. Мы решили, что первый способ вернее, хотя и потребует некоторого времени. Впрочем, я не очень спешил: я успел передать план укреплений приехавшему курьеру, и он увез его с собой.

Недели через две нагруженная товаром моторная лодка покачивалась на легких волнах причала Сиркеджи. Нам с капитаном лодки Осман-агой предстояло решить самый сложный вопрос: когда мне перебраться на лодку—после того как лодка минует контрольный пункт или тут же, у причала? И мы остановились на следующем: капитан соорудит в якорном трюме тайник между перегородками и спрячет меня.

— Тайник будет узок, сидеть там нельзя, но приток воздуха будет достаточный. Полицейские с контрольного пункта никогда не заглядывают в якорный трюм, а если и заглянут, все равно ничего не увидят. Не станут же они ломать все перегородки на моем судне, тем более, что документы у меня по всем правилам, железные,— обнадежил Осман-ага.

В воскресенье, на рассвете, когда в порту было мало людей, я, изображая пьяного матроса, пробрался на лодку и заперся в каюте капитана, а когда подняли якорь, спрятался в тайник. Осман-ага собственноручно заколотил за мною доски, и я оказался в темной, сырой дыре, настолько узкой, что нельзя было даже шевельнуть рукой. Болели ноги, ломило поясницу, я старался думать о посторонних вещах, пытался даже вздремнуть, но мешал гул мотора. Потом по палубе застучали тяжелые сапоги: видимо, на лодку поднялись полицейские.

Мне казалось, что прошла целая вечность, когда капитан оторвал доски тайника.

— Ну как, жив? — спросил он, освещая мое лицо фонариком.

Я поднялся на палубу. День был погожий, ни единого облака на голубом небе. Монотонно стучал мотор, и мы медленно плыли в сторону Батуми. Я вдыхал морской воздух и смотрел вдаль, представляя себе очертания родных берегов.

...В Тбилиси, зайдя в кабинет Леонидзе, я молча положил перед ним чеки.

Он поднял на меня глаза.

— Молодец, провернул такую сложную операцию, да еще сберег деньги! Теперь можешь ехать отдыхать.

Но я так устал, что, казалось, не отдохну и за год... Впрочем, я знал, что иная усталость лучше любого отдыха.

26 СЕКУНД ПОД ВОДОЙ

Боксер Рем очень любит купаться и нырять в море. Недавно он побил свой личный рекорд: пробыл под водой 26 секунд. Рем достает со дна различные предметы.

М. ЗАХАРЕНКО
г. Севастополь.

ИХ ПОДРУЖКИ — АКУЛЫ

Внешне Вейн Кроп и Кэтти Траут мало чем отличаются от тысяч других девушек, отдыхающих на пляжах Австралии, но под водой им не найти равных! Двадцатилетняя Вейн — самый храбрый подводный охотник страны, а шестнадцатилетняя Кэтти в прошлом году побила рекорд Австралии в глубинном нырянии.

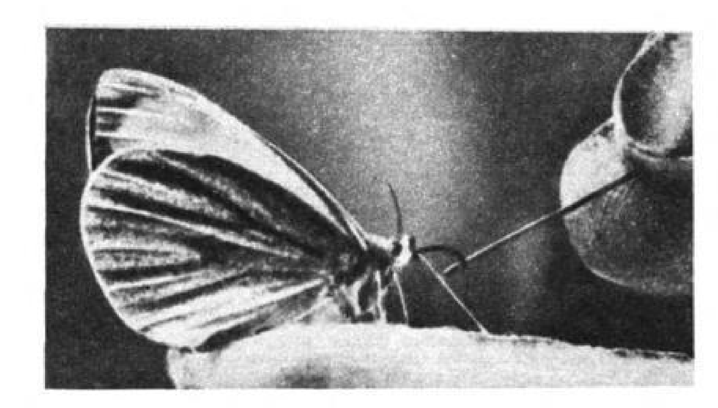
Подводные приключения Вейн Кроп обошли все телевизионные экраны мира. Особенно популярны фильмы ее мужа Бена, которому не раз удавалось заснять Вейн в то время, когда она бесстрашно кормит своих друзей-акул или играет под водой с муренами...

Кэтти Траут работает в сиднейском музее, для которого добывает в океанских глубинах редких морских обитателей.

— Мне хочется как-нибудь встретиться в морской пучине с Вейн Кроп и в обществе наших подружек-акул вдоволь поболтать с ней,— заявила недавно Кэтти Траут.

ОБЕД НА КОНЧИКЕ ИГОЛКИ

Майкл Диккенс считается одним из крупнейших в Великобритании специалистов по бабочкам. На его ферме живет несколько тысяч пестрокрылых красавиц. На снимке запечатлен момент, когда Диккенс угощает свою питомицу обедом — капелькой меда на острие иголки.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ В БАССЕЙНЕ

На выставке свадебных нарядов в Нью-Йорке внимание привлекли костюмы невесты и жениха, предназначенные для бракосочетания в плавательном бассейне. Судя по весьма скромному количеству предметов одежды, брачное одеяние обойдется молодым недорого.

ТИГР-ДЖИГИТ

Уссурийский тигр скачет на спине коня. Этот номер демонстрируется в нью-йоркском цирке. В целях безопасности — на коне стальное седло, которое покрыто шкурой зебры.

КАРМАННЫЕ АВТОМОБИЛИ

Парижанин Жан-Пьер Понтье готовится наводнить автомобильный рынок маленькими одноместными и двухместными машинами своей конструкции. Все модели его автомобилей носят женские имена: «Валерия», «Дженифер», «Памелла» и другие. Кузова машин выполнены из пластмассы. Малютки настолько легки, что их без всякого усилия переносят два человека.

ЛУЧШАЯ МАЛЕНЬКАЯ ХОЗЯЙКА

В День детей в Варшаве состоялся заключительный тур конкурса на тему «А если мама заболела?». Из 40 финалистов первое место заняла Бася Яблоньякувна из Кельца, превосходно выполнившая все обязанности маленькой хозяйки дома.

ИГНАСИО ИДАЛЬГО ДЕ СИСНЕРОС

«МЕНЯ

30 лет назад началась национально-революционная война испанского народа против фашистских мятежников и итало-германской интервенции.

Мы публикуем отрывки из книги Игнасио Идальго де Сиснероса «Меняю курс».

Недавно умерший Игнасио Идальго де Сиснерос, член Центрального Комитета Коммунистической партии Испании, был одной из самых романтических фигур испанской революции. Среди его аристократических предков — последний испанский вице-король в Аргентине, видные генералы и адмиралы, а его отец, приближенный Карлоса VII, претендента на испанский престол, участвовал в последней карлистской войне.

Игнасио де Сиснерос получил традиционное военное образование, он прошел весь путь, типичный для испанских генералов, называемых в народе «африканцами»: участвовал в колониальной войне в Африке, командовал авиационными частями, был военным атташе в фашистской Италии и нацистской Германии. Перед ним открывалась военная карьера аристократа. Но он выбрал иной путь...

Сиснерос стал на сторону народа и примкнул к республиканскому движению. Он отказался от привилегий своего класса, от всех родовых имений. В решительный момент испанской революции он стал коммунистом, командующим республиканской авиацией.

Мемуары Игнасио Идальго де Сиснероса написаны с предельной откровенностью и местами похожи на увлекательный роман. Они дают яркое представление о многих неизвестных и малоизвестных фактах истории испанской революции. В первом отрывке из книги «Меняю курс», которая подготавливается к печати, рассказывается о периоде перед провозглашением республики в Испании.

ВОССТАНИЕ НА АЭРОДРОМЕ «ЧЕТЫРЕХ ВЕТРОВ»

Находясь в отпуске в Мадриде, однажды ночью я зашел в модное в то время кабаре «Ледяной дворец». Все столики были заняты. Я присел к тому из них, который занимал знакомый мне лейтенант и два других офицера. Они продолжали спор, прерванный моим приходом. И спорили очень горячо. Спор шел о диктатуре, монархии и республике. Два офицера были республиканцами, третий — монархистом и фанатичным приверженцем Примо де Риверы. Республиканцы оперировали простыми, разумными доводами, приводя убедительные примеры. Монархист же пытался отвечать общими положениями и говорил раздраженным тоном. У меня не было никакого желания вмешиваться в их спор, но монархист, очевидно, принял меня за сторонника диктатуры и обратился ко мне за поддержкой. Мне пришлось отвечать, и, поскольку он действовал мне на нервы своей глупостью, я с горячностью выдвинул против диктатуры и монархии аргументы, некогда услышанные мною от республиканцев в Алкала. Помню испуг на лице монархиста, сменившийся негодованием. Он не мог или не нашелся что ответить и, исполненный собственного достоинства, удалился.

Офицеры-республиканцы тоже были удивлены. Они не ожидали найти во мне союзника, однако, выслушав меня, они не могли и подумать, что в глубине души я не придавал значения существу этого спора. Один из офицеров серьезно заметил, что они рады встретить в моем лице единомышленника. Более чем откровенно они стали рассказывать мне о республиканском движении. Поняв, что со мной пытаются говорить о вещах, о которых мне ничего не известно, я извинился и, сославшись на желание потанцевать, прервал этот разговор. Воспользовавшись приходом нескольких друзей, я вскоре распрощался с этими офицерами. Они еще раз выразили удовлетворение по поводу нашего знакомства и обещали не терять связи со мной. Оставшись в кабаре, я продолжал танцевать и пить виски. Спустя немного времени это происшествие полностью выветрилось из моей памяти.

Я был доволен службой [1]: прекрасное жалованье, полная свобода, отсутствие какого-либо начальства, предоставленный в мое распоряжение гидросамолет, великолепный моторный катер, автомобиль, обширная квартира, никакой работы, так как Верховный Комиссар редко совершал полеты. Я пользовался всеобщим уважением. Всем нравилось бывать на вечеринках, которые я устраивал. Гибралтар находился в десяти минутах полета, я всегда имел погреб с хорошим запасом вин. Мы могли совершать прогулки на моторном катере и гидросамолете. Одним словом, это был идеальный пост для любого барчука, даже очень избалованного и капризного.

Однажды я полетел в Мелилью, чтобы сменить самолет. На следующий день ко мне подошел подполковник Камачо и заявил, что наступил момент и он должен кое-что мне сказать.

Мне подумалось, что речь пойдет об авиационной катастрофе или о какой-либо интрижке, связанной с любовным похождением. Это были единственно серьезные дела, которые я мог себе представить в то время.

Камачо повел меня в порт по наиболее пустынным улицам и возбужденно стал рассказывать о том, что в течение четырех дней что-то будет готово и что я должен этой же ночью отправиться в Мадрид. Я ничего не понял. Когда же он объяснил, что речь идет о восстании, имеющем целью провозглашение республики в Испании, мне, естественно, пришлось выразить удивление. Наш разговор походил на диалог между сумасшедшим и глухим. У него не укладывалось в голове, что я ничего не знал, и поэтому он не мог понять моего отношения ко всему этому делу. Я совершенно забыл о разговоре в кабаре «Ледяной дворец», не придав ему никакого значения.

Наконец после долгих объяснений я стал понемногу кое-что понимать. Камачо получил сообщение, а с ним и список офицеров, из которых он выбрал четырех для отправки в Мадрид, где они должны были принять участие в восстании. Очевидно, я был одним из этих четырех. Моя реакция была немедленной: я сказал ему, что все это абсурд и на меня не следует рассчитывать.

Камачо рассказал мне, что вместе со мной в Мадрид должны были ехать лейтенант Мельядо и младший лейтенант Валье. Мельядо, очень решительный офицер, пользовался большой популярностью в авиации и располагал солидным состоянием, позволявшим ему превосходно жить. Он не скрывал своих республиканских убеждений и, должно быть, с искренней решимостью и энтузиазмом пускался в эту авантюру. Младший лейтенант Валье считался хорошим летчиком и великолепным радистом; он также был известен как республиканец, склонный принять участие в восстании.

Камачо беспокоился, не передумают ли Мельядо и Валье, когда узнают, что я не еду с ними. Четвертым участником поездки в Мадрид должен был быть подполковник Августин Нуньес Грандес [2], но он находился вне Мелильи, в инспекционной поездке, и Камачо не мог связаться с ним. Младшим офицерам могло показаться, что их хотят отправить одних, а старших офицеров оставить.

Товарищи, считавшие меня соучастником восстания, могли подумать, что в решающий момент я струсил и бросил их. Это начинало меня беспокоить. Я понимал, что из-за плохой осведомленности и легкомыслия мои друзья рассчитывали на меня и теперь будут плохо судить обо мне. Эта мысль брала верх над всеми логическими рассуждениями по поводу абсурдности моего участия в авантюре. Я знал, что глупо было бы ставить на карту всю свою жизнь. И все же я решил ехать в Мадрид.

В ту же ночь мы высадились в Малаге: Хоакин Мельядо, Хосе Мария Валье и я. Никто из нас не имел никакого представления о том, что мы должны делать. Единственное, что сказал мне Камачо, это то, что в Мадриде я должен установить контакт с подполковником авиации Сандино и получить от него инструкции.

В пути я убедился, что и мои товарищи знали лишь понаслышке о подготовке восстания в целях провозглашения республики. Правда, им были известны имена некоторых участников — Алкала Саморы, Прието, Марселино Доминго, Мигеля Маура и некоторых других, менее значительных. Что же касается военных участников заговора, то им были известны только имена лейтенантов и капитанов. Но больше всего нам придавало оптимизма сообщение, что одним из руководителей восстания будет Рамон Франко [3].

Пулеметчики бригады Листера отправляются на фронт.

Престиж Рамона Франко в те дни поднялся до небес в связи с его последним приключением: бегством из военной тюрьмы, где он находился в заключении. Вся печать посвящала ему большие статьи. Реакционеры с негодованием требовали применить к нему самые энергичные меры. Левые же относились к нему с большой симпатией. Писали фантастические рассказы по поводу средств, использованных им для своего побега из тюрьмы. Его вспоминали как первого авиатора, совершившего перелет через Атлантический океан. Ясность его политических позиций, враждебных диктатуре и королю, мужество, с которым он открыто заявил о своих убеждениях, явная настроенность против своего брата Франсиско Франко окружили его личность романтическим ореолом, и он стал любимцем публики.

В Мадриде у меня была комната в квартире моей сестры Росарио, но при теперешних обстоятельствах мне казалось неудобным жить в одном доме с моим шурином — адъютантом короля и фанатичным монархистом. Я поселился в отеле для холостяков, довольно комфортабельном и спокойном, на площади Бильбао, где иногда останавливался, приезжая в Мадрид.

После моего разговора с Камачо я впервые

---

[1] В то время автор был шеф-пилотом Верховного Комиссара Испании в Северной Африке.

[2] Августин Нуньес Грандес — позднее командир так называемой «Голубой дивизии», воевавшей в составе гитлеровской армии на советском фронте. Ныне ближайший сподвижник Франко.

[3] Рамон Франко, военный летчик, родной брат испанского диктатора Франсиско Франко. Погиб в первые дни мятежа в 1936 году, сражаясь на стороне мятежников и интервентов.

Ю КУРС»

смог обдумать свои дела. Это было нелегкое испытание. Я приехал в Мадрид, чтобы принять участие в восстании против короля, но не имел ни малейшего представления, как это будет осуществлено, что мы должны делать. Моя неосведомленность была полной.

Я хотел повидать Легорбуру или Нуньеса де Прадо, но они исчезли. Единственное, что я мог сделать,— установить связь с Сандино. После нескольких бесплодных попыток мне наконец удалось связаться с ним по телефону. Он находился в павильоне, занимаемом авиацией в здании военного министерства. Мне показалось, что ему не доставило большого удовольствия мое желание поговорить с ним. Он дал мне понять, что находится под арестом и не может покинуть помещение министерства. В результате моей настойчивости мы договорились встретиться во второй половине дня.

В пять часов я появился в министерстве и без малейшего затруднения проник в комнату, где находился Сандино. Я застал его весьма унылым и озабоченным. Он сообщил, «Куатро Виентос» и т. д. Но энтузиазм, с которым он объяснял общую обстановку, сменился болтовней, когда речь зашла о конкретных вещах. Он заявил, что из-за ареста потерял контакт с товарищами и не осведомлен о распоряжениях, отданных в последние дни. Он порекомендовал мне повидаться с Мигелем Маура, членом хунты, занимающимся военными вопросами. Иначе говоря, мне предстояло восстановить связь с Маура, Рамоном Франко и капитаном Фуэнтесом, в доме которого на следующий день было назначено собрание военных.

Сандино сообщил мне приметы дома, в котором скрывался Рамон Франко, дал явочное письмо к Маура, лично мне неизвестному, и рассказал, что нужно сделать, чтобы присутствовать на следующий день на собрании военных.

Я вышел из министерства так же, как и вошел туда, без малейших затруднений.

Свидание с Сандино вызвало во мне противоречивые чувства. После его информации о положении дел я чувствовал себя более внешностью. Маура был хорошо одет и совершенно не походил на воображаемый мною тип революционера.

— Итак, вы приехали из Мелильи, чтобы принять участие в «Куатро Виентос»? — обратился он ко мне.

И с удивительным оптимизмом сразу же заговорил о восстании. С его слов, все было великолепно подготовлено и успех гарантирован. Слушая его, я был счастлив. Затем, спустя некоторое время, он сказал:

— Теперь расскажите мне о военных, все ли приготовлено, и если все, то отвечают ли участники за себя.

Я оцепенел от изумления. Я пришел, чтобы ОН проинформировал меня, а получалось, что Я должен информировать его. Я напомнил Маура, что приехал только этим утром и что Сандино приказал мне установить связь с ним и Рамоном Франко именно для того, чтобы узнать, что я должен делать. После моих слов он почувствовал себя немного неудобно, но, ни в малейшей степени не теряя оптимизма, немедленно заявил:

На командном пункте Тируэльского фронта. В центре — командующий ВВС республиканской Испании Сиснерос. Второй справа — военный советник, советский командир Колпакчи. 1936 год.

На баррикадах в Толедо.

что причину ареста ему не объявили и он опасается какого-либо доноса, обвинившего его в связях с республиканцами. Объяснив цель нашего приезда, я просил ввести меня в курс дела и дать инструкции мне и другим прибывшим со мной летчикам.

В общих чертах Сандино ознакомил меня с обстановкой. Движением руководила хунта под председательством Алкала Саморы, в которую среди прочих входили Асанья, Прието, Касарес Кирога, Маура... В случае успеха восстания эта хунта превратится в правительство. Социалистическая партия и Всеобщий Союз Рабочих (УТГ) принимают участие в восстании и объявят всеобщую забастовку по всей Испании.

Он сообщил, что на стороне восставших выступит ряд гарнизонов. Сандино назвал имена генералов, принимавших участие в подготовке восстания: Нуньес де Прадо, Кейпо де Льяно... В авиации в движении участвовало значительное число офицеров всех рангов. Главный удар наносится по аэродрому «Четырех Ветров» («Куатро Виентос»), который нужно захватить во что бы то ни стало. Через аэродромную радиостанцию будут переданы приказы на другие аэродромы и в гарнизоны. Нарисованная Сандино картина произвела на меня впечатление хорошо подготовленного движения, в котором участвовали влиятельные люди и которое пользовалось поддержкой большей части народа.

Затем я попросил Сандино объяснить, что должны делать Мельядо, Валье и я: с кем мы уславливаемся, когда и куда должны явиться, кто будет командовать на аэродроме спокойно и оптимистично, но в то же время многое казалось мне неясным, тем более что Сандино, ответственный за движение в авиации, не мог разъяснить всего. Я не понимал, почему в эти решительные моменты между товарищами нет связи, — ведь я без затруднений проник в министерство, что могли сделать и они. Мне не удалось добиться от Сандино ни имен летчиков—участников заговора на аэродроме «Куатро Виентос», ни того, как подготовлена эта операция. У меня стало зарождаться подозрение, что на «Куатро Виентос» ничего не подготовлено. Меня удивил приказ посетить члена революционной хунты, чтобы почти накануне восстания я договорился с ним, а также и то, что мне предстояло присутствовать на следующий день на собрании военных. Я думал, что поскольку я ничего еще не сделал и приехал в Мадрид всего лишь за три дня до выступления, то организаторы восстания мне укажут конкретное место, какое я должен занять.

Я прибыл в особнячок, в котором жил Маура, и через слугу передал ему записку Сандино. Меня ввели в нарядный кабинет с великолепным диваном и креслами, обтянутыми красной кожей. На одном из кресел лежала гитара, как будто на ней недавно играли. Я помню эту деталь, так как в то время мне казалось совершенно немыслимым, чтобы в кабинете одного из руководителей восстания кто-либо мог думать об игре на гитаре.

Я не знал Маура и не предполагал, что он выглядит так молодо. Мое первое впечатление о нем было приятным. Он казался энергичным человеком, решительным и простым, с приятной

— Хорошо, очень хорошо. Отправляйтесь повидать Франко и договоритесь с ним.

Я отправился разыскивать дом, в котором скрывался Рамон Франко, мечтая повидать его и сгорая от нетерпения поговорить с ним.

С тех пор, как Камачо отправил меня в Мадрид, мне в голову не приходило принимать какие-либо меры предосторожности. Я действовал с такой же естественностью, как если бы находился в официальном отпуске. Я входил в здание министерства, посетил Маура, не думая, что могу быть задержан полицией. Мое поведение было таким естественным и в тех условиях таким абсурдным, что никому не пришло бы в голову, что старший офицер, приехавший поднять восстание в два дня, мог действовать так неосмотрительно.

Когда я вошел в комнату, где находился Франко, его вид поразил меня. Он был очень бледен, так как много дней не выходил на улицу. С его бледностью контрастировала большая черная борода. Одет он был в потрепанный штатский костюм и фланелевую клетчатую рубашку с распахнутым воротом, открывавшим его заросшую волосами грудь. Он походил на бандита с Сьерры Морены. Если бы он в таком виде появился на улице, то был бы немедленно арестован.

Мы служили вместе, поэтому я знал его хорошие и плохие качества: он очень легко и быстро ориентировался в обстановке, но в то же время обладал рядом причуд и странных особенностей, которые никому не удавалось в

нем искоренить. Одной из них была манера небрежно одеваться: он всегда носил старую и грязную гражданскую одежду или военную форму. Порой он совершал странные вещи, совершенно не беспокоясь о последствиях. Это был настоящий дикарь, и ему очень подходило прозвище, полученное им в авиации: «Шакал». На мой вопрос, почему он в таком маскараде, он очень серьезно ответил, что делает это, чтобы его не узнали. Я убедил его побриться, подстричься и надеть форму, так как было бы совершенно нелепо появиться в таком виде на аэродроме «Куатро Виентос», куда он думал направиться. . .

Рамон Франко изложил мне в общих чертах смысл движения. Организовано оно было следующим образом: на рассвете дня Х восстание начнется в Мадриде и некоторых провинциальных гарнизонах. Генералы и старшие офицеры, которым предстояло командовать силами восставших, уже были на своих местах. Что же касалось гражданских, то в день Х ими объявлялась всеобщая забастовка по всей Испании. Мобилизованы все левые партии, каждый политический руководитель знал свое место. По словам Франко, план был хорошо подготовлен и победа была почти предопределена.

Революционная хунта наметила аэродрому «Куатро Виентос» одну из наиболее важных задач: там начинается восстание. Мы должны захватить его в первые часы дня Х, подготовить самолеты, нагрузив их прокламациями и воззваниями к восстанию, а также бомбами и пулеметами. По аэродромной радиостанции по всей Испании будет провозглашена республика, и мы обратимся к народу с призывом поддержать новый режим.

В то же время сильный гарнизон в Кампаменто[1] направится в столицу, чтобы с помощью рабочих и населения завладеть королевским дворцом и главными общественными зданиями.

Встреча с Рамоном Франко дала мне общее представление обо всех приготовлениях, но я вынес и другое впечатление, несколько встревожившее меня: оказывается, мое участие не будет таким простым, как я себе это представлял. Я никогда не думал, что могу получить в этом деле ответственный пост. Но в общих планах, разработанных Франко, мне все же предназначались весьма важные дела. Я честно подумал, что довольно глупо столь малоопытному в вопросах революции человеку, каким был я, играть в ней важную роль.

Чтобы привести свои впечатления в порядок, я прошелся пешком до центра, однако результаты были не очень приятными. Я вновь начал видеть отрицательные стороны и недостаточно ясные обстоятельства. Решив, что мне не следует оставаться одному, я пошел в Аэроклуб, где надеялся встретить многих приятелей и друзей. Кроме того, в их кругу я мог заметить что-либо, относящееся к подготавливаемому движению.

Мое появление в клубе ни у кого не вызвало удивления, никто не спрашивал, почему я оказался в Мадриде, все приняли это как должное, как будто видели меня здесь за день до этого. Разговоры были откровенными, и никто, казалось, не подозревал о том, что подготавливалось.

Из Аэроклуба я отправился в бар Кук. Меня очень интересовало, какая атмосфера царила там. В те времена бар Кук был в большой моде. Его посещала только избранная публика. Там все знали друг друга: аристократы, дипломаты, некоторые иностранцы. Женское общество также было ограниченным, представляя женщин без особых предрассудков. Содержал бар Эмилио Сарачо, богатый промышленник из Бильбао. Он был фанатичным монархистом. Больше всего гордился дружбой короля. Я помню, в какой великолепной рамке он держал телеграмму, посланную ему королем с поздравлением в день его именин.

Мне было интересно поговорить с ним, так как если бы он что-либо подозревал или чего-либо опасался, то непременно сказал бы мне об этом. После двух часов, проведенных с ним, я ушел, убежденный, что ни Сарачо, ни кто другой из его друзей не имели никакого представления о подготовке переворота.

На следующий день я отправился на собрание военных, о котором говорил Сандино. Оно состоялось в доме одного пехотного капитана по имени Фуэнтес, о котором я слышал не очень лестные отзывы. Как только открылась дверь, первым, кого я увидел, оказался Хосе Мартинес де Арагон. Внезапная встреча вызвала у нас обоих изумление и огромную радость. Мне было приятно в этой сложной авантюре иметь рядом моего лучшего друга, человека, к которому я питал безграничное доверие, самого честного из всех, кого я встречал в жизни. Он был очень удивлен и никак не мог себе представить, что я примкну к подобному делу. С этого момента мы не расставались.

Тон собрания показался мне деловым. Из разговоров вытекала уверенность в присоединении к восстанию войск Кампаменто, что обеспечивал Кейпо. Все считали захват мадридских казарм решенным делом. Также считали обеспеченной всеобщую забастовку и успех движения в различных провинциях, где, очевидно, все было прекрасно подготовлено.

На следующий день положение опасно усложнилось. Мне неизвестно, по каким соображениям капитаны Галан и Гарсия Эрнандес передвинули вперед дату восстания.

Галан являлся руководителем восстания в Хака. Ему удалось вовлечь в движение большую часть военных этого гарнизона. Те же, кто не хотел примкнуть к ним, были вежливо заперты, чтобы избавить их от всякой ответственности. Командир батальона подполковник Берлеги был одним из них.

Когда же войска, верные правительству, подавили это выступление, Галан предстал перед военно-полевым судом и вместе с капитаном Гарсия Эрнандесом был приговорен к расстрелу в 24 часа.

Происшествие в Хака решительно отразилось на планах подготовки восстания. Узнав о случившемся, Арагон и я, очень обеспокоенные, отправились повидать Рианье, связанного с руководителями. От него мы узнали последний приказ хунты: начать восстание в то же утро, так как необходимо было помешать правительству принять контрмеры.

Явился очень взволнованный механик Рада с последними неприятными известиями: арестованы находившиеся в Мадриде члены революционной хунты, среди них — Алкала Самора и Маура. Правительство приняло строгие меры предосторожности и отдало приказ об аресте большого числа подозреваемых лиц. Одним словом, подготовленная организация оказалась разбитой в результате ошибок руководства, и вызванная этим путаница послужила поводом к отказу многих лиц от участия в восстании.

Изучив сложившуюся обстановку, созданную событиями в Хака, мы решили завершить обещанное, то есть отправиться в «Куатро Виентос» и добиться осуществления подготавливаемого восстания. В этом решении много значила стойкость и рассудительность Арагона: приведя много доводов, он сказал, что если мы, летчики, не выполним своего обязательства дать сигнал о начале восстания, то будем нести ответственность за его неудачи. Помню один из доводов Арагона, использованный в этом споре: «Военные не могут еще раз предать рабочих, которые завтра выйдут на улицу сражаться за республику, ведь мы им обещали свое участие». Эти слова произвели на меня огромное впечатление.

Сведения о летчиках «Куатро Виентос» мы поручили собрать капитану авиации Артуро Гонсалес Хилу — одному из наиболее авторитетных в армии летчиков и авиационных специалистов. Он также был известен своими передовыми политическими убеждениями. Наконец его имя было популярно и потому, что он завоевал первый приз на конкурсе конструкторов легкого самолета для нашей авиации. Он был очень решителен и воодушевлен восстанием, но у него не было возможности что-либо приготовить на аэродроме, и поэтому нам предстояло самим обеспечить его захват. В это время в кафе появились и подошли к нашему столику капитан Мадрасо и два офицера-артиллериста, участники заговора, чтобы заявить нам, что ввиду дезорганизации и ареста революционной хунты они приняли решение выйти из движения, об этом они нам заявляют также и от имени офицеров «артиллеристов гарнизона Кампаменто», о чем просят передать Кейпо де Льяно.

Этот удар оказался очень тяжелым, так как силы Кампаменто были почти решающими в наших планах. Арагон безуспешно пытался уговорить их изменить свое решение.

...Кейпо де Льяно представлял собой типичного солдафона, каких описывают в романах и изображают в театрах. В военной форме, высокий, сильный, с большими усами, он казался энергичным и решительным. На меня произвело впечатление быстро принятое им решение, несмотря ни на что, идти с нами. Арагон и я помогли ему облачиться в военную форму. Когда мы приготовили шелковый генеральский пояс, мне вспомнилась картина, на которой был изображен тореадор, одевавший перед боем быков пояс с помощью своего ассистента. Поверх формы Кейпо надел гражданское пальто, засунув в карман пистолет. Затем мы сели в такси и поехали ко мне в отель, где я также переоделся в военную форму, а затем направились в «Куатро Виентос».

По дороге, не желая разговаривать в присутствии шофера, я думал о тяжелой обстановке, в которой оказался. У меня не было сомнений, что наша авантюра уже заранее проиграна, но сложившиеся обстоятельства не давали возможности отступить.

В эту ночь я поставил на карту абсолютно все. На карту, которая не могла выиграть...

Мне стало легче, когда я оказался перед реальными событиями. С этого момента все мои помыслы занимали только действия, и я, перестав думать о последствиях, почувствовал себя значительно спокойнее и решил преодолеть все возникающие препятствия.

Я вспомнил, что когда в Алкала де Энарес я убил первого в своей жизни быка, то прошел через те же испытания. Выйдя на арену и увидев его, я понял, что у меня нет другого выхода, как стать лицом к лицу с ним, и, преодолев охвативший меня страх, я обрел спокойствие и решительность.

Мы отпустили такси, и я отправился к воротам аэродрома. Часовой приказал мне остановиться и вызвал караульного начальника. Явившись, тот отдал мне честь и, полагая, что мы являемся офицерами, ночующими на аэродроме, не задавая никаких вопросов, открыл ворота.

Дежурные офицеры были обязаны иметь при себе ключи от аэродромных ворот. Но, чтобы не доставлять себе лишнего беспокойства и иметь возможность спокойно спать, они передоверили эту миссию караульным начальникам.

Я направился в зал знамен. Арагон и Кейпо остались у дверей, готовые прийти мне на помощь. Дежурство по караулу нес очень молодой лейтенант, которого прозвали «Пилюлька», так как он изучал фармакологию и был очень мал ростом. Этого лейтенанта я знал, так как был его преподавателем.

Войдя в зал, я застал его спокойно спящим. Чтобы чувствовать себя более удобно, он снял свое кожаное снаряжение с пистолетом и повесил его на стул. Проснувшись и увидев меня, он испуганно поднялся, полагая, что я явился с проверкой и устрою ему скандал. Не без труда удалось «Пилюльке» попасть ногами в сапоги и застегнуть пуговицы на мундире. Наконец, когда он привел себя в порядок, я отдал ему снаряжение, но без пистолета, который, к его явному неудовольствию, держал в руке.

Приказав ему сесть, я возможно спокойнее объяснил, что этой ночью начинается восстание, имеющее целью провозглашение в Испании республики; что мы, группа летчиков-республиканцев, должны захватить «Куатро Виентос» и что я сожалею о том, что на его долю выпало дежурство как раз в эту ночь, но чтобы он не волновался, так как может присоединиться к нам и принять участие в восстании или по-хорошему дать себя арестовать до конца событий и таким образом, если для нас все окончится неудачей, оправдаться, сказав, что был захвачен и арестован силой.

«Пилюлька» был так напуган и ошеломлен всем сказанным мною, что не мог отдать себе отчета в обстановке и на все отвечал согласием. Таким образом, он был заперт в одной из комнат, не оказав никакого сопротивления...

Как мне сказал дежурный, на аэродроме ночевали 25 офицеров. Первое, что мы должны были сделать,— это нейтрализовать их, арестовав бо́льшую часть, так как у нас не было иллюзий, что многие из них присоединятся к нам. Тем временем прибыл другой автомобиль, с Гонсалесом Хилом, Мельядо и еще двумя авиационными офицерами. Оставив одного из них в карауле взамен «Пилюльки», мы направились в отель, в котором были расквартированы офицеры, жившие на аэродроме.

Мы вошли в первый этаж, где находились спальни. Мои товарищи остались в коридоре, а я вошел в первую комнату. Включив свет, я увидел на кровати крепко спящим одного из моих лучших друзей, капитана Вигрилио Сбарби, вечного забулдыгу, для которого все, что не являлось развлечением, не имело интереса. Не без труда мне удалось разбудить его. Он только недавно заснул. Сердитым тоном Сбарби сказал мне, чтобы я оставил его в покое, так как он поздно лег, вечером основательно выпил и должен рано улететь. Затем он повернулся, намереваясь заснуть, но я продолжал будить его, говоря, что речь идет об очень важном деле. Весьма недовольным тоном забулдыга спросил меня, нельзя ли с этим подождать до утра. Я ответил, что это невозможно, дело не терпит отлагательства. Уступая моей настойчивости, он сел на кровати с недовольным видом, готовый выслушать меня.

Я сказал о решении провозгласить республику, о том, что летчики-республиканцы захватили аэродром и что я разбудил его, чтобы узнать, предпочитает ли он участвовать в восстании вместе с нами или мы запрем его в одной из комнат, чтобы не компрометировать в случае нашей неудачи. По мере того как я говорил, его физиономия отражала вначале удивление, затем возмущение. «Уж если кому нужно лечь спать или кого следует запереть, так это тебя,— ответил он мне, находясь на пределе ярости.— Если ты пьян или хочешь шутить, то отправляйся к чертям собачьим, а меня оставь в покое!» И, повернувшись к стене, он опять попытался заснуть.

Я был в отчаянии и, чтобы закончить эту трагикомическую сцену, придумал следующий ход: заставив его вновь сесть, я вышел в коридор и позвал генерала Кейпо де Льяно. Когда Сбарби увидел в дверях своей комнаты Кейпо с его геройскими усами и большим пистолетом в руках, то понял, что все это не шутка.

Из 25 офицеров, ночевавших на аэродроме, только двое примкнули к нам: майор Роа и, к моему великому удивлению, мой двоюродный брат Пепе Кастехон. Остальным мы приказали выйти в большой зал «Паласа» и для видимости заперли их в нем на ключ, хотя зал находился в цокольном этаже здания и не имел на окнах решеток.

Уже после этого прибыли Рамон Франко, Рада и еще три или четыре офицера-республиканца. Мы направились в солдатские спальни. Там все произошло по-иному.

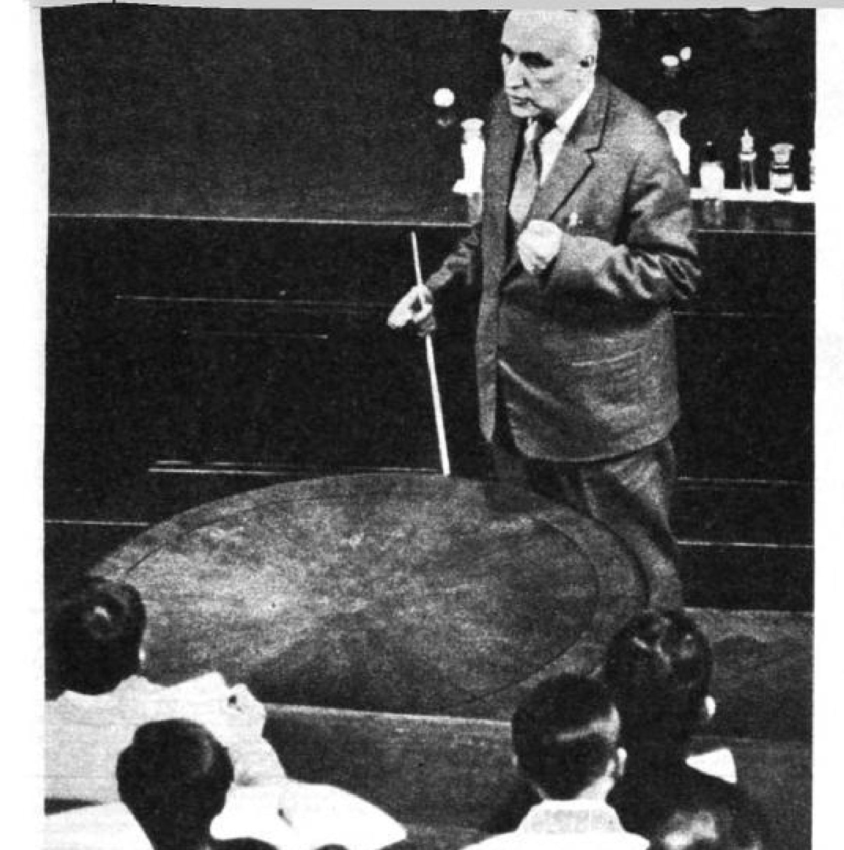
Появился дневальный и отдал мне рапорт. Ему было приказано разбудить солдат и как можно быстрее построить их. Приказ был выполнен быстро, и я обратился к строю, сказав, что группа офицеров, руководимых Рамоном Франко, восстала против монархии, желая провозгласить в Испании республику. Кто согласен с этим, пусть присоединится к нашему движению, а кто не согласен, останется в спальне. Ему не будет угрожать никакое наказание. Один из солдат крикнул здравицу в честь республики. Это вызвало настоящий взрыв энтузиазма. Все солдаты крикнули «Вива!»[2] и предоставили себя в наше распоряжение.

Меня глубоко потрясли радость, решимость солдат и их замечательное доверие к нам и к республике, непринужденность и спокойствие, с которыми они разобрали винтовки и подчинились нашим приказам. Это явилось первым и солидным делом, с которым я встретился и с которого начались мои революционные шаги.

Перевод Л. ВАСИЛЕВСКОГО

[1] Кампаменто — военный лагерь вблизи Мадрида.

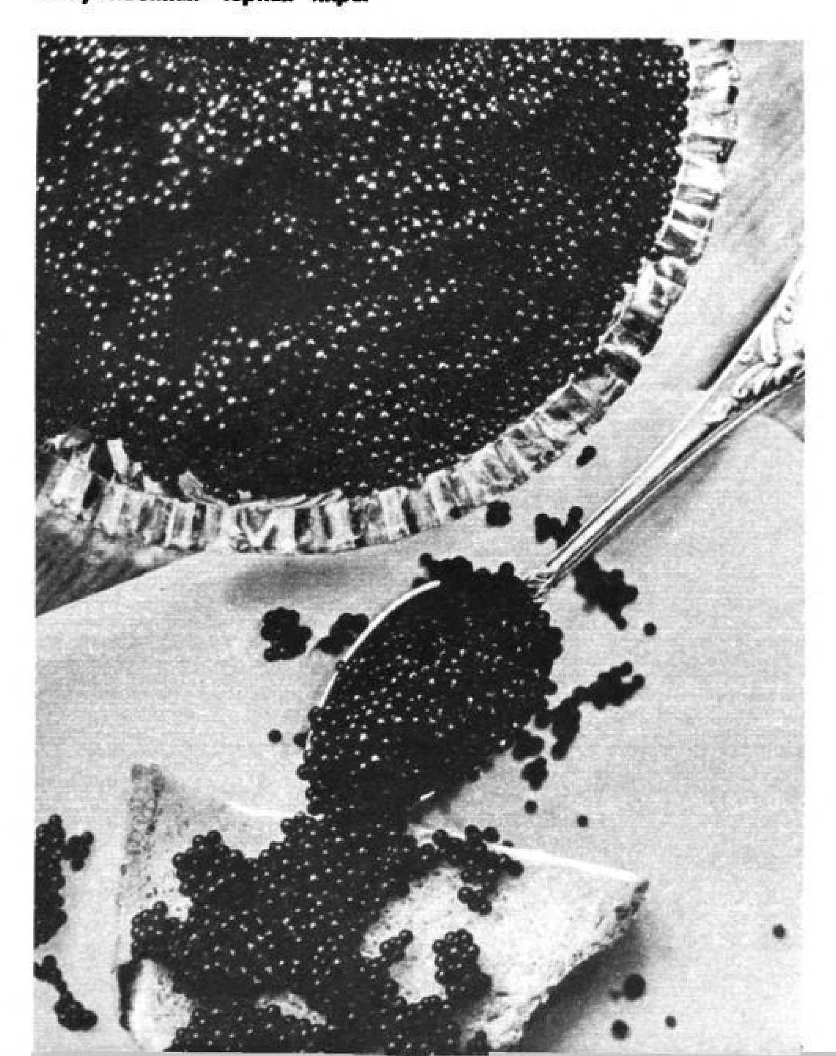
[2] «Вива!» — «Да здравствует!» (исп.).

Лабораторные занятия ведет академик А. Н. Несмеянов.

ИКРА НА КОНВЕЙЕРЕ

Искусственная черная икра.

А. ЛИТВИНОВ

Фото Л. Шерстенникова.

Да простят мне ученые, но из всех обширных работ лауреата Ленинской премии академика А. Н. Несмеянова я расскажу лишь о том, что наиболее поразило и восхитило меня в его лаборатории,— расскажу о создании синтетической пищи.

Вот что говорил великий русский ученый Д. И. Менделеев: «Как химик, я убежден в возможности получения питательных веществ из сочетания элементов воздуха, воды и земли, помимо обычной культуры, то есть на особых фабриках и заводах».

Проблема создания искусственной пищи не сводится, как думают некоторые, только к мучительному синтезу белка. Белок все равно разлагается в организме на составные части — аминокислоты — и лишь в таком виде поступает в кровь. Поэтому главное здесь не белок, а то, из чего он состоит,— подбор аминокислот, нужных для жизни человека.

Синтез аминокислот — трудное, но вполне возможное дело. Уже сейчас многие такие кислоты получают индустриально-химическим или микробиологическим путем. Правда, они дороговаты. Пока дороговаты! С расширением производства, с внедрением новых эффективных методов этот недостаток может быть устранен. Возьмите, например, синтетический метионин. Как только он стал широко применяться в животноводстве и производиться из пропилена, цены на него упали в десятки раз. Подсчитано, что 80 граммов аминокислот, исчерпывающих суточную потребность человеческого организма, могут стоить всего 40 копеек.

Как же быть со вкусом и запахом пищи? Известно, что вкусовой аккорд состоит из четырех компонентов — сладкого, соленого, кислого и горького. Применяя растворы сахара, соли, кислоты и горького кофеина, можно очень тонко имитировать все оттенки вкусовых свойств продуктов.

Но ведь вкус во многом зависит еще и от запаха. Хлеб, например, имеет разный вкус в зависимости от того, свежий он или черствый.

Запах, составляющий особую привлекательность пищи, достигается добавлениями особых специй: лука, чеснока, горчицы, хрена, корицы, гвоздики и многих других веществ. Нужно учесть, что каждый такой запах сам по себе сложен, состоит из ряда простых.

Сотрудники института научились обращаться с запахами с ловкостью фокусника, который на глазах у публики выращивает из косточки финиковую пальму. Кипит в колбочке бесцветная жидкость с легким запахом серы. Лаборант добавляет туда несколько капелек раствора — и вы чувствуете запах жареной курицы... Другая добавка — и по комнате разносится аромат шашлыка.

Однако для аппетита важны и так называемые механические свойства пищи. Искусственные продукты будут обязательно похожи на природные. Бифштекс так бифштекс, сочный, с кровинкой! А не бесструктурное желе, которое и жевать-то не надо...

Вот сколько проблем стоит перед учеными, бросившими дерзкий вызов природе!

Александру Николаевичу Несмеянову и его коллегам Г. Л. Слонимскому и С. В. Рогожину с участием большой группы сотрудников удалось получить первые образцы искусственной черной, а затем и красной икры.

В тот день лаборатория напоминала дегустационный зал. На столах, покрытых праздничными белыми скатертями, стояли стеклянные сосуды, наполненные черной зернистой икрой. Сотрудники института устраивали экзамен первой синтетической пище.

— А все-таки чувствуется, что икра химическая,— заметил один из экзаменаторов.

— Должен вас предупредить, что в дегустаторы вы не годитесь,— ответил Григорий Львович Слонимский.— Ведь вы пробовали настоящую, а не синтетическую икру.

Это был маленький трюк. Чтобы убедиться в объективности оценок, изобретатели наполнили несколько сосудов настоящей икрой, купленной в магазине.

А химическая... она в самом деле была отличной — ни по форме, ни по вкусу, ни по запаху не отличалась от настоящей.

Икра признана великолепной на всех зарубежных экспертизах. Сейчас целый ряд иностранных фирм ведет переговоры о покупке советского изобретения.

И этот интерес оправдан. Индустриальный способ получения пищевых продуктов необычайно заманчив.

Вот что говорит Александр Николаевич Несмеянов:

— Давайте перенесемся мысленно в будущее. Несколько заводов, расположенных в различных районах страны, вблизи месторождений угля и нефти, полностью взяли на себя снабжение населения продуктами питания. Нет неурожайных лет и неурожайных местностей. Нет бесконечных потерь пищи за счет капризов погоды, стихийных бедствий, болезней, гнили, порчи, мороза, нашествия вредителей. Освободилось для более производительной работы 34 процента населения, ныне занятого в сельском хозяйстве. Раскрепостились от тяжелого труда домашние хозяйки, так как упакованная, подобно консервам, разнообразная и вкусная пища потребует самое большое подогревания.

Идеальной станет гигиена питания. Сбалансированная по аминокислотам, витаминам, синтетическая пища лучше обеспечит нормальное функционирование организма. Не будет больше толстяков, ожирения сердца, заболевания печени. В случае же отклонения от нормы человеку всегда можно будет подобрать специальные диетические рационы.

Окончательное решение этой проблемы потребует, конечно, немало лет.

УМЕР ГАФУР ГУЛЯМ...

Эти слова трудно сложить вместе и еще труднее осознать весь их трагический смысл. Он будет открываться долго, постепенно, во многом. Поэт был неразрывно связан с эпохой. Он сам был эпохой в своей литературе. Имя его неотделимо от нее.

Великолепные страницы прозы, яркая сатира, блестящая публицистика. И, конечно, поэзия — поистине золотая страница поэзии... Поэтом он был в первую очередь.

Гафур Гулям умер. Нет, еще не пора подводить черту. Впереди время, когда детально разберут во всем объеме, оценят его огромное поэтическое наследство. Гафур Гулям, знавший цену плодам рук человеческих, знал и это:

Сделанное нами долговечней
и куда моложе
нас самих...

Гафур ГУЛЯМ

ЧАСЫ СТУЧАТ

Вторглось время в жилище мое.
Как сердечник в цеху и за чаем
вечно чувствует сердце свое,
так я времени ход замечаю.

Честны мысли, и чувства чисты,
но, минуты упрямо считая,
все стучат в моем доме часы,
приговор безымянный читая.

В пору
лóзы пригнувших
кистей,
зим,
раскинувших снежные сети,
среди комнаты, полной гостей,
в опустевшем моем кабинете,
за вечерней вознею внучат,
за дневной суетой телефонной —
чуть задумаюсь, слышу: стучат,
отбивают секунд перегоны.

Ни на день не замрут, ни на час,
не боясь ни жары, ни озноба.
Засыпаю — и слышу: стучат!
Просыпаюсь — и слышу их снова.

В шуме полдня, в полночной тиши
лишь одна неизменная нота.
«Поспеши,— говорят,— поспеши,
нам стучать остается немного...»

Срок заложен в железном мозгу.
Это век мой уходит из дому.
Удержать я его не могу,
лишь наполнить могу по-другому.

Как ни тщись, как ни морщи чело,
как умело ни строй предложенье,
удержать не дано ничего,
лишь поверить дано в
продолженье...

О часы, ну и пусть.
Ну и пусть!,
Не считайте, что все сосчитали.
Долгий путь позади, долгий путь,
и его не измерить часами.

И на этой равнине земной,
где так трудно дорога торится,
то, что прожито, пройдено мной,
хоть продолжится—не повторится.

Ибо рад я тому иль не рад,
но за истину эту в ответе:
я живу только раз, только раз,
но зато и один я вовеки!

Пусть без счета блестят имена —
сабли, выхваченные из ножен;
был неполон бы мир без меня,
как и я без него невозможен...

Так пускай, не колдуя с числом,
если чьи-то исчерпаны сроки,
переводятся стрелки часов,
точно стрелки железной дороги.

Пусть извечная длится езда,
поглядим на нее беспристрастно.
Мы сойдем... Но идут поезда
через время, как через
пространство.

И когда от свобод и от пут
возвращусь я в молчанье земное,
добрый путь, я скажу, добрый
путь
всем, в дороге оставленным
мною!

Перевел с узбекского
Александр НАУМОВ.

5 ЖЕМЧУЖИН

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

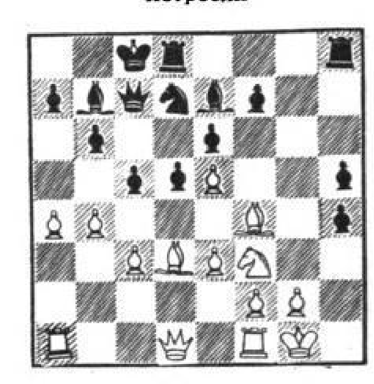
Десятки обозревателей комментировали матч на первенство мира между Т. Петросяном и Б. Спасским, и естественно, что мнения высказывались самые разные. Не раз возникали разногласия, разгорались жаркие споры о том или другом ходе, о той или другой позиции. Теперь основной документ матча — 24 партии, содержащие богатый урожай для практиков и теоретиков,— перед нами. И вот, подводя предварительные итоги волнующего конфликта, мы хотим остановиться на пяти сенсациях матча, которые имели важное спортивное и психологическое значение. При этом мы пользовались высказываниями самых авторитетных свидетелей — Т. Петросяна и Б. Спасского,— сделанными ими на пресс-конференции.

ШЕДЕВР

Знатоки считают лучшим достижением Т. Петросяна седьмую партию. С такой оценкой чемпион мира согласен. Он добавил: «Эта партия демонстрирует мои творческие воззрения: ограничение возможностей соперника, стратегию игры на всей доске, окружение и постепенное сжимание кольца вокруг неприятельского короля».

Посмотрите, как хорошо и просто чемпион мира решает эти задачи:

Петросян

Спасский

Последовало:

17... c5 — c4!

Самый поучительный и запоминающийся ход в матче! Два типично петросяновских хода обеспечивают черному королю полную безопасность. А это — прежде всего!

18. Cd3 — e2 a7 — a6! 19. Крg1 — h1 Лd8 — g8 20. Лf1 — g1 Лg8 — g4 21. Фd1 — d2 Лh8 — g8 22. a4 — a5 b6 — b5 23. Лa1 — d1 Ce7 — f8 24. Кf3 — h2 Кd7 : e5!

Жертвы качества явились специальностью чемпиона мира.

25. Кh2 : g4 h5 : g4 26. e3 — e4 Cf8 — d6 27. Фd2 — e3 Кe5 — d7 28. Cf4 : d6 Фc7 : d6 29. Лd1 — d4 . . .

Неудачная провокация. Лучше было 29. Лd2 или 29. f4.

29. . . e6 — e5 30. Лd4 — d2 . . .

П. Керес считает, что надо было продолжать 30. Л : d5 C : d5 31. Лd1 Кf6 32. e : d5. Но и в этом случае перевес явно на стороне черных.

30. ... f7 — f5! 31. e4 : d5 f5 — f4 32. Фe3 — e4 Кd7 — f6 33. Фe4 — f5 + Крc8 — b8 34. f2 — f3 Cb7 — c8 35. Фf5 — b1 g4 — g3 36. Лg1 — e1 h4 — h3 37. Ce2 — f1 Лg8 — h8 38. g2 : h3 Cc8 : h3 39. Крh1 — g1 Ch3 : f1 40. Крg1 : f1 e5 — e4! 41. Фb1 — d1 Кf6 — g4!

Самое эффектное решение. Этот ход Т. Петросян записал.

42. f3 : g4 f4 — f3 43. Лd2 — g2 f3 : g2 +

Белые сдались.

Великолепная партия!

КРИТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ.

Чемпион мира заявил: У меня было два критических момента.

Первый наступил после 12-й пар-

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

О СВЕТЛОМ И ГОРЬКОМ

Имя молодого талантливого прозаика Василия Белова сейчас довольно широко известно, а ведь всего лишь два-три года назад оно еле приметной точкой мелькало на литературном горизонте. Повесть «Привычное дело» — новый шаг в становлении многообещающего литератора.

В центре повести «Привычное дело» — крестьяне, живущие на не слишком щедрой к человеку вологодской земле.

Глубоко и поэтично, с тонким пониманием побуждений духовной жизни воссозданы образы Ивана Африкановича и Катерины — главных героев повести. С улыбкой и каким-то непостижимым стоицизмом переносят Катерина и Иван Африканович все трудности и беды, выпавшие на их долю. Автор описал будничную жизнь одной семьи: девять человек детей, всех их надо накормить, обуть, одеть. Родителям приходится тяжело. Но они не теряют бодрости духа, стойко переносят все лишения.

Буднично и, казалось бы, спокойно течет жизнь вологодской деревушки. Ничего особенного не происходит здесь. Иван Африканович и его молодой друг Мишка, чуть-чуть «перебрав», заезжают в полночь к дальней родственнице и сватаются к ее сорокалетней дочери-вековухе. Жестоко обидевшись, дочь выгоняет непрошеных сватов. А наутро уже вся округа знала об этом происшествии. Кому смех, а кому слезы. Юмористические сцены сменяются драматическими, ненавязчиво передавая подлинную правду деревенской жизни, где юмор зачастую соседствует с драмой.

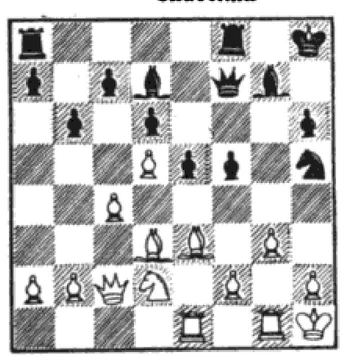
В. Белов. Привычное дело. Повесть. Журнал «Север» № 1 за 1966 год.

тии, в которой я провел красивую комбинацию, но не довел ее до конца.

Читатель помнит, что после этой партии Т. Петросян взял тайм аут, так сильно было потрясение после упущенной возможности.

Вот как это случилось:

Спасский

Петросян

Последовало:

27. g3 — g4! e5 — e4 28. g4 : h5 f5 — f4 29. Лg1 : g7! . . .

Захватывающая рукопашная схватка в центре! Удар Т. Петросяна должен был вести к форсированному выигрышу.

29... Фf7 : g7 30. Ле1 — g1 Фg7 — e5 31. Кd2 — f3! . . .

Ход, после которого черным не поможет никакая хитрость.

31... e4 : d3 32. Кf3 : e5 . . .

Эта клякса испортила прекрасную партию.

Выигрывало 32. Ф : d3 Сf5 33. К : e5 С : d3 34. Сd4 d : e 35. С : e5 + Крh7 36. Лg7 + Крh8 37. Л : c7 + Крg8 38. Лg7 + Крh8 39. Л : a7 + Крg8 40. Лg7 + Крh8 41. Лg3 + Крh7 42. Л : d3 Л : a2 43. Крg2 и т. д.

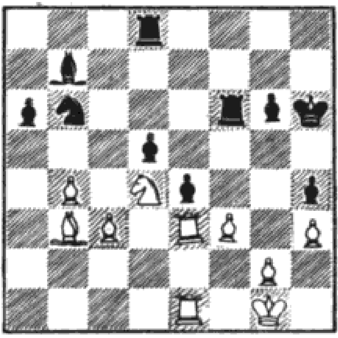
32. ...d3 : c2 33. Сe3 — d4 d6 : e5 34. Сd4 : e5 Крh8 — h7 35. Лg1 — g7 + Крh7 — h8 36. Лg7 — f7 + Крh8 — g8 37. Лf7 — g7 + Крg8 — h8 38. Лg7 — g6 + Крh8 — h7 39. Лg6 — g7 +

Ничья.

Т. Петросян:

Второй критический момент был у меня после 19-й партии. Я проиграл ее в цейтноте. Это поражение в известной мере было случайным. И хотя ситуация в матче обострилась, проигрыш подействовал на меня в лучшую сторону, заставив собраться со всеми силами на финише.

Петросян

Спасский

Последовало:

40. Ле1 — d1 Лd8 — c8?

Последний, контрольный ход, как часто бывает в цейтноте,— ошибка. Следовало играть 40. ...Лd7.

41. f3 : e4 d5 : e4 42. Кd4 — e6 Кb6 — c4

Или 42. ...a5 43. Лd6! Кc4 44. С : c4 Л : c4 45. Кd8! Л : d6 46. Кf7 + Крh5 47. К : d6 и белые выигрывают.

43. Сb3 : c4 Лc8 : c4 44. Кe6 — c5 ...

Б. Спасский в дальнейшем демонстрирует ювелирную технику. 19-я партия, по общему мнению, считается его лучшим достижением в этом матче.

44... Лf6 — f7 45. Лd1 — a1 Крh6 — g5 46. Лa1 — a5 Крg5 — f4 47. Крg1 — f2 Сb7 — d5 48. Кc5 — b3 Крf4 — e5 + 49. Крf2 — e2 Лc4 — c6 50. Кb3 — d2 Крe5 — e6 51. Кd2 : e4 Сd5 — e4 +

Дальнейшее сопротивление черных бесполезно. Еще последовало:

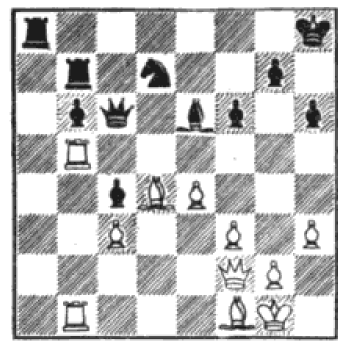
52. Крe2 — d2 Лf7 — d7 + 53. Крd2 — c2 Крe6 — f7 54. Лa5 — e5 Крf7 — g7 55. Кe4 — d2 Сc4 — b5 56. Кd2 — f3 Сb5 — a4 + 57. Крc2 — b2 Лd7 — d1 58. Лe5 — e4 Лd1 — f1 59. Лe3 — e1 Лf1 : e1 60. Лe4 : e1 Лc6 — f6 61. Лe1 — e4 g6 — g5 62. Кf3 : g5 Лf6 — f2 + 63. Крb2 — a3 Сa4 — c6 64. Лe4 : h4 Сc6 : g2 65. Кg5 — e4. Лf2 — e2 66. Кe4 — c5 Сg2 — f1. 67. Лh4 — f4 Лe2 — e1 68. h3 — h4 и черные сдались.

РЕШАЮЩАЯ СХВАТКА

Т. Петросян:

На «военном совете» с И. Болеславским было решено стремиться к выигрышу, не останавливаясь перед риском. Наступил самый суровый момент борьбы. Я к этому моменту уже преодолел депрессию, Спасский же, догоняя меня, вероятно, понес большой нервный урон. По-моему, он рассчитывал на то, что в 20-й партии я удовлетворюсь ничьей. Это был большой психологический промах.

Спасский

Петросян

Последовало:

30. Фf2 — b2 Лb7 — a7! 31. Сd4 : b6 Лa7 — a2 32. Фb2 — b4 Лa2 — c2?

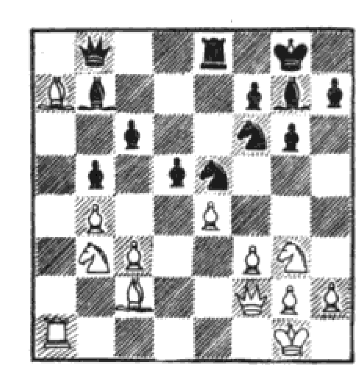
Самый неудачный ход Спасского во всем матче. Он проигрывает партию и вместе с тем и весь матч. Именно в этот момент он мог спастись путем, который был указан М. Ботвинником, а именно: 32...Лa2 — a4 33. Фe7 Лb8 34. Лb5 — b2 Лa — a8 35. Сd4 Лe8 36. Фb4 Лe — b8 с вечным нападением на белого ферзя. Белые могут жертвовать ферзя на b8, но и в этом случае они не выигрывают партию. Лучше, чем ход Спасского, был также ход, указанный М. Талем: 32... Лa8 — a3 33. Сd4 Лb3.

33. Сb6 — f2 Фc6 — c7 34. Фb4 — e7! Сe6 : h3 35. g2 : h3 Лc2 : f2

Отчаяние! Спасский все отдает, и Петросян охотно все берет.

36. Крg1 : f2 Фc7 — h2 + 37. Сf1 — g2 Кd7 — e5 38. Лb5 — b8 + Лa8 : b8 39. Лb1 : b8+ Крh8 — h7 40. Лb8 — d8 Кe5 — g6 41. Фe7 — e6 Черные сдались.

Спасский

Петросян

ЗАГАДКА РАСШИФРОВАНА

Эта позиция возникла в 22-й партии, причем повторилась три раза, и оба участника матча могли потребовать признать партию ничьей. Но этого не произошло. На пресс-конференции журналисты просили Т. Петросяна и Б. Спасского расшифровать эту загадку. Т. Петросян, улыбаясь, ответил: «Я в принципе не возражал против ничьей в этой партии. Но, имея отличную позицию, я все же считал, что было бы трусливо пригласить главного арбитра О'Келли и требовать ничью. Я думал: пусть требует ничью Спасский. Но я был уверен, что Спасский станет продолжать партию!»

Б. Спасский: «После проигрыша 20-й партии я понял, что это — начало конца. Впрочем, ситуацию я считал тяжелой, но не катастрофической. Ничья в 22-й партии меня не устраивала. И, хотя свои шансы в этой позиции я расценивал не больше чем на 10 процентов, все же решил попробовать. А через десять ходов все было кончено, и я поздравил Тиграна Вартановича».

Вот какие десять ходов были сделаны:

25... Фb8 — c8 26. Сa7 — d4 h7 — h5 27. h2 — h3 h5 — h4 28. Кg3 — f1 d5 : e4 29. f3 : e4 Кe5 — d7 30. Кf1 — d2 c6 — c5 31. Кb3 : c5 Кd7 : c5 32. b4 : c5 Сb7 : e4 33. Сc2 — b3! Сe4 — f5 34. Лa1 — a7 Кf6 — d7 35. Кd2—f3 Фc8—b8. Спасский сдался.

В этой небольшой повести много прекрасных сцен, эпизодов: герои работают, поют песни, растят детей, обсуждают последние новости международной жизни. Внешне ничем не выделяются Иван Африканович и его жена Катерина. Но В. Белов знает их не только внешне. Пристально вглядываясь в своих односельчан, с которыми прожил и работал немало лет, В. Белов обнаруживает в них множество редкостных качеств — доброту, целомудрие, достоинство. Иван Дрынов, Катерина, бабка Евстолья — это подлинно народные характеры, глубокие, сильные своим духом.

В. Белов описывает жизнь деревни в тот момент, когда низкая оплата трудодня, всевозможные запреты, сковывавшие самостоятельность и личную инициативу крестьянина, нарушения Устава сельхозартели и прежде всего принципа материальной заинтересованности мешали людям жить на родной земле.

В минуту отчаяния (отобрали сено, накошенное ночью в лесу) ушел из деревни и Иван Африканович. Он пытается оторваться от родной земли в поисках лучшей доли для своей семьи. Но земля жестоко мстит ему за эту измену, пусть временную. В. Белов с глубоким проникновением в душу этого обаятельного человека показывает, как он оттаивает, возвращается в родное село.

В. ПЕТЕЛИН

УМЕНИЕ ПОНИМАТЬ ПРЕКРАСНОЕ

«Мне,— вспоминает Евгений Винокуров,— давали одновременно два взаимно исключающих совета: «Ни дня без строчки» и «Пиши только тогда, когда не можешь не писать»... Я за второе».

Да, поэт — за второе. Об этом свидетельствуют не только его слова, но и дела. Пишет он по велению сердца, и пишет много. В конце минувшего года почти одновременно вышли три его книги: «Земные пределы», «Стихи» и книга новых стихов «Характеры». Они составили своеобразный поэтический дневник, по которому можно не только воспроизвести жизненный и творческий путь поэта, но и проследить тенденции его творческих устремлений, понять «поэтическое кредо» автора.

Еще в начале литературной деятельности у Евгения Винокурова появилась органическая потребность понимать и ценить прекрасное... «во всем, даже в самом обычном». Поиск прекрасного (в природе, в человеческих душах, в отношениях людей), притягательная сила красоты и сейчас являются определяющими для поэта.

Е. Винокуров. Земные пределы. «Советская Россия». 1965. Стихи. Библиотечка избранной лирики. «Молодая гвардия». 1965. Характеры. «Советский писатель». 1965.

Поиск красоты был одновременно и поиском истины, познанием мира, который оказался не таким уж простым, каким представлялся в юности. С годами поэт все сильнее стремится постичь глубинный смысл происшедших событий, понять их место в истории. Стихи Винокурова начинают приобретать все более философский характер.

Вспоминая свое «поэтическое кредо», он писал:

Я понимал лишь только грозы,
Дорог замес, снегов обвал...
Скупой и тонкий дух березы
В те годы я не понимал.

Не случайно и герой ранних стихотворений поэта (обычно солдат) до какой-то степени обеднялся, показывался односторонне. Это не вина, а беда автора, не сумевшего тогда понять, а стало быть, отобразить сложность человеческой натуры.

Поэт и сейчас нередко обращается к своему прежнему герою — человеку в шинели. Но теперь его герой сложнее, интеллектуальнее, с иными запросами, с иными представлениями о жизни. Главное, что отличает его,— активные суждения о «вечных жизненных категориях», постоянные раздумья о «проблемах бытия», о «диалектике человеческих чувств». Об этом говорят сами названия стихотворений: «Земные пределы»; «Благородство», «Откровенность», «Доброта», «Глубина»...

Последний сборник новых стихов назван несколько необычно — «Характеры», но название очень точно передает пафос книги. Это как бы галерея различных человеческих характеров, объемных и своеобразных. Стихи этой книги изнутри озарены авторским лиризмом, пронизаны тонким, задумчивым юмором.

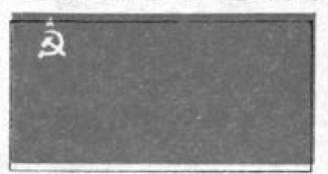
Новатор ли Евгений Винокуров? Вопрос не праздный. У него не встретишь экстравагантных метафор, трескучих аллитераций и модных рифм. Интересны высказывания самого поэта о новаторстве. «Я,— пишет он,— почувствовал себя сильным только тогда, когда вдруг понял, что в том случае, если стихотворение не вышло, его надо не «доделать»... а «дочувствовать». Я понял, что настоящий поиск... происходит не в области стихотворной техники, где продвижение вперед идет на миллиметры, а в области человеческой психики, в области мысли, где возможны рывки вперед на сотни километров».

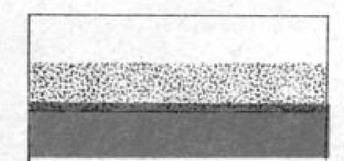
Е. Винокуров — стихотворец, ищущий новое в главном — в содержании художественного мышления. Он по-своему, свойственными ему средствами передает формирование духовного облика и глубину переживаний лирического героя — позавчерашнего школьника, вчерашнего воина, сегодняшнего строителя коммунизма, человека — хозяина жизни.

М. ЛАПШИН

Конкурс читателей

БРАТЬЯ НАВЕКИ

БРАТЯ ЗАВИНАГИ

«Огонек» и посольство Народной Республики Болгарии в СССР объявляют конкурс, посвященный дружбе народов Болгарии и Советского Союза. Конкурс проводится под девизом «Братья навеки». Мы приглашаем принять в нем участие всех наших читателей и просим присылать для публикации очерки, зарисовки, были, фотографии и рисунки, посвященные советско-болгарской дружбе.

Мы просим написать нам тех, кто сражался за освобождение Болгарии от фашистского ига. Тех советских людей, кто вместе с болгарами участвовал в строительстве новой Болгарии. Тех, кто следит за сегодняшней жизнью страны, интересуется ее искусством и литературой. Тех, кто дружит и переписывается с болгарами, кто изучает болгарский язык. Тех, кто собирает марки Народной Республики Болгарии и любит болгарскую кухню. Тех, кто курит болгарские сигареты и хорошо знаком с маркой «Болгарплодэкспорт». Тех, наконец, кому довелось побродить по улицам Софии и Пловдива, подняться на историческую Шипку, увидеть промышленные предприятия Димитровграда и знаменитую Долину роз, позагорать на золотых песках болгарского Черноморья.

Редакция должна получить материал не позднее 1 октября. Предпочтительный размер материала — не более 4—5 страничек на машинке. Победителей конкурса определит жюри, в состав которого войдут представители посольства Болгарии в Москве, Общества советско-болгарской дружбы и редакции журнала «Огонек». Для победителей установлено 30 премий. Две первые премии — поездки в Болгарию. Среди остальных премий предметы искусства, ценные болгарские сувениры.

Итак, ждем ваших писем, дорогие читатели. И желаем успеха!

В искусстве не стареют

Выходец из рабочей семьи, Владимир Николаевич Сурин был в юности учеником телеграфных мастерских, токарем по металлу, но я-то помню его уже как артиста, великолепного организатора, хорошо разбирающегося в художественных вопросах. Я помню, как он помогал созданию танцевального коллектива Моисеева, где и было-то сначала всего семь человек! Он же среди организаторов свешниковского хора да и многих-многих других хороших начинаний.

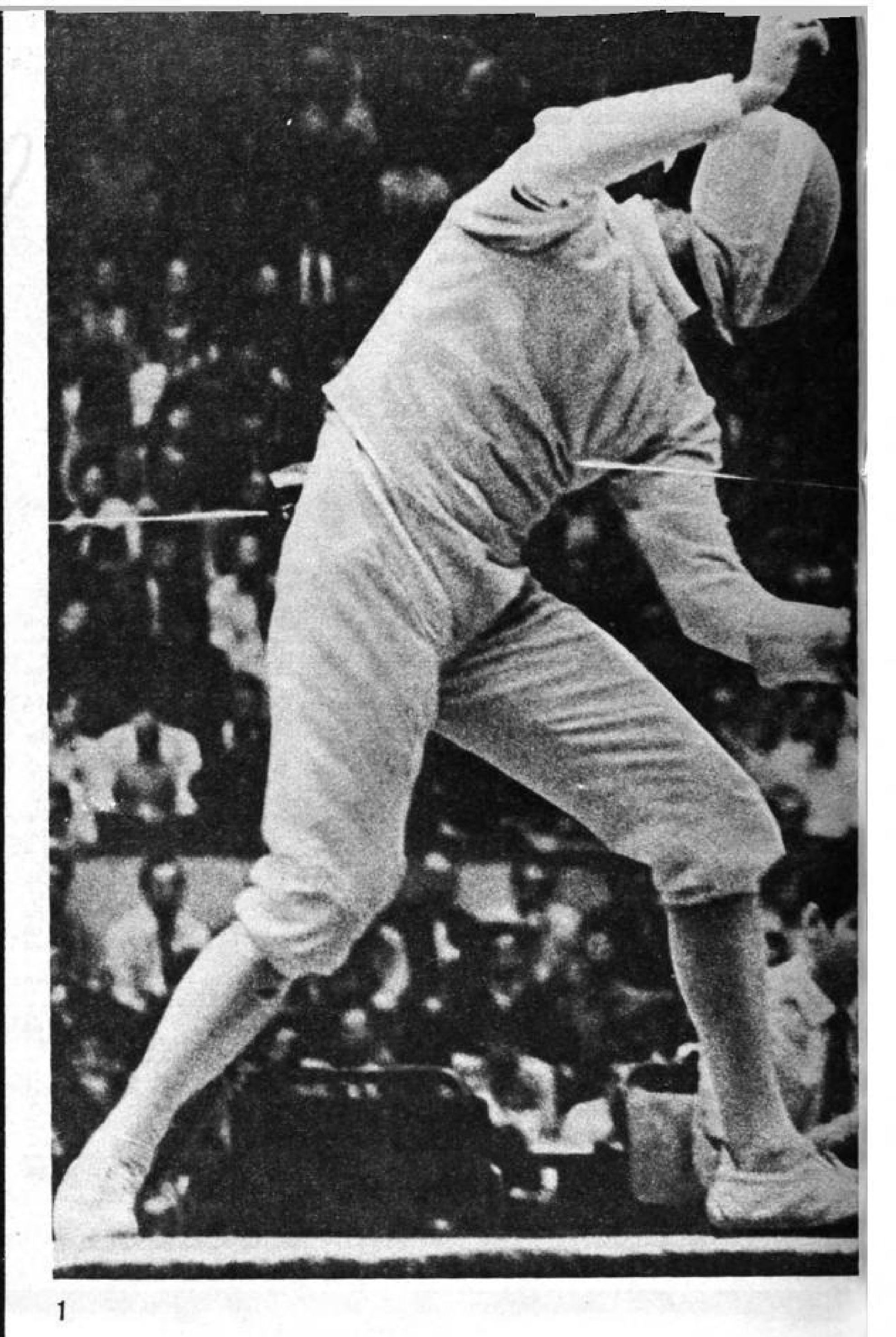
А около 20 лет назад Владимир Николаевич пришел в кино...

Должность генерального директора «Мосфильма» чрезвычайно сложна. Ведь каждый сценарист, актер, режиссер имеет свои качества, свои желания, часто не совпадающие. Нужно большое умение, такт и вкус, знание производства и много выдержки, чтобы их регулировать. А Сурин это умеет!

Многие картины «Мосфильма» за эти годы получили международное признание, отмечены первыми призами. Кстати сказать, на только что закончившемся в Праге III Международном фестивале телевизионных фильмов картина «Пакет» производства «Мосфильм» удостоена приза «Злата Прага». На студии введено много технических новшеств, создано широкоформатное кино, стереофоническая запись звука, открыты новые лаборатории для обработки пленок...

А сколько впереди работы! Поэтому хорошо, что 60 лет, которые исполнились Владимиру Николаевичу Сурину,— это еще не старость; а людям творчества стареть вообще не положено!..

Гр. АЛЕКСАНДРОВ,
народный артист СССР

1

В. ВИКТОРОВ
Фото А. БОЧИНИНА.

ЗВЕН

2

3

Современный спорт требует высокой выучки не только от спортсменов, но и от зрителей. Неподготовленный болельщик немногое увидит на хоккейном матче, когда шайба черной молнией врезается в сетку ворот, и на боксерском поединке, где порой и тренированный глаз не успевает заметить нокаутирующего удара. А о фехтовании и говорить нечего. Тут даже судьи чувствуют себя беспомощными без электрофиксатора. Недаром столько ошибок возникает на турнирах саблистов, где электрофиксатор не может быть использован.

— Сабле необходим электронный глаз,— заявил один из наших гостей, большой знаток фехтования, венгерский журналист Шандор Давид. И в самом деле, как тут увидеть туше зрителю, когда сами фехтовальщики то и дело ошибаются. Вот всего лишь один эпизод борьбы за командное первенство по сабле. Победу решал во встрече двух сильнейших команд мира — венгерской и советской — всего один укол или удар. Вот советский спортсмен торжествующе срывает маску,— но нет, он ошибся, его удар не засчитан. Вот оба фехтовальщика ликующе поднимают вверх свое оружие. Но кто же из них нанес укол первым? Это неизвестно. И лишь судьи после совещания дают победу венгру.

После триумфа наших спортсменов в фехтовании на рапире, где личное первенство завоевал Г. Свешников, а командное — М. Мидлер, Ю. Шаров, В. Путятин, Г. Свешников и Ю. Сисикин, наступил час торжества замечательных польских и венгерских мастеров клинка. Е. Павловский был первым в сабле, а венгры П. Баконьи, А. Ковач, М. Месена, З. Хорват и Т. Пежа завоевали командное первенство по этому виду оружия.

За пять дней Дворец спорта привык к топоту сильных мужских ног, громким боевым крикам фехтовальщиков — и вдруг такая метаморфоза: на боевых дорожках появились стройные фигурки женщин! Пришел час сильнейших рапиристок мира.

Поединки их оказались не менее напряженными, чем у мужчин. Уж очень равноценный подобрался состав финала: чемпионки мира А. Забелина, Г. Горохова, одна из сильнейших фехтовальщиц В. Растворова, быстрорастущая спортсменка из Минска Т. Самусенко. **И с нашей славной четверкой, как с равными, скрестили свои рапиры молодые рапиристки из Венгрии и Румынии И. Бобис и Е. Енчик. Первенство мира впервые завоевала Татьяна Самусенко, и с боевой дорожки после последней схватки она угодила в объятия друзей. А после того, как женщины спрятали в чехлы свои рапиры, чемпионат мира вышел на «последнюю прямую». Заключительное слово было предоставлено шпажистам.**

ЯТ КЛИНКИ

1 На боевой дорожке Герман Свешников (справа) и Жан-Клод Маньян. Вот оно — туше!

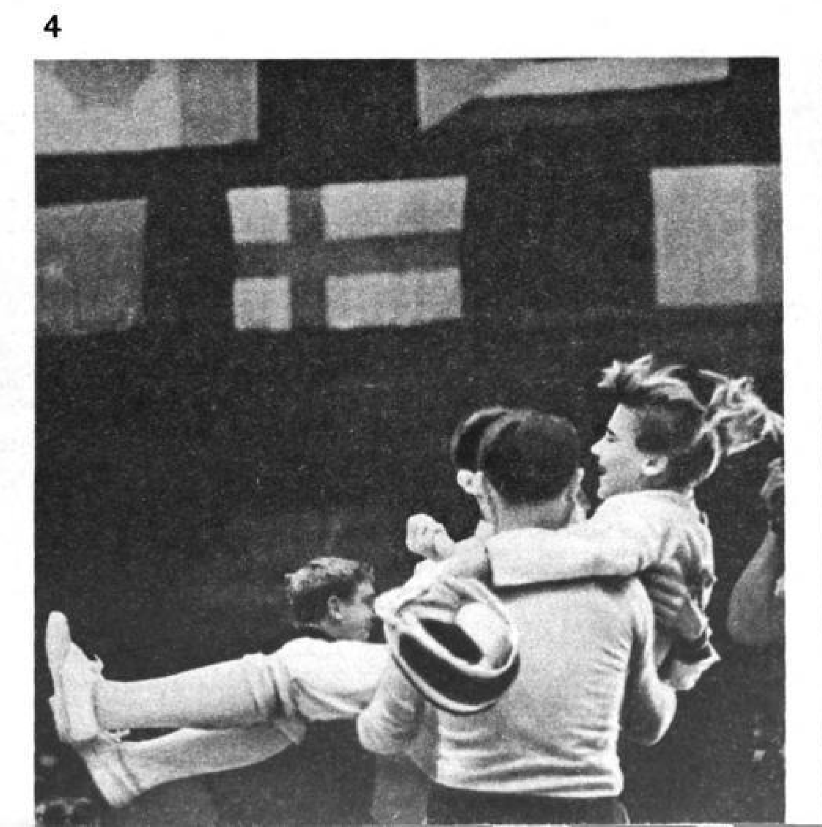
2 Победа! На трибуне почета чемпион мира по рапире Г. Свешников, слева — Жан-Клод Маньян (Франция), справа — Виктор Путятин (СССР).

3 У ног советского шпажиста Гурами Коставы не тело поверженного соперника, а всего лишь чехол и маска.

4 С боевой дорожки в объятия друзей...

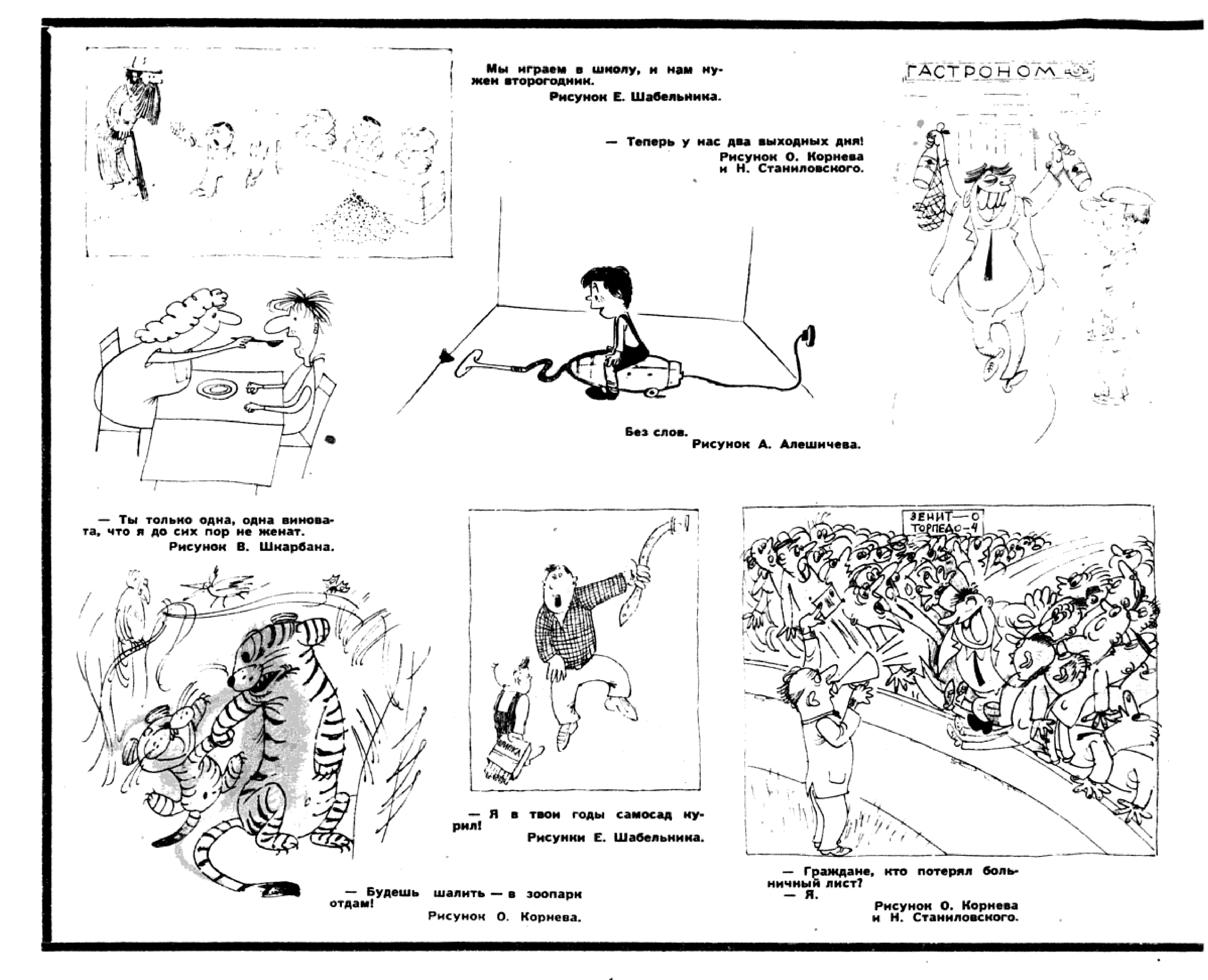
5 Чемпион мира по сабле Ежи Павловский, получив свою медаль, тут же занял место судьи.

4

5

Мы играем в школу, и нам нужен второгодник.
Рисунок Е. Шабельника.

— Теперь у нас два выходных дня!
Рисунок О. Корнева и Н. Станиловского.

Без слов.
Рисунок А. Алешичева.

— Ты только одна, одна виновата, что я до сих пор не женат.
Рисунок В. Шкарбана.

— Я в твои годы самосад курил!
Рисунки Е. Шабельника.

— Будешь шалить — в зоопарк отдам!
Рисунок О. Корнева.

— Граждане, кто потерял больничный лист?
— Я.
Рисунок О. Корнева и Н. Станиловского.

Фельетон-сценарий

ЗДОРОВЫЙ БЫЛ ЧЕЛОВЕК...

ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД

Бухгалтерия. В большой комнате десятка полтора столов. За ними — сотрудницы. Мужчин только двое. Один сидит за большим столом, лицом ко всем. За его спиной, на стене, надпись: «Старший бухгалтер». Другой мужчина сидит в дальнем углу.

У старшего бухгалтера приятное, но усталое лицо человека предпенсионного возраста. У обладателя углового стола бросается в глаза необычная форма его лысой шишкообразной головы с большими оттопыренными ушами. Не голова, а живой радиолокатор. Стоит какой-нибудь сотруднице подойти к старшему бухгалтеру, как голова-локатор чутко поворачивается на каждое слово.

— Иван Иваныч, подпишите, пожалуйста! — подходит к столу старшего бухгалтера девушка.

— С удовольствием, Милочка.

— Иван Иваныч! — У стола вырастает еще одна изящная фигурка. — У меня готова отчетность, но нет данных за последнюю неделю.

— А мы их сейчас поторопим с последней неделей, Люсенька, поторопим.

Берется за телефонную трубку. Лысая голова в углу — вся внимание.

ВТОРОЙ ЭПИЗОД

Та же лысая голова, но уже в домашней обстановке. Ее обладатель сосредоточенно пишет. На лист бумаги ложатся слова: «...а кроме того, старший бухгалтер позволяет себе легкомысленно относиться к работе, что граничит с халатностью, если не с преступлением».

Завершив анонимку, автор ее тщательно подписывается: «Сотрудница».

ТРЕТИЙ ЭПИЗОД

Кабинет среднеучрежденческого масштаба. За столом — начальник. Перед ним — анонимка. Он с кем-то говорит по телефону:

— Чепуха, говоришь? Недавно ревизия была? А вот передо мной свежий сигнал лежит. Голос трудящихся. Кто-то бьет тревогу. Надо реагировать. Анонимка, говоришь? Все равно документ. На ней уже и номер входящий стоит. Одним словом, проверь ты там своего Ивана Иваныча.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭПИЗОД

Та же бухгалтерия. Все на местах, кроме старшего бухгалтера. Всеобщее возбуждение.

— Ван Ваныча опять к шефу вызвали.

— Говорят, снимут.

— Хорошо, если просто уволят.

— А за что его увольнять?

— Найдут! На то и комиссия.

— Ох, беда! Вторую неделю все бумаги ворошат.

— Бедный Ван Ваныч!

— Теперь, небось, этого назначат, — шепотом говорит одна сотрудница другой, кивая на стол в углу, за которым сидит голова-локатор.

Видно, как за окном падает снег.

ПЯТЫЙ ЭПИЗОД

Бухгалтерия. Кипит работа. А за окном уже лето. Все на местах. В том числе и старший бухгалтер и лысая голова-локатор. Иван Иванович морщится от боли. Потирает грудь рукой. Достает из кармана валидол. Кладет таблетку на язык.

ШЕСТОЙ ЭПИЗОД

Анонимщик снова у себя дома. Пишет. Крупным планом текст новой анонимки: «...старший бухгалтер превратил финсектор в свой гарем. От разгульного образа жизни уже принимает валидол. Сотрудница».

СЕДЬМОЙ ЭПИЗОД

Как и в третьем эпизоде, за столом сидит в своем кабинете начальник. Перед ним новая анонимка. Говорит с кем-то по телефону:

— Но ведь снова сигнал! Теперь уже аморалка. Что? В тот раз, говоришь, ничего не обнаружили? До валидола, говоришь, довели человека? Ну, ладно, не надо на этот раз никакой комиссии. Вызови его к себе или на местном, что ли. Выясни, что и как. С коллективом посоветуйся. Десять дней тебе даю. Хватит?

ВОСЬМОЙ ЭПИЗОД

На экране настольный календарь. Один за другим листки отсчитывают десять дней.

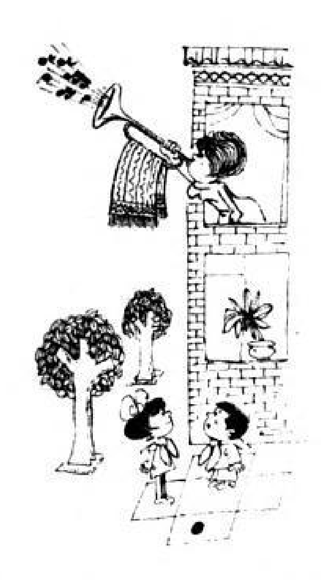
За столом тот же начальник. Берет телефонную трубку. Набирает номер.

— Привет! Ну, как с твоим бухгалтером? Проверили сигнал? Недопроверили, говоришь?! Как это так, на половине прервали? Что?! В больницу увезли? Сердечный приступ? Подумать только! Такой здоровый был человек... Слушай, может, путевочку ему надо?

В. НИКОЛАЕВ

— Ходите, а то у меня отпуск кончается.

Рисунок В. Тамаева.

— Слышишь, мама сигналит, пора обедать!

Рисунок В. Тильмана.

Кристина ЖИВУЛЬСКА

Любовь и родственники

Яцек влюбился.

Симптомы были типичны, и, хотя все это длилось только неделю, они привлекли внимание окружающих.

— Что с тобой, собственно, происходит? — обратилась мать к Яцеку.— Завтрак не съедаешь, до обеда не дотронулся, читаешь стихи. Мне можешь все сказать, ведь какникак я твоя мать, в конце концов я и так знаю, в чем дело, от меня ничто не укроется. Полагаю только, что ты еще молод для какой-то там любви. Я не имею ничего против твоих соучениц, можете обмениваться книжками, спорить, но зачем сразу же влюбляться?

В тот же день отец позвал Яцека к себе в комнату и торжественно произнес:

— Мне сказала мать, что ты влюблен. Раз уж дело дошло до этого, нужно сделать выводы. Тебе уже девятнадцать лет, не годится крутить шуры-муры, ты уже взрослый парень, иди к родителям этой панны Байер, представься. Пусть увидят, что хотя ты пороха не выдумаешь, но тебе дано воспитание.

Вечером, перед сном, к Яцеку обратился старший брат:

— Похоже, ты подцепил Гелку Байер. Надеюсь, ты знаешь, как себя вести в таких случаях? Самое главное, не быть шляпой, они этого не выносят.

На следующий день, возвратившись из города, слово взяла сестра Яцека:

— Я слышала, ты влюбился в Гелену Байер. Как это — откуда я знаю? Об этом весь город болтает. Пожалуйста, не воображай себе, что ты у нее первый. Она только так невинно выглядит, а на самом деле хорошенькая штучка. Мне-то все равно, влюбляйся в кого хочешь, я тебе только так говорю, на всякий случай, чтобы ты знал. В конце концов я тебе сестра.

Бабушка, будучи свидетелем их разговора, заявила:

— Мне не хочется навязываться молодым, мой дорогой, но в мое время человек, прежде чем влюбляться, узнавал, кто она, из какой семьи, сколько у нее земли, можно ли ждать наследства. А что ты знаешь об этой панне? Только то, что ее зовут Гелена Байер. А что за Байер, какой Байер? Этого никто не знает. А что она о тебе знает? Только то, что ты ученик школы номер сорок два. И это визитная карточка молодого человека! Эта панна Байер, наверно, даже не знает, что у тебя есть бабушка, которая нянчила тебя с колыбели.

Бабушка продолжала бы излагать свои убедительные доводы, но как раз пришла тетя, которая очень обрадовалась, увидев Яцека:

— Хорошо, что я застала тебя дома, милый. Мне хотелось бы поговорить с тобой наедине.

Наедине тетя сказала:

— От твоих родителей я узнала, что у тебя есть девушка, какая-то Байер, и что это довольно серьезно. С родителями не всегда удобно говорить по таким вопросам, и мне, тетке с большим опытом, хочется тебе кое-что посоветовать. В твоем возрасте нет ничего более легкого, чем влюбиться. Прекрасно, а дальше что? В таких случаях, как правило, появляются последствия. И результаты бывают самые плачевные...

Тетя говорила бы еще, но зазвонил телефон, и, взяв трубку, Яцек услышал голос дяди:

— Это Яцек? Моя жена у вас? Замечательно, попроси ее к телефону... Впрочем, подожди минутку. Раз уж ты взял трубку, мне бы хотелось воспользоваться случаем и кое-что тебе сказать. Я слышал, ты влюбился. Ну что ж, много случайностей подстерегает людей, каждый когда-нибудь должен через это пройти, это так же неизбежно, как корь или ветряная оспа. Но, будучи твоим близким родственником, я хочу предостеречь тебя — эти проказы кончаются по-разному. Впрочем, что я буду тебе долго рассказывать... Посмотри на нас, на меня и твою тетку! А ведь начиналось тоже так невинно...

Едва Яцек успел подумать над словами дяди, у двери раздался звонок. Оказалось, что приехал дедушка, живущий под Варшавой.

— Дорогой внучек, я, правда, приехал по своим делам, но и из-за тебя тоже. Мне написала тетка, что ты влюбился в какую-то панну Гелену. Будучи твоим близким родственником, я чувствую себя обязанным поговорить с тобой. Сама по себе любовь — это прекрасная вещь, однако...

— Уже не нужно, дедушка,— неожиданно произнес Яцек,— это уже неактуально, потому что я уже разлюбил.

— Это правда?

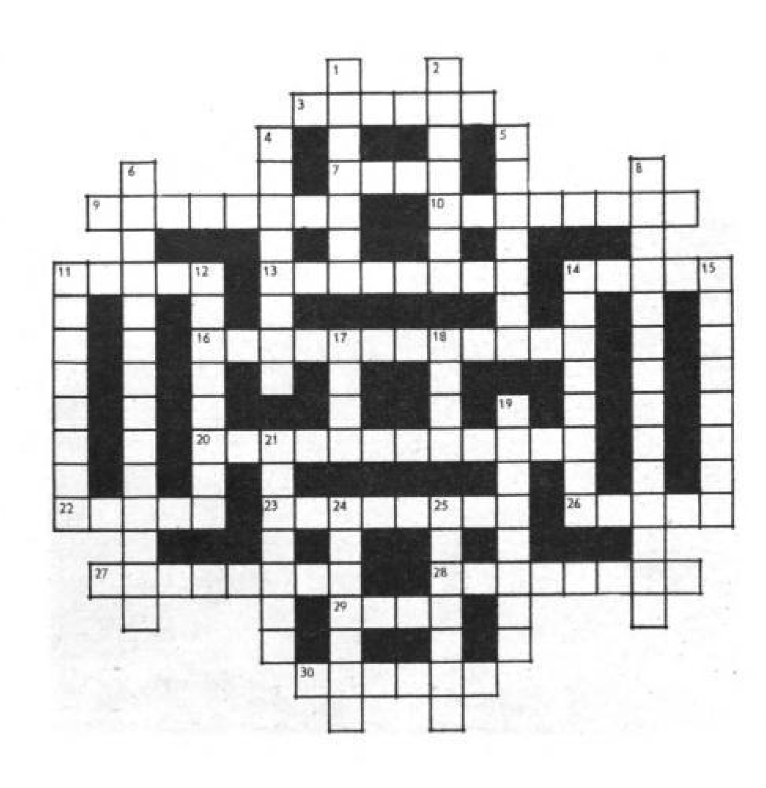
— Правда. Меня тошнит при одном ее имени.

— Ну и слава богу.

Страшно подумать, что случилось бы, если б не родственники Яцека.

Перевела с польского И. ГАВРИЛОВА.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Советский писатель. 7. Река в Закавказье. 9. Старинный музыкальный инструмент. 10. Город в Татарской АССР. 11. Древнее метательное оружие. 13. Костюм космонавта. 14. Порт в Ливане. 16. Хищная птица. 20. Наука о движении воздуха. 22. Типографский шрифт. 23. Летательный аппарат. 26. Электронная лампа. 27. Курьерский поезд. 28. Руководитель борьбы украинских крестьян в XIX веке. 29. Приспособление для просеивания муки. 30. Опера С. Монюшко.

По вертикали:

1. Сорт хрусталя. 2. Охотничья винтовка. 4. Бак для бензина, технического масла. 5. Русский шахматист. 6. Целая часть десятичного логарифма. 8. Народный художник СССР, автор цикла картин «Советская Литва». 11. Оптический прибор. 12. Человек, готовящийся к научной деятельности. 14. Астрономический угломерный инструмент. 15. Малая планета. 17. Искусственный водоем. 18. Спортивное судно. 19. Водопад в Южной Африке. 21. Узкая полоса побережья Средиземного моря. 24. Художественное повествовательное произведение. 25. Корзинка для ягод, грибов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали:

7. Георгин. 8. Баритон. 11. Фокстерьер. 12. Магистраль. 13. Хонсю. 14. Верблюд. 16. «Стоик». 19. Сажень. 20. Ариэль. 21. Каравайка. 24. Шиллер. 26. Гранит. 29. Артек. 30. Кларнет. 31. Анкер. 34. Равалпинди. 35. Козловский. 36. Траншея. 37. Пескара.

По вертикали:

1. Стратостат. 2. Аристотель. 3. Ренклод. 4. Вихрь. 5. Барий. 6. Горацио. 9. Мезень. 10. Валюта. 15. Бельведер. 17. Перкаль. 18. Гималаи. 22. Нидерланды. 23. Вишневский. 25. Рулада. 26. Греков. 27. Гравюра. 28. Пескарь. 32. Лидер. 33. Аллея.

НАЧАЛО СМ. НА СТР. 7

ТАШКЕНТ, ИЮЛЬ 1966

горелые руки, он с уверенностью и хладнокровием делового человека успевал уточнять с пришедшими какие-то детали на чертежах и лаконично отвечать на беспрерывные телефонные звонки. В короткие паузы он делился с нами сведениями о ходе работ:

— Все идет по плану. Первые рабочие чертежи частично получили. Спрашиваете, были ли трудности? Как без трудностей на такой «площадке»! С водой сперва не ладилось, с буфетами и столовыми. Не всем сразу и работу дашь по специальности. Но народ у нас закаленный, надежный.

Москва и впрямь отобрала для Ташкента строителей опытных, знающих. Каменщики, монтажники, электрики, экскаваторщики — все они строили в Москве и ее пригородах жилые корпуса, лаборатории, некоторые участвовали в строительстве стадиона в Лужниках, коксогазового и алюминиевого заводов.

Когда «узким местом» стала разгрузка железнодорожных составов со строительными материалами, москвичи вызвались работать в три смены. Кто испытал сорокаградусную ташкентскую жару, легко представит себе, каково заниматься разгрузкой на голой, открытой со всех сторон площадке, под немилосердно палящим солнцем.

По совету Михаила Павловича направляемся в одну из строительных бригад. Над окраиной Чиланзара сквозь желтую пелену пыли еле виднеются стрелы строительных кранов. По подъездным путям мчатся вереницей самосвалы. Скрежещут ковши экскаваторов, грабастающие испеченную солнцем землю. Нам нужно разыскать СУ-179 и его прораба Рудольфа Абрамовича Гицельтера. В походном вагончике диспетчер Люда Гавриленко красила стену.

— Сейчас будут,— сообщила она.— И прораб и бригадир...

Рудольф Абрамович Гицельтер и бригадир Иван Александрович Гришин пришли спустя несколько минут со стройки. Как и Коха624ненко, деловиты и немногословны.

— Как идут дела?

— Уже заложены фундаменты трех корпусов. С каждым днем темпы нарастают.

У Гришина, бригадира монтажников конструкций повышенной этажности, за плечами большой опыт. Последняя стройка, с которой он приехал сюда, «башня» на Бутырском хуторе.

— Знаете, что такое «башня»?— спрашивает он.— Двенадцатиэтажный дом. Серьезная штука. Но здесь строить посложнее, чем в Москве. Чтобы дома были устойчивы, закладываем два сейсмических пояса. Сложно? Конечно. И все же в Москве мы подготавливали фундамент за двадцать — двадцать пять дней, а здесь постараемся за десять — двенадцать.

— Пойдет бетон — все пойдет! — скупо добавляет Гицельтер.— Энергии москвичам не занимать. Правда, бригады наши только созданы, еще не все друг друга даже по имени-отчеству знают. Но план для всех — святое дело.

— Толчки здорово тревожат?

— Толчки? — Оба усмехнулись.— Честно говоря, мы их, как правило, не ощущаем. Наработаешься и спишь в палатке, как убитый. Толчками пусть сейсмологи занимаются...

Ровно в двенадцать дня к диспетчерской подходит автобус. Прораб смотрит на часы и одобрительно качает головой:

— Видите, какая точность. Совсем как в метро. Во всем нужно держать московскую марку...

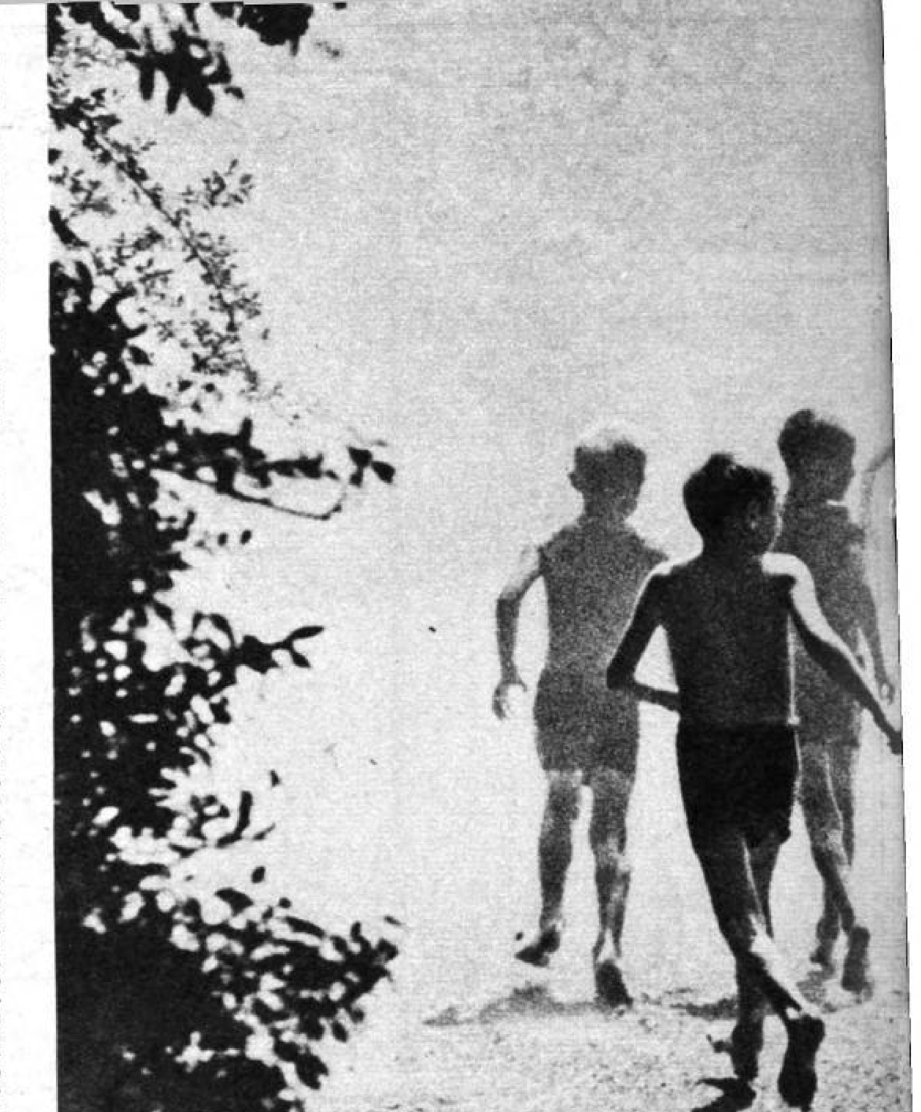
Пройдет немного времени, и в столице Узбекистана вырастут кварталы новых светлых зданий. И будут, возможно, названы они московскими, ленинградскими, самаркандскими, ферганскими, харьковскими, киевскими. В честь тех, чьи умелые, дружеские руки протянулись в дни суровых испытаний на помощь жителям Ташкента.

Но это, пусть и недалекое, все же будущее. Город, отстраиваясь, решает самые неотложные дела. Жизнь идет своим чередом. Заводы и фабрики выполняют производственные задания, хотя многие предприятия повреждены и рабочие участвуют в восстановлении города. Мчатся по улицам машины с мебелью, домашней утварью. Пострадавшие переселяются в новые дома, капитально отремонтированные квартиры, в другие города республики, охотно изъявившие желание принять десять тысяч семей, обеспечить их жильем и работой. К концу июня уже получили кров около 25 тысяч семей.

Бесперебойно работают магазины, столовые, ларьки. На улице Навои с утра до вечера шумит многолюдная ярмарка. Открыты для зрителей двери театров, концертного зала имени Свердлова, летних и зимних кинотеатров. Как и обычно, в государственном университете проходит защита диссертаций, газеты публикуют справки о том, куда пойти учиться... Переполнен в дни футбольных матчей центральный стадион «Пахтакор»...

— В Ташкенте дрогнула земля, но устояли люди.

Так седой аксакал Юлдаш Ибрагимов сказал о своем родном городе — городе мужества. Сказал как нельзя лучше.

1. В ТАШКЕНТЕ + 43°.

2. ПРИЕХАЛИ МОСКВИЧИ.

3. В КИЛОМЕТРЕ ОТ ЭПИЦЕНТРА.

4. ОЛЕГ КОСТЮКОВ И САИДАХМЕД ЮСУПОВ — БОЙЦЫ СТУДЕНЧЕСКОГО ОТРЯДА.

5. В ЧИЛАНЗАРЕ ВСТАЕТ НОВЫЙ ГОРОД.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

2

На первой странице обложки: Каменщица Катя Сугоняко приехала из Киева строить новый Ташкент.
Фото Л. Шерстенникова.

На последней странице обложки: Лето.
Рисунок Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10643. Подписано к печати 13/VII 1966 г.
Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. Печатн. листов 5,0.
Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 1152. Заказ № 1941.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

1

3

4

5

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

